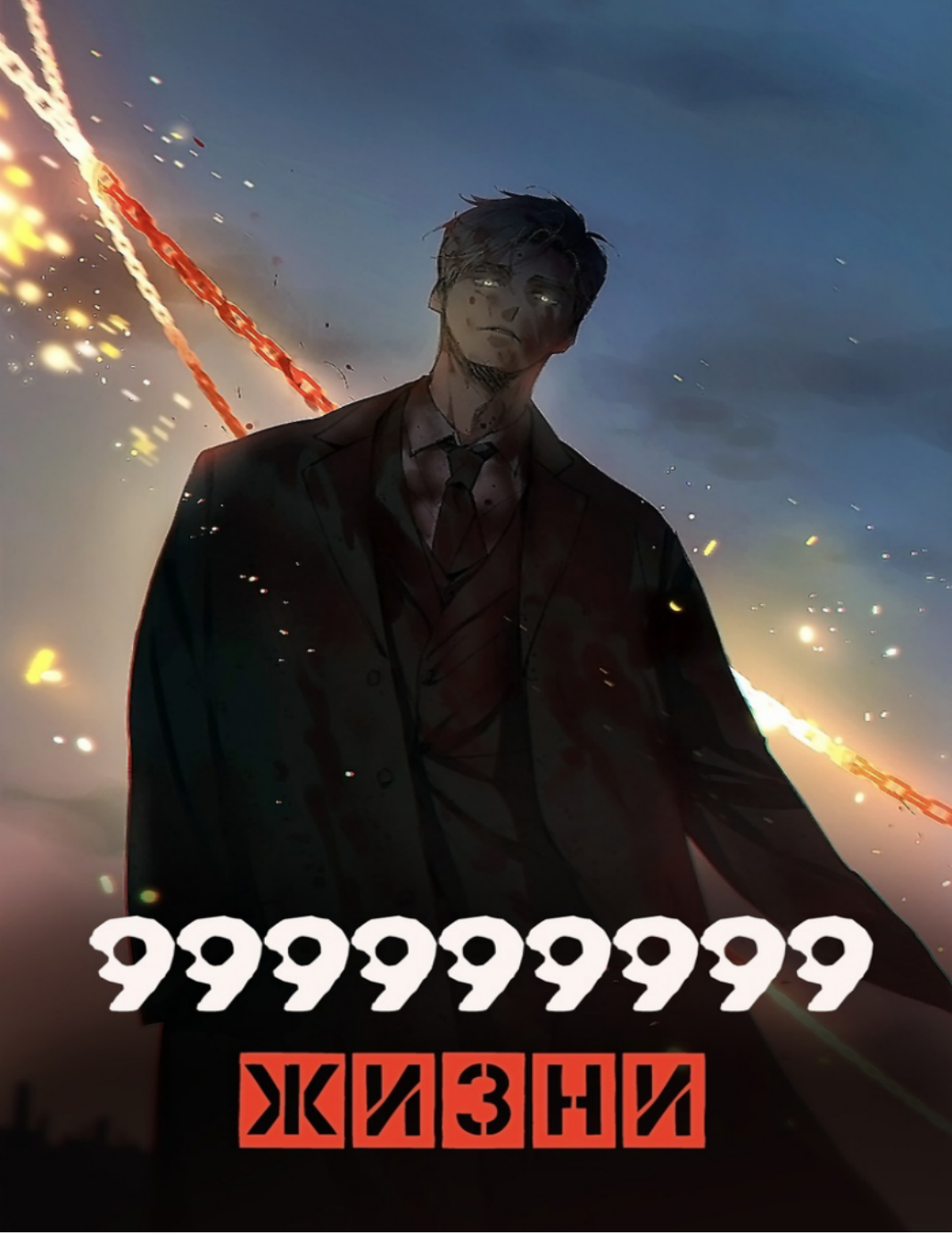
999999999
ЖИЗНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Еще в детстве ты совершил непоправимую ошибку и твои дни сочтены. Не литрпг. Не реалпг. Независимый цикл во вселенной "Скверна",

- Оро Призывающий
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30 — Эпилог

Оро Призывающий 999999999 жизни

Пролог

Тупая боль переходит в острую — быстро, как будто включили свет. Скулы сводит от мерзкого привкуса на языке и предчувствия рвоты; желудок скручивается в ком, а затем — меня рвёт. Ощущение такое, будто наружу выходят лезвия вместе с кусками внутренних органов, но это, конечно, просто кажется: будь это правдой, я бы так долго не протянул.

Руки рефлекторно вцепляются в металлическую раковину. Глаза машинально отмечают то, насколько облезла на ней белая краска. Почему именно эта деталь? Не знаю, но если не сосредоточиться на чём-то таком — будет ещё хуже.

Мерзостный поток не бывает длинным, но чувства — хуже некуда. Наощупь найдя в кармане салфетки, я вытираю лицо и поднимаю глаза выше, к грязному, засиженному мухами зеркалу.

Да уж. Красавец. Всё лицо перекошено, забрызгано всяческой дрянью, искажено от боли, которая и не прекратилась вовсе, а просто отхлынула, снова став тупой и размытой — как мелодия на заднем плане. Так и живу.

Впрочем, даже без гримасы это лицо никак не тянет на красивое. Оспины на коже — внешние отражения внутренних процессов, отметины Скверны — превратили моё лицо в кожаную маску, вроде тех, что продаются в магазинах хэллоуинской атрибутики. Ну, знаете — резиновые рожи с лицами гоблинов, мумий, зомби, а иногда и политиков или звёзд.

Вот и моё лицо такое же. Бугристая кожа, вмятины и шишки тут и там, и, конечно же, неестественный цвет лица. Чёрные волосы, обрамляющие это лицо, выглядят париком, нацепленным поверх маски. Тёмные очки, хотя бы немного скрывающие это уродство, сейчас лежат сбоку, на раковине — я как раз успел снять их, когда приступ скрутил меня.

Смешно. Когда-то меня даже называли красивым — давно, в детстве.

…ладно. В детстве много чего было — и хорошего и плохого. И что теперь вспоминать?

Скривившись, я отворачиваюсь от зеркала. Не разбивать же его кулаком, как в глупых фильмах. У меня всё проще. Я не то, чтобы смирился, я скорее принял последствия своего неосознанного выбора и… ни капли о нём не жалею. Пусть и совершил по незнанию. Ещё раз вытерев лицо, я надеваю очки и капюшон.

Пора возвращаться в автобус. Водитель ждать не будет, пока я тут вспомню всю свою жизнь от роддома и до этого момента.

Хлопнув дверью туалета, я выскочил из заправки на улице и начал искать взглядом видавшее года транспортное средство.

Ага, вот и он. Низ белый, верх тёмно-зелёный. На вид — ещё ровесник моих родителей, хотя внутри двигатель должны были обновить… надеюсь. Мутноватые окна и тошнотворный запах выхлопов — от него никуда не денешься.

Успел я вовремя. Автобус тронулся как раз в тот момент, когда я пробирался между рядами к своему месту, обозначенному полупустой бутылкой из-под газировки — чтобы не заняли, пока отлучаюсь в туалет. Водитель дёрнул педаль газа, и я, не успев схватиться покрепче за поручень, повалился прямо на толстую тётку, чьи раскидистые бока свисали в проходе, словно подушки безопасности.

— Эй! — визгливо возмутилась она. — Смотри, куда падаешь!

Очень смешно, ха-ха. Вот именно когда падаешь — смотреть как раз удобнее всего.

— Простите! — буркнул я. — Не успел…

— Что ты не успел? — тётка всплеснула рукой, пышно и величаво, как будто проплыл на гребне океанской волны величественный кашалот, — Шнурки завязать ты себе не успел? Нужно глядеть, когда идёшь, а не можешь устоять — держись!

Ох. Кажется, это надолго. А до столицы ещё три часа ехать, не меньше… Пытаясь не отсвечивать и издавать как можно меньше шума, я взялся за поручни покрепче и двинулся дальше к своему месту. Меня всё ещё слегка шатало после приступа, так что водитель, в принципе, был не так уж и виноват.

— …а это не значит, что нужно идти вслепую, да ещё и в этих чёрных очках! — продолжала возмущаться толстая тётка. Я затылком чуял её гневные взгляды, а скрипучий и неприятный голос навевал печальные воспоминания — воспоминания о…

…не будем о грустном. Дойдя до сидения, я стащил со спины полупустой рюкзак и, протиснувшись на сидение у окна, кинул его себе под ноги. Отлично, едем.

В принципе, я не очень много ездил в своей жизни, а когда ездил — то всё больше по врачам. Впрочем, к тому моменту, как симптомы этой заразы стали очевидны, что-то делать уже было поздно. Ещё года за два до того — и… И мне бы продлили жизнь лет, может, до тридцати или около того. Но всё случилось так, как случилось.

Стал бы я менять что-то, появись у меня шанс вернуться в прошлое? Наверное, стал бы — жить-то хочется. Жалею ли я о чём-то? Нет. Жалеть себя — последнее дело, особенно если ничего не можешь изменить. Жизнь идёт так, как идёт, и вот я

здесь — в автобусе до столицы, еду в свою последнюю поездку под аккомпанемент визгов и криков толстой скандальной тётки.

— И вообще! — кажется, ей было плевать, что кругом люди, что сейчас половина седьмого утра и кто-то пытается спать, что я давно уже ушёл от неё. — Если у кого-то такая клаустрофобия — пусть едет поездом. Там и места побольше, и тамбур есть, где можно постоять, и вообще!

— Ой, что ты такое говоришь, Даша, — увещевала свою подругу её более худая спутница. — Ты новости читаешь? В поездах постоянно что-то случается. То одно, то другое… знаешь, сколько происшествий случилось в поездах только за последние полгода?

— Да если б так было, давно бы сняли те рейсы! — толстухе было всё равно, на какую тему орать, и она с готовностью включилась в новое обсуждение.

Я воткнул наушники в уши и нажал кнопку на плеере. Чем слушать эти бредни — уж лучше увлечься музыкой.

В какой-то момент я заметил, что на меня смотрит сидящий напротив старик — жуткий, как мумия, сморщенный, со стеклянным взглядом, а ещё одноногий — рядом стоял его костыль… Но пока я соображал, в чём дело и что не так с этим полоумным дедом, тот уже отвёл взгляд.

И что это было? Я поправил очки и отвернулся к окну.

На вокзал мы прибыли в полдесятого. Если мой родной город в такое время ещё только разгоняется, то столица — уже вовсю живёт своей столичной жизнью. Или эта жизнь никогда в ней не прекращается? Сложно сказать: до этого я бывал тут всего пару раз. Тем не менее, я хорошо знал, куда мне нужно. Есть не хотелось — нормальное дело при моём диагнозе, а каких-то других планов у меня в столице не было. Конечно, до начала выступления ещё семь часов, но это же столица — пока доберусь, пока найду…

…и, разумеется, так оно и вышло. Большую часть дня я просто гулял… нет, сначала нашёл место, куда нужно прийти вечером, а уже потом гулял, стараясь не уходить от него слишком далеко.

День летел быстро; всё-таки столица есть столица, и впечатлений тут хватает. Но всё это меркло по сравнению с предвкушением того, ради чего я приехал. И, примерно за полчаса до начала, я спокойно шагнул в концертный зал.

Билеты на сегодняшнее выступление стоили не так, чтобы очень дёшево, но когда ты не планируешь жить дольше пары-тройки месяцев, деньги не являются очень большой проблемой, не так ли? Я с относительным комфортом устроился в кресле в

четвёртом ряду — достаточно близко, чтобы хорошо видеть её, и достаточно далеко, чтобы я мог себе это позволить — и стал ждать.

Чего только этот концертный зал не видел. И выступления наимоднейших групп, и политические митинги, и парады чьей-либо памяти. И, конечно, выступления вроде сегодняшнего. Этой моде не так уж много времени — выйти на сцену и рассказывать, красиво жестикулируя руками, как ты стал таким успешным и что нужно сделать другим, чтобы стать такими же, как и ты.

До выступления ещё оставалось немало времени, но народ уже активно собирался в зале. Я огляделся.

Конечно, львиная доля собравшихся сегодня — её фанаты. То есть, те, кому интересны не её слова, а она сама: как певица, как знаменитость. Эти пойдут на её выступление, даже если она два часа будет рекламировать промывание форсунок.

Но и кроме них, людей хватало. Не знаю, как я их отличал — может, мне просто казалось, что отличал? Но, как по мне, эта часть публики выглядела поприличнее и поинтеллигентнее. Без фанатского блеска в глазах, без её портретов на одежде, разговоры друг с другом — на порядок тише…

Значит, она интересна и таким. Неудивительно. Она ведь не только звезда эстрады, но и медийная личность, занимается культурным развитием — себя и окружающих заодно.

Параллельно со своими взглядами по сторонам я ловил и чужие взгляды на себе. О, ещё бы… наверное, я выгляжу стрёмно. В очках и капюшоне, уродливые отметины на лице.

Что же, я привык.

Наконец, свет в зале погас, а вместе с ним утихли и разговоры, за которыми коротали время до начала выступления тысячи зрителей, что пришли сюда узнать очередные секреты успеха. Пару мгновений спустя прожекторы осветили пустую стойку микрофона на сцене небольшим кругом, таким образом сфокусировав зрителей на предвкушении грядущего выступления. Из динамиков, расположенных по всему периметру зрительного зала, зазвучала одна из сотен безликих мотивационных песен, что нынче играли в каждом такси, а вслед за ней тут же загорелись большие экраны по бокам для тех, кто не смог позволить себе билеты в первые ряды.

Я выдохнул. Сейчас я увижу её впервые за много лет. Две секунды — и, под общие овации и пронзительный свист откуда-то с балкона, вышла она. Скромно, красиво, минималистично. На теле легкая накидка — ничего сверхъестественного, но выглядеть она умудрялась одновременно и целомудренной, и эротичной. Скромно глядя на аудиторию, она улыбнулась.

— Всем добрый вечер.

И — уже этих трёх слов хватило, чтобы внимание публики оказалось прикованным к ней. “Важно не то, что ты говоришь, а как ты это говоришь” — эта фраза казалась чертовски меткой. Она стояла на сцене, освещённая белым лучом прожектора, прекрасно умеющая держаться, но держащаяся открыто. Темные волосы свободно спадают с плеч, не собранные в заумную причёску, как на её концертах. Выражение лица — открытое и… фальшивое?

— Если честно, я немного боюсь выступать… Вот так. Потому что одно дело — выходить на сцену со своим творчеством, а другое дело — рассказывать о себе. Надеюсь, вы не будете смеятся, если я начну з-заикаться…

Шутка простая, но интонации, ударения между слов вызвали улыбку почти у всего зала.

— Но я постараюсь, как и всегда. В конце концов — “ты сдюжишь, ты сможешь, вперёд!”

Фраза из её песни — наверное, одной из самых популярных. Конечно, у неё есть много куда более стандартных текстов — про любовь, про всякие прочие популярные мысли, но именно эту песню год назад назвали “самой мотивирующей песней Республики среди нового поколения”.

— И, — продолжила она мысль, — как и в любой хорошей истории, я начну со своего детства. В детстве я была… обычной девчонкой. Даже не из столицы.

Я слушал её слова, звучащие мягко и чуть чарующе. Я не ждал от её выступления документальной правдивости — даже безголовому будет понятно, что текст написан за неё, вычитан, выверен, трижды отредактирован и утверждён. Но всё-таки многое было правдой.

— Время летело быстро. Чем я занималась? Тем же, чем и все нормальные дети в то время. Играла с друзьями, била крапиву палкой, лазила по гаражам…

Да, всё это было. Видел, помню. Принимал активное участие. Друзей, правда, у неё было не то чтобы много: мало кто, кроме меня, хотел дружить с ней. Или, точнее, мало кто мог — из-за положения её родителей.

— Прекрасное было время. Ни проблем, ни ответственности… — она мечтательно, ностальгически улыбнулась. — Думаю, все вы вспоминаете о том времени так же. Так длилось до моего десятилетия, а потом…

Её лицо враз помрачнело.

— Я пробудилась. Слабые способности… и диагноз в придачу к ним. Думаю, вы все знаете, какой: чернокровие.

Ну уж нет, слабыми её способности не назовёшь. Мало кто об этом знает, конечно. Когда она наконец-то смогла развить в себе способности, подаренные пробуждением, выяснилось, что ей достался редкий дар. Не самый полезный в бою или политике, зато… Красивый. Идеальный слух, чарующий до гипноза голос. Лучше всего это было заметно, когда она пела, но и простая речь её могла заворожить своей плавностью, ритмом и какой-то еле уловимой внутренней гармонией. Поэтому она сейчас и могла заставить зал переживать двумя словами.

Но болезнь — правда, чистая.

— Это было как гром среди ясного неба. Не знаю, поймёте ли вы… надеюсь, что никто из вас не испытывал и никогда не испытает такого, но когда тебе десять, и тебе говорят, что ты скоро умрёшь — это… как будто выключают свет в ярко освещённой комнате.

Не помню, чтобы ей кто-то такое говорил. Нет, мы были детьми — и, как и свойственно детям, мало что тогда понимали. Да, что-то случилось. Да, она стала болеть, и это расстраивало. Но точно скажу — о смерти тогда никто из нас двоих не думал и не знал в помине.

— С этого момента все стало сложнее. От меня все отвернулись. Все до единого.

Я напрягся. Вот как?

— Не было ни единого человека, кто решил бы поддержать меня. Я стала изгоем, который умрет через пару лет. Ведь для нас так важно, чтоб общение с человеком имело будущее. Никто не хочет дружить с тем, кого… не станет. Я знаю это как никто другой. Ведь довольно сложно общаться с другом, когда понимаешь, что будешь стоять через пару лет у него на похоронах.

Ложь. Я не отвернулся от неё. Я тогда не думал ни о каких похоронах, но даже если бы и думал — всё равно не отвернулся бы. Чего не скажешь о тебе, моя родная.

— Но, увы, похороны не состоялись, — она вновь улыбнулась, как бы символизируя этой улыбкой победу над болезнью. Теперь эта улыбка казалась мне более фальшивой, чем ранее. Нет, я и до того понимал, что она актриса на сцене, что играет роль, но теперь…

— Вот и все, что я могу сказать о своем детстве. Трудности сделали меня такой, какая я есть. Позволили мне не терять надежды в дальнейшем пути, как бы трудно не было. И вот я здесь.

Как и кто поднял руку — я не заметил; я вообще полагал, что вопросы задают после выступления, а не посреди. Но она

отреагировала.

— Да? Вы хотите что-то спросить?

— Скажи, — фанат через пару рядов позади меня заговорил со звездой сразу на “ты”. — Это всё, ну, оно же, типа, заставило тебя больше ценить жизнь? Когда бываешь, типа, близко к смерти, и…

— Разумеется, — кивнула она. Кажется, она специально не дала фанату договорить до конца, чтобы остановить поток его “типа” и “ну”. — Я очень сильно пересмотрела свои взгляды на жизнь — ещё тогда, подростком — и это всё осталось со мной до сих пор. Я ценю каждое мгновение, что мне отпущено, и каждый день напоминаю себе, что этот самый день может стать последним. И стараюсь прожить его достойно.

Вслед за первым фанатом тянул руку и второй, уже спереди от меня. Кто-то из сотрудников зала шустро передал ему микрофон.

— Как вы думаете, — этот заговорил на “вы”, — Если бы не болезнь, не все эти трудности — как могла бы сложиться ваша судьба?

— Не знаю, — она покачала головой, и я сам собой, ненароком подметил, что этот жест не изменился со времён нашего с ней детства. Такой же лёгкий поворот головы, как и тогда. — Я не предсказатель, но одно могу сказать точно: это была бы уже не я. Мой путь определило именно то, через что мне пришлось пройти.

У меня в голове стоит другой образ. Она… во время болезни. Лицо не такое уродливое, как у меня, но и красивым его уже не назовёшь. Хриплый, надтреснутый голос, как у той тётки из автобуса — её собственная сила обратилась против неё…

Я не отвернулся. Даже не подумал об этом.

Я тяну руку.

— Ещё один вопрос, — улыбается она. — А потом я всё-таки продолжу.

Кто-то суёт мне в руки микрофон, я машинально беру его.

— Спасибо, — благодарно киваю я… и снимаю очки. Короткий обмен взглядами практически незаметен для окружающих, но сам я уверен на все сто: узнала. Не так уж сильно я изменился за эти годы… Если не считать оспин на лице, которые сами по себе — улика.

— Итак, о чём вы хотели спросить? — ни голос, ни жест — ничего не выдаёт этого узнавания, и всё-таки глаза говорят об обратном.

Пару секунд я молчу. Нет, я не думаю: вопрос давно сформулирован внутри меня. Просто решаюсь.

И, наконец, заговариваю.

— А если бы ваш близкий человек заболел…

Во рту сразу появляется железный привкус крови — в нынешнем состоянии мне не так-то просто выдавать речи; несколько сидящих поблизости людей оборачиваются на хрипловатый голос.

Напряжённая пауза; хочу ли я знать, что она ответит?

— Вы бы отвернулись?

— Ну, разумеется, нет, — кивает она. — Я бы сделала всё возможное, что только могла бы, чтобы как-то ему помочь или, по крайней мере, поддержать перед… неизбежным.

Люди, сидящие вокруг, наверное, думают, что я ищу какой-то моральной поддержки или совета. Они ведь прекрасно видят, что у меня «та же самая» болезнь; некоторые даже отодвинулись чуть подальше. Знали бы они…

Грустно улыбаясь, я гляжу ей в глаза. Врёшь. Отвернулась. Она тоже глядит на меня — и открывает рот первой.

— Но мы здесь собрались не для того, чтоб говорить о моей болезни. Она осталась в прошлом. Вы наверняка хотите услышать больше о моем творческом пути…

Ну, хотя бы не стала делать пиар на моей болезни и сообщать мне, что я непременно исцелюсь, если только последую её советам.

— Я не пытаюсь жить прошлым… и другим не советую это делать. Смотрите в будущее! — замечает она.

«Другим». Возможно, уже к утру эту фразу растащат по модным девчачьим пабликам, но я знаю, что она предназначена мне.

— А… — начинаю я, но тут микрофон уходит из моей руки.

— Парень, остынь, — советует мне кто-то из сидящих рядом. — Ты тут не один.

Я в лёгкой растерянности гляжу на микрофон, который уносят обратно, на неё, которая уже смотрит не на меня, а в зал, на всех разом и ни на кого в отдельности, сажусь на место.

— Ну, раз так, — слова без микрофона слышат только окружающие, и всё-таки из четвёртого ряда они могут до неё долететь, — желаю прожить это будущее полноценно и без сожалений о прошлом.

Её голова не поворачивается в мою сторону… Но, кажется, чуть вздрагивает. Или это мне показалось?

— Но всё изменилось для меня, — продолжила она, — только здесь, в столице. Именно здесь я нашла себя, свой путь, свои цели в жизни… А ещё — встретила Пашу Сербского, человека, который поддержал меня и не отступился в сложные времена, и который…

Вот же… Значит, это он её поддержал. Конечно — такая же звезда, пиар, рейтинги. Ему нужно выглядеть хорошим, а заодно давать СМИ пищу для обсасывания в виде их романа. А кто такой я?

Кто бы сомневался. Знакомое ноющее чувство начинает наполнять легкие, не давая мне даже как следует разозлиться на неё.

— Простите, — я снова надеваю очки и, встав, начинаю проталкиваться к выходу. Стоящая неподалёку охрана напрягается — вдруг я чокнутый фанат, вдруг сейчас начну прорываться на сцену к любимой звезде? — но, когда я, вырвавшись из ряда кресел, поворачиваюсь к выходу, расслабляется.

Около минуты — и вот я снова у раковины. Вовремя. Снова боль, снова лезвия в животе, в горле, во рту… Меня мутит и рвёт, хотя я так ничего и не съел за день, только выпил чай в кафе. Впрочем, организм, как всегда, находит, что исторгнуть наружу — кровь и какие-то бурые сгустки, о происхождении которых я предпочитаю не задумываться.

Руки снова сжимают раковину. Белую, блестящую, как и всё тут. Да уж, этот туалет — не чета тому, привокзальному и обшарпанному. Всё сияет, и зеркало начищено от души…

А только какая разница, если в нём всё равно отражается то же самое лицо?

Посмотреть на себя в зеркало я не успеваю. Перед глазами всё плывёт, и я ощущаю, что падаю.

Глава 1

Я открываю глаза. Голова болит — но это не та боль, к которой я привык; не боль от болезни, а просто… трещит череп. Кажется, при падении я неплохо стукнулся обо что-то.

Потолок над головой — белее белого; попытавшись оглядеться, я убеждаюсь, что этот цвет здесь — основной. Белые стены, белый свет люминесцентных ламп, белые занавески на окнах, белое одеяло. Подушку под своей головой я не вижу, но она наверняка тоже белая. А ещё накрахмаленная до хруста; мне в ноздри врезается этот специфичный запах.

Похоже, я в больнице. Пары секунд достаточно, чтобы осознать, что в руку что-то воткнуто. Капельница? Кажется, да. Вторая рука рефлекторно тянется, чтобы выдернуть из вены иглу.

— Стойте-стойте-стойте! — едва только я попытался сделать это, как дверь открылась и в палату вошла медсестра. Симпатичная, моя ровесница или чуть старше — впрочем, сейчас это едва ли имело значение. — Вам не положено.

— А мне не поможет, — хрипло заметил я в ответ. — Бесполезно. Чернокровие на последней стадии, что может сделать капельница?

— Это уж решит доктор, — решительно шагнув вперёд, медсестра кладёт ладонь на пластырь. — Но вам не положено самостоятельно отрываться от капельницы. Глядите, тут всего-то на пару минут осталось.

Что за дурацкий тон… она говорит со мной как с ребёнком. Но и я, наверное, хорош: «не поможет», «что может сделать?»… Мне-то всё равно, я уже смирился с тем, что долго не проживу, а вот у неё могут быть неприятности.

— Ладно, — я кивнул и вновь откинулся на подушку. — Где я, собственно говоря?

— Больница имени Лазаря Симницкого, — сообщила мне медсестра. — Вас доставили в вип-палату полтора часа назад.

Доставили? В вип-палату? Очень интересные дела. Если честно, я бы куда меньше удивился, очнись я в какой-нибудь там городской муниципальной больнице номер семь, в общей палате для острых больных с прямым выходом в морг. Или вообще в хосписе.

— Это же платная больница, так? — я поглядел на неё. — Не думаю, что я смогу…

— Всё уже оплачено, — улыбнулась медсестра профессиональной улыбкой. — Не нужно беспокоиться. Лежите и не напрягайтесь, помимо основной болезни, у вас ещё лёгкий

ушиб с сотрясением.

То-то голова так болит… А девчонке нужно отдать должное: «основная болезнь». Ну, да, при безнадёжных больных обычно стараются не называть их болезнь вслух.

Но мне, конечно, снова везёт: мало мне чернокровия, так ещё и сотрясение на ровном месте заработал.

— Но я же… — я повёл свободной рукой, — Я ведь не обязан соблюдать режим и лежать тут…

С губ чуть не сорвалось «пока не сдохну», но я вовремя осёкся: нечего пугать человека.

— Процедуры, назначенные врачом, обязательны, — кивнула медсестра. — В прочее время вы можете ходить по территории больницы, однако вам рекомендовано…

Ох. Кажется, без откровенного разговора не обойтись.

— Я не об этом, — поморщился я, привставая на подушках. — Давайте честно. Я умираю, мне осталось не очень много. И я совершенно не хочу провести свою жизнь в больнице, даже такой дорогой и замечательной, как эта.

— Я поняла вас, — хорошо, хоть возражать не стала. — Доктор зайдёт к вам до окончания рабочей смены; вот с ним и поговорите на этот счёт.

— Но…

— Увы, я не могу сама решать такие вопросы, — чуть виновато улыбнулась она. — Но смена заканчивается через час с небольшим!

Действительно. Выступление Лики начиналось ранним вечером, и если я ещё какое-то время валялся в отключке… Да уж. За окном темнеет, несмотря на лето. Хорошо ещё, этот врач вообще на месте!

Секунд двадцать я просто неподвижно лежал, глядя на капли в капельнице. Последние.

— Хорошо, — согласился я. — Пусть так.

— Вот и прекрасно, — медсестра умело зажала иглу ваткой — и вытащила её из моей вены. — А теперь прижмите и подержите пару секунд.

Или что? Занесу заразу? Потеряю пару капель чёрной от Скверны крови?.. Эти формальности смешили меня, но я всё же выполнил её просьбу.

Вот и что я за целитель такой… Не способен исцелить самого себя.

Зато другого — могу. Полностью, быстро и крайне эффективно. Ценой своего собственного здоровья и, в итоге, жизни. Способность, полученная мной при пробуждении, работает очень просто: я забираю чужие болезни. Любые — от

пореза на пальце до рака лёгких. Правда, забери я рак, у меня было бы больше шансов, чем сейчас.

Никогда не любил больницы. И не в том смысле, что они у меня ассоциируются с собственными недугами, нет. Просто возникает крайне неприятное душащее чувство, когда видишь людей, которым ты мог бы помочь по щелчку пальцев — но ничего не делаешь. Цена слишком высока. И никакое “спасибо” не сможет ее окупить. Случай с Ликой — яркий тому пример.

Жалость и сопереживание — страшные, неблагодарные чувства, которые я всегда стараюсь давить в зародыше. Мать часто корила меня за то, что я слишком добрый. И уж извольте, я еще в том возрасте и в той ситуации, когда положиться на оценочное суждение своих родителей — допустимо.

— Если вы проголодались, — снова дежурная улыбка от медсестры, — То наша столовая работает круглосуточно. Ваша оплата предполагает стандартное четырёхразовое питание, однако, если вы хотите чего-то, что не входит в наше меню — при отсутствии противопоказаний от врача, разумеется — то за отдельную плату…

— Нет, спасибо, — поморщился я, садясь на кровати. Голова всё ещё трещала, кажется, про сотрясение — это всерьёз. — Я уже понял, какая у вас офигенно крутая платная больница, но есть что-то не хочется.

А ведь должно бы хотеться. Когда я последний раз ел? Хорошо, если вчера.

— Как скажете, — медсестра вышла из палаты и прикрыла за собой дверь.

Ну, ладно.

Аккуратно держась за кровать — я отлично знал, как после такого может закружиться голова — я встал. Ага, вон и моя сумка со скудными вещами — аккуратно уложена в прикроватную тумбочку. А вот одежды не вижу. Только сейчас я обратил внимание, что на мне — больничная пижама.

Белая, разумеется.

Итак, кто же оплатил мне всю эту белую-белую роскошь? Вряд ли это просто случайный прохожий решил выступить неожиданным меценатом. Вывод напрашивался сам собой.

Лика. У неё и денег легко хватило бы на элитную больницу, вот только… почему?

Я всё ещё был зол из-за того, что она «не узнала» меня на выступлении. Из-за того, что она рассказала, из-за слов о её ненаглядном Паше, которые она повела дальше. Но если это она — то, значит, почему-то она захотела это сделать?

Отдать долг? Не чувствовать себя виноватой и как будто

должной? Глупо. Можно подумать, я понимал, что делаю тогда. Мне было двенадцать, и я просто не хотел, чтобы моя единственная подруга часто болела. Как работают мои силы, какими последствиями это чревато… я ведь и понятия не имел. Сделал бы я то же самое, знай то, что знаю сейчас?

Я до сих пор размышлял над этим вопросом.

Ладно. Можно сколько угодно хорохорится тем, что я скоро сдохну и мне уже ничего не нужно, но суточная голодовка всё-таки давала о себе знать. Пожалуй, стоило и правда заглянуть в их столовую. Сунув ноги в тапки, стоящие у кровати (ну хотя бы они не белые — видимо, решили, что «белые тапочки» в больнице выглядят слишком двусмысленно), я вышел из палаты.

Узкий коридор, несколько дверей — точно таких же, как и моя, только с другими номерами. Разумеется, в коридоре было пусто. Поздний час, и за окном уже уверенная темнота, сгустившаяся за те минуты, что я размышлял. Откуда-то доносился неразборчивый шум телевизора. Кажется, они тут во всех палатах — в моей точно висел, правда, пульта я не видел. Ну и шут бы с ним.

Ага, номер моей палаты — восемь. Не перепутать, когда буду возвращаться. Прикрыв дверь, я двинулся дальше — и метров через десять, за поворотом, увидел сидящую за столом медсестру, уже постарше. При виде меня она отложила кроссворд и услужливо подняла голову:

— Вы что-то хотели?

Блин, это непривычно. В моём представлении медсестра, особенно в возрасте — это суровая тётка, которая говорит таким тоном, будто вот-вот поставит тебя в угол, на горох, или начнёт продавать пирожки на вокзале. По крайней мере, такими были все, кого я видел… до сих пор.

— Да, — кивнул я. — Мне бы узнать, в какой стороне столовая.

— О, — дружелюбно, даже чересчур дружелюбно улыбнулась она. — Здесь близко. Позвольте, я вас провожу.

А что, я так плохо выгляжу? То есть, да, конечно, я ОЧЕНЬ плохо выгляжу, но уж ходить-то я умею и сам.

— Давайте, — сдался я. — Провожайте.

Столовая тоже выглядела не как привычная мне больничная столовая — о, сколько я времени в таких провёл! — а скорее как средней руки кафетерий. За стойкой скучала буфетчица, или как она тут называется; увидев меня, та тоже ожила.

— Добрый вечер! — их тут, кажется, заставляют улыбаться. И всё-таки, сколько эта идиллия умирающего лебедя стоила? — Простите, а как ваши имя и фамилия?

Ого. А с каких это пор для того, чтобы поесть, нужно познакомиться?

— Иван Свердлов, — представился я. — А что?

Буфетчица, облачённая, разумеется, во всё белое, словно ангел скалки и поварёшки, пробежалась глазами по лежащему перед ней листку.

— Извините, — чуть смущённо призналась она. — Я не вижу вас в списке. Вы, должно быть, недавно поступили?

— Пару часов, — я всё ещё не понимал. — Если я у вас на довольствии только с завтрашнего дня…

— Нет-нет, просто противопоказания, — она поглядела на меня ещё более смущённо. — Понимаете, большую часть блюд я просто не могу вам дать без разрешения врача. Только самое основное и лёгкое…

— Давайте самое основное и лёгкое, — я с некоторым сожалением поглядел на аппетитные блюда на «витрине». — Ну, или потерплю до утра.

— А, — дверь кафетерия открылась, и на пороге показался человек лет пятидесяти в халате, крепкий, но не толстый, с тонкой папкой под мышкой. — Свердлов, вот вы где. Это хорошо, что у вас проснулся аппетит… наверное.

— О, — я обернулся на него. — Вы доктор, надо полагать?

— Да. Степан Витальевич, — представился он. — Могу я поговорить с вами один на один?

Я пожал плечами и вновь посмотрел на буфетчицу.

— Конечно. А потом уже поем. Если вы мне разрешите, надеюсь.

— Да-да, разумеется, противопоказаний нет… — он махнул своей папкой. — Давайте пройдём к вам в палату.

Хм. А почему бы не говорить прямо тут? Я и так знаю, что ничего хорошего он мне не скажет.

Но чем спорить, иногда проще согласится — особенно, когда не принципиально. Мы вновь прошли в восьмую палату. Прикрыв дверь, он вздохнул и поглядел на меня.

— Свердлов, Свердлов… не люблю говорить такие вещи…

— Я скоро умру, — кивнул я. — Это не сюрприз. Я знаю, знаю уже давно и крепко. Не могу сказать, что очень рад, но, по крайней мере, уже дошёл до стадии принятия.

— Это понятно, что вы были в курсе — на таком сроке чернокровия трудно было не знать о болезни, — он пролистал тонкую папку. — Но всё-таки. Внезапный выброс скверны в организме — больше обычного… ускорил процесс.

— И сколько у меня времени? — моментально сообразил я, к чему он клонит.

— Три дня. Плюс-минус, — он покачал головой, — Может, три с половиной, может, два. Простите, но мы ничего не можем сделать.

Как будто я просил что-то сделать.

— Ну… — я глубоко вздохнул. — Знаете, лучше уж так, чем это вечное ожидание и приступы. Скажите лучше вот что: я могу выходить из больницы? Хотелось бы провести эти дни более… насыщенно.

— Конечно, — согласился он. — Но ночевать я бы всё-таки посоветовал на нашей территории, и потом, когда…

Он несколько секунд подбирал нужное слово.

— Дня через два. Когда уже…

— Когда начну умирать? — «помог» ему я.

— Да. Лучше придите сюда. Это не приказ и не команда, просто… здесь ваш уход будет менее болезненным.

Ну, что же, спасибо за честность. А мог бы и эвтаназию предложить — здесь же такое наверняка входит в пакет клиентских услуг?

Чёрта с два. Я бы отказался. Что бы там ни было, я люблю жизнь, и не буду добровольно укорачивать её ни на минуту.

— Ладно, — кивнул я врачу, задумчиво глядя на тёмное окно. — На этом и порешим. И не очень заморачивайтесь обо мне: я уже поступил к вам… в таком состоянии. Лечение или что-то подобное не нужно.

— Да, — кивнул он. — Всё так. И… ещё раз простите за плохие новости.

— Не то, чтобы это были новости, — я пожал плечами — и врач вышел.

Путь обратно до кафетерия я проделал в одиночестве. Ткнул пальцем в первое попавшееся блюдо на витрине и жевал его, почти не чувствуя вкуса. Вот так. И ведь действительно не новости.

Но одно дело — «ты умрёшь скоро», «ты умрёшь в ближайшем будущем». И другое — «простите, вам осталось около трёх дней».

Может, всё же укоротить этот срок? Только не… бессмысленно.

Я по-прежнему могу делать это. Я не пользовался своей способностью ни разу — больше ни разу с того самого дня, когда я применил её — и свалился в жесточайшем приступе.

Чернокровие искажает внутреннюю энергию больного. Но, так как болезнь обычно возникает сразу, при пробуждении — то и энергии этой ещё не успевает набраться снова. С этой болезнью доживает до тридцати, до сорока, сорока с небольшим…

Вот только я за два года после пробуждения успел более-менее прокачаться. Ранг А, как сказали бы сейчас — тогда, семь лет назад, в Республике силу ещё не считали Рангами, как в Империи и Азиатском Конгломерате, даже сейчас ранговая система ещё только-только введена в употребление и многие часто путаются в ней.

Как бы там ни было, энергия прокачанного пробуждённого — это куда более питательная среда для скверны. Энергии куда больше, есть что… осквернять. Вот она и ринулась убивать меня с утроенной силой. И, кажется, почти закончила. Я протянул целых семь лет… Роскошь.

Но что, если мне использовать эту способность снова? Здесь, в больнице. Наверняка тут полно людей, которым моя помощь могла бы стать чудом, божественным шансом из миллиона, который не выпал мне самому. Что, если сделать это? Что я теряю?

Конечно, вряд ли у меня получится спасти больше одного. Переняв тяжёлую болезнь — а на лёгкие размениваться толку не было — я если и не помру на месте, то уж точно потеряю сознание или впаду в кому.

Кого выбрать?..

Ладно, это не сейчас. Стояла практически ночь, кроме меня и дежурных сотрудников — никого, так что рассуждения бессмысленны. Доев свой ужин, я поблагодарил буфетчицу и отправился обратно в палату — спать.

Как ни странно, заснул я быстро. Столько всего произошло… но, видимо, это меня и вымотало. Острая фаза болезни отступила, и чувствовал я себя сносно — но выжатым, как лимон.

Примерно в том же состоянии я и проснулся. Светило солнце, пели птицы, а я понятия не имел, ни сколько времени, ни сколько мне осталось жить.

Ладно. Выйду из палаты.

На этот раз народу тут было немного. Вон какой-то предпенсионного возраста дядька с палкой — нет, этот просто ногу сломал, или вроде того. Вон пацан, лет тринадцать-двенадцать… а с ним что? Блин, так по виду и не определишь. Двигается шустро, умирающим не выглядит, но ведь и я тоже…

Казалось бы, если у меня атрибут Целителя — то почему бы ему не работать заодно и диагностом? Но нет. Плюнув на наблюдения, я решил выйти наружу. Пока не совсем наружу, а… так. В местный сад. Тот вид, что открывался из окна, был очень красив, и я решил просто освежить голову. Как есть, в пижаме и тапочках.

Никто меня не останавливал. То ли дорогая больница была

настолько дорогой, что все пациенты тут цари и боги, то ли врач предупредил насчёт меня… Спустившись по лестнице с третьего этажа, я дошёл до фойе — и вышел наружу.

Лето. Всё-таки неплохо умирать летом, а? Тепло, красиво… и землю могильщикам рыть проще.

Вот чёрт. Это проблема. Моё тело ведь не повезут домой. Точно не повезут — пробуждённых хоронят в кратчайшие сроки. Эх, нужно будет поговорить с доктором — пусть родителям хотя бы сообщат, где находится моя могила.

Оглядевшись по сторонам, я уселся на скамейку под деревом. Мило. Они и правда постарались над этим садом; скорее всего, даже пригласили какого-нибудь мага со специализацией на растениях.

Ворота больницы распахнулись, и я увидел «скорую», влетевшую во двор. Она живо притормозила возле одного из входов; рядом уже суетились санитары.

— Живее, живее! — услышал я. — Так, везём сразу в реанимацию. Тут перерезанные вены, попытка самоубийства, нужно…

Может, вот оно? Реанимация, вены. Всё явно серьёзно.

Нет, лучше подождать. Вдруг там измученный букетом хронических болезней девяностолетний дед решил ускорить неизбежное — а тут я со своей «помощью»… Но нет. Я успел увидеть пациента — точнее, пациентку — лишь мельком, но это явно был не дед. Девушка, моя ровесница. Итак, что я делаю?..

Мне на плечо легла рука.

— Свердлов, — произнёс голос, знакомый по выступлениям на радио и телевидении. — Отлично. Не придётся идти внутрь и разыскивать тебя там.

Я обернулся.

— Паша? — изумился я. — В смысле… Павел… Ты…

Сербский. Именно про него говорила Лика на выступлении. Выглядел он статно, за неимением другого слова. Высокий брюнет, с зализанными назад волосами и дорогущим серым костюмом — о нем грезили девушки по всей Республике. Бизнесмен, продюсер, основатель сразу нескольких благотворительных фондов. Такой идеальный, что от одного его вида хотелось блевать без всякого чернокровия.

Он быстро глянул на часы и окинув меня с ног до головы, даже не стал дослушивать:

— Забудь, — поморщился он. — Называй меня как хочешь, меня не колышет. Разговор будет коротким.

Я непонимающе глядел на него.

— Ты вчера чуть не испортил Лике выступление своими

провокационными вопросами, — он глядел прямо на меня… как смотрят на вещь. Неприятную, ну, например, шприц с лекарством. — А потом ещё и чуть не поднял шумиху своим приступом в туалете. Хорошо ещё, охрана нашла тебя раньше.

— Думаешь, я специально упал? — хмыкнул я.

— Не думаю. Да мне и плевать, — он махнул рукой. — Это неважно.

Я обратил внимания на его движения — дёрганные, как будто он куда-то спешил. Или ему так неприятно находиться рядом со мной?

— Короче. Это я оплатил больницу, — кивнул он на здание рядом. — Мы с Ликой. Наслаждайся комфортом, но к нам больше не лезь.

— К вам? — удивился я — хотя, казалось бы, чему? Они давно известны как пара, кажется, даже жениться собираются…

— Да, к нам, — его голос стал ещё более жёстким. — Если ты ещё не понял, ты — прошлое для Лики. Может, и важное, ты помог ей тогда. Если тебя лично это утешит — да, она вспомнила тебя и благодарна за то, что ты сделал тогда. Но тогда — это тогда, а сейчас — другое дело. Просто исчезни и не порти ей жизнь.

Теперь уже «ей», значит?

— Мне осталось не так много, — я криво усмехнулся. — Ты думаешь меня запугать?

— Я знаю, что немного, — кивнул он. — Тем более. Тебе это не надо. Ну, порадуешься в последний раз. А ей ещё жить и жить. Не будь козлом.

— Козлом? — даже удивился я. — Теперь это так называется?

— Короче, — Паша полез в карман и, вытащив бумажник, протянул мне с десяток купюр — не глядя. — Вот. Хочешь прожить свои последние дни красиво — давай, вперёд! Только подальше от нас. Оттянись напоследок и думай, что это подарок от Лики. Ты меня понял?

Сунув деньги мне в карман пижамной рубашки, он развернулся и даже не дожидаясь ответа пошёл в сторону машины, припаркованной на въезде.

Я глядел ему в спину, сначала даже не до конца осознав, что именно произошло. Произошедшее далее, я не могу объяснить ничем, кроме как отрицанием того факта, что Лике настолько все равно, что она даже не соизволила прийти ко мне лично.

Встав, я направился за ним. Купюры захрустели в сжатом кулаке.

Он шёл быстро, энергично, даже не замечая, что я иду следом. Ну, да — ты же звезда, бл*ть, у тебя же весь день

расписан! Давай, спеши!

Меня внезапно взяла злость. Нет, я не какой-то Наполеон с манией величия, и если бы не деньги… Но я что, правда похож на того, кто готов продать детскую дружбу и самые светлые воспоминания за кучку бумажек?

А Лика, стало быть, продала. Ну и чёрт с ней. Не хочет меня видеть — и не сунусь. Зато с тобой, пижон, сейчас продолжим разговор. Уже на моих условиях.

Паша сел в машину — и только в этот момент заметил, что я не остался на скамейке, а пришёл за ним.

— Тебе что-то ещё? — приоткрыл он окно.

— Забери обратно! — я вытащил купюры из кармана и швырнул их, не целясь; ударившись о дверцу машины, они упали на траву. — Знаешь, всё, чего я хотел — это хоть слово благодарности за то, что я сделал!

— Благодарности? — он не шевельнулся с места. — Благодарности, значит. А хочешь знать, что я думаю об этом, Свердлов?

Лицо “звезды” скривилось в презрительной усмешке.

— Я думаю, что ты — лох, который просрал все свои шансы. Не герой. Не спаситель. Просто лох. И я искренне благодарен — не тебе лично, а обстоятельствам — за то, что ты такой лох: не будь ты им, Лика сейчас была бы никем, если бы вообще осталась жива.

Он глядел на меня равнодушно, не с вызовом, а так… будто ему было всё равно, что я отвечу. Ну, раз всё равно…

— Так вот, спасибо тебе, — Паша хмыкнул, — Я искренне тебе благодарен.

Размахнувшись, я врезал по лобовому стеклу машины кулаком. Вот тебе «не лезь к нам». Сигнализация взвыла, по стеклу пробежала трещина, кулак расцвёл болью — крепкое!

— Эй! — раздалось метрах в семи от нас. Охранник в будочке на выезде выпучил глаза и соображал, что же делать. — Что там происходит?

— Спокойно, — Паша махнул ему рукой. — Не вмешивайся.

Не вмешиваться?! Я нанёс второй удар, и трещина взорвалась кучей мелких осколков. По кулаку ползла струйка крови, но я…

Выйдя из машины, парень сделал только одно движение — подсечку, быструю и уверенную. Я рухнул на землю, не успев нанести ещё один удар — а он врезал ногой мне в бок, отчего у меня перехватило дыхание.

— Ты бы деньгами не разбрасывался, — хмыкнул он, поднимая с земли купюры и снова вкладывая их мне в карман. — Тут ведь тебе как раз… до конца жизни хватит.

Пока я силился встать и привести дыхание в порядок, он спокойно уселся обратно и выехал наружу, как будто каждый день разъезжал по городу с разбитым стеклом.

Вот же… я медленно поднялся, осознавая, что произошло. А произошло то, что он снова унизил меня — а я никак не смог ответить.

Чёртова слабость. Чёртова болезнь. Я просто устал от всего этого и не хотел ничего — ни помочь людям, ни увидеть Лику, просто сдохнуть без особых мучений.

…я постучался в кабинет врача. На табличке значилось “С.В.Карин”

— Войдите, — тут же раздалось оттуда — и я вошёл внутрь. Врач поднял на меня голову.

— Свердлов, — констатировал он. — Чем-то могу помочь?

Я глядел на него. Нет, пожалуй, ему нет пятидесяти, как мне показалось вчера — просто он выглядит… потрёпанным. Не в плане внешности, нет: как и всё в этом заведении, он был безупречно белым, причёсанным и так далее. Но вот возникало ощущение, что его потрепало жизнью, и всё тут.

Ладно, наплевать.

— Доктор, — заговорил я. — Вчера вы говорили, что можете… немного облегчить мои последние дни.

— Облегчить? — он привстал.

— Ну, да. Знаете, ожидать своей смерти, когда счёт уже пошёл на часы — то ещё занятие. Может, вы бы помогли мне… забыться.

— Вообще-то я имел в виду немного другое, — вздохнул врач. — Я имел в виду комфортное пребывание в нашей больнице. Но… принимая во внимание ваше состояние…

Я сглотнул слюну.

— Пожалуй, — продолжил врач. — Применение особых средств разрешено именно в случаях, похожих на ваш. Правда… это тоже не вполне разрешение. Есть множество оговорок, три десятка перекрёстных условий, и…

Я видел, что он нервничает. Ну, может, это и нормально? Всё же обычно люди приходят к нему лечиться, а не умирать.

— Так да или нет? — мне надоели его оговорки.

— Да, но… Нужно будет подписать кой-какие бумаги, — открыв ящик стола, врач принялся копаться в нём. — В целом, это… отказ от ответственности.

Ответственность? Ну, мне уже всё равно хуже не будет. Какая тут ответственность. Я кивнул ему:

— Давайте свои бумаги.

— Да-да, я уже почти… — наконец, он выудил нужный бланк

из стола и протянул мне. — Здесь, пожалуйста.

Я не вчитывался в текст. И так было понятно, что это. Поставив свою подпись, я вернул бумаги врачу.

— Идите к себе в палату, — кивнул тот. — Через полчаса всё будет готово.

Он не обманул. Уже минут через двадцать в мою палату вошла медсестра — не та, что вчера, но её ровесница и тоже красивая — и, не переставая услужливо улыбаться, поставила мне капельницу. На этот раз в пакете была не прозрачная жидкость, а молочно-белая.

Кап. Кап. Я глядел за тем, как капли струятся по тонкому проводу. Умиротворение, успокоение — вот всё, чего я хотел сейчас. Я устал. Слишком устал говорить себе и всему миру, что я ещё живой.

Капли текли по проводку. Меня начинало клонить в сон, и я послушно уронил голову на подушку. Белая. Здесь всё белое. Даже эта жидкость. Даже сон, в который я сейчас провалюсь.

Я не знал, с чего в моей голове всплыл этот старый анекдот. По сути, это анекдот про репутацию, но у меня ведь не сложилось никакой репутации — ни хорошей, ни плохой, я просто… никому не известный парень, который скоро умрёт. Так?

Ах, да, анекдот. Про старого типа, который всю жизнь строил мосты. Из камня или из чего он там их строил. О том, как сидит он в трактире и жалуется — эй, я сорок лет строил эти чёртовы мосты, но никто никогда не называл меня “Пит Мостостроитель”. Но вот стоило мне всего один-единственный раз трахнуть козу…

Мосты. В столице полно мостов, но я никогда не видел, как их разводят. Вчера ходил тут целый день — и даже не посмотрел ни на один из знаменитых столичных мостов.

Проваливаясь в белую пустоту, я осознал, что чертовски хочу посмотреть на мосты.

Мосты.

Глава 2

…мост.

Это определённо был мост. Меня разбудили звуки прогрохотавшего сверху тяжеловоза — их ни с чем не спутаешь, особенно когда голова и так трещит. Как будто в виски вкручивают два кривых винта. Мерзкое чувство, исключительно паскудное.

Перед глазами замерцали картины прошлого: жестокие, обидные, с лицами, полными издевок и пренебрежения, но затем холодными и равнодушными. Паша. Лика. Еще кто-то, кого я никак не мог вспомнить. И еще… Вкупе оно создавало ужасный комок обиды и горечи, опускающийся из горла куда-то в самый центр груди. Миллиметр за миллиметром, картинка за картинкой…

Эти воспоминания я благоразумно попытался засунуть куда подальше. Это просто сон, Вань — сказал я самому себе. Ведь сам знаешь, что испытывать подобное — удел тех, кто не знает своего срока. А тебе то что? Все эти страсти — пшик, мимолетный ветер, который уйдет вслед за тобой; имеют ли они значение? Нет. Важно здесь и сейчас.

От подобной глупой философии, как ни странно, полегчало. По крайней мере, я, наконец, смог переключить внимание на реальный мир.

И стоило мне лишь шелохнуться — так я тут же ощутил, как из моей руки что-то выскальзывает. Попытка среагировать…

Поздно. Что-то падало… вниз. До меня донесся звук всколыхнувшейся воды — и я проснулся окончательно.

Распахнув глаза, я едва удержался от мата во весь голос. Нет, я был на мосту, картина перед глазами не оставляла других вариантов. Вот только я не понимаю, как меня угораздило здесь очутиться. Полагаю, решил реализовать свою последнюю мечту и отправился на экскурсию по столице — что ж, не вижу в этом ничего плохого. Жалею лишь, что не могу ничего вспомнить. Видимо, слишком весело отдохнул. Весело — в кавычках, а не скобках, как говорилось в одной небезызвестной песне.

Впрочем, отсутствие воспоминаний было только половиной беды. Одно дело проснуться на мосту, и совершенно другое — где-то посреди его несущих балок глухой ночью, под свет молодой луны и звуки всякой живности вроде сверчков у берега.

Между мной и песчаным берегом было добрых метров пятнадцать, в воздухе висел присущий нашим широтом запах болота, а в лицо дул прохладный речной ветер. Оглянувшись, я

обнаружил себя на небольшой технической площадке, прямо на балках моста.

Вид на внутреннюю часть моста открывался не шибко красивый: словно все здесь состояло из ровных металлические линий без украшений, что отдавали ощущением кондового тракторного завода. Словом, ничего, на что можно было бы любоваться — особенно в таком идиотском положении.

Не до конца проснувшись, я попытался пошевелиться, однако тут же замер.

Моя рука — та, в которой что-то было сжато — свободно свисала вниз, остальная же часть тела весьма опасным образом расположилась на железной конструкции. Еще немного — и я мог бы соскользнуть.

И ничем хорошим бы это не закончилось, особенно учитывая “одежду”, которую я обнаружил на себе, глянув вниз.

Халат. На мне был чёртов халат — махровый, белый (а точнее — грязно-белый после всех забытых приключений), доходящий мне до колен, отчего ноги и покрылись пупырышками. Халат и тапочки — тоже белые и явно казёные. Ощущение такое, словно я вышел… да откуда угодно. Начиная с отельного номера и заканчивая какой-нибудь сауной. Впрочем, вопросы о своей одежде мне стоило бы оставить на потом. Судя по всему, спешить мне всё равно некуда — разве что на свидание со смертью.

Потому, аккуратно перевернувшись на спину я убедился в том, что принял положение, при котором у меня не получиться рухнуть вниз от одного неловкого движения. Взгляд уперся в бетонные сваи сверху.

Итак. Полагаю, мне для начала стоит отсюда выбраться.

Вверх? Лестницы не вижу.

Вниз? Не прыгать же мне.

Значит, двигаться будем по горизонтали. Пока не доберемся до места, откуда можно вылезти наверх… ну или безопасно спрыгнуть.

Если здесь есть эта площадка — для каких-то технических целей, очевидно — то где лестница, ведущая на неё?

Я медленно, осторожно, стараясь лишний раз не дышать, встал на четвереньки — и попытался спустить ноги на ближайшую металлическую балку.

Шажок за шажком, опора за опорой — я двигался. В детстве — до всего этого — я был чертовски вездесущим ребёнком, облазившим всё, что только можно было облазить, и порой забиравшимся в самые невообразимые места. Сейчас мне это помогало… вот только я уже был не гибким юрким пацаном, и давно отвык от этого.

Я старался глядеть внимательно и ставить ноги только на надёжные опоры — и всё-таки за пять метров до земли это случилось.

Я оступился, рука соскользнула — я повис на второй руке всем своим весом. Лихорадочная попытка залезть обратно — и, разжав вторую руку, падаю вниз.

…бл*ть. Это было больно. Пять метров падения на песок — не то расстояние, при котором можно убиться, но вот покалечиться вполне. Охота провести последние день-два — или сколько там мне осталось — в гипсе? Я окинул себя взглядом, чтобы убедиться в том, что руки-ноги в целости и сохранности и облегченно выдохнул. Из урона только халат, который неприглядно растрепался во время падения.

Вокруг — песчанный берег, усеянный всяким хламом. Вот блин!.. Когда ещё увидишь рядом битые бутылки от дешёвого пойла — и такие же от чего-то явно очень дорогого. Хотя, сейчас не до того.

Миновав пять метров, я приблизился к воде. Что было у меня в руках? Какие шансы найти… это? Околонулевые. Надеюсь, там не было ничего важного.

Вода была ровной — пока я не приблизился, и моё отражение снова не превратилось в нечто колыхающееся, не давая мне даже себя разглядеть. Я вгляделся в берег, но увидел только мутную тину и водоросли. Искать тут что-то — пустая затея.

Ладно, Иван, думай. Думай-думай! Что надо делать, когда ты просыпаешься в одном халате на мосту, на балках? «Звонить в дурку», услужливо подсказало подсознание. Ага, возможно, самый разумный вариант.

И — словно бы услышав мысль о звонках — у меня зазвонил телефон. Это было странно и неожиданно — как привет из прошлого. Проснуться не пойми где, не пойми в чём, не помня ничего… и услышать привычный звонок телефона.

Затихнув один раз, рингтон начал звучать снова. Я лихорадочно захлопал по карманам халата, пытаясь по звуку и на ощупь определить, где лежит телефон. Казалось, он где-то сзади…

Ага, вот. Он действительно был сзади — позади меня, метрах в трёх валялся на берегу. Видимо, выпал при падении и чудом уцелел. Причём телефон действительно был мой — совпадал не только рингтон, но и сам мобильник, хотя я не помню, чтобы забирал его с собой, когда выходил из палаты.

«Усатый хер» — был подписан звонивший — прямо так и значилось в списке контактов. Отлично, стало куда понятнее.

Я поднял трубку.

— Алло? — собственный голос показался мне странным, словно был куда менее хриплым, чем обычно.

— Алло! — а вот тот, кто говорил по ту сторону трубки, звучал довольно энергично и сильно, если можно так выразиться. — Есть обычные и хорошие новости. Хорошие — я достал, что ты просил. Ты где сейчас?

— Погоди-погоди-погоди, — меня всё больше накрывало ощущение, что, хотя телефон и мой, звонок адресован не мне. — То есть, погодите. Я прошу прощения, а вы кому вообще звоните?

— Похоже, у кого-то была веселая ночка. Тебе, кому ж еще.

Ага, мне, значит.

— Вы ошиблись номером, — я чуть было не бросил трубку, как вдруг замер. Что-то промелькнуло на границе сознания, но вот что — я так и не понял.

Тем временем, с той стороны трубки раздался голос:

— Так, не гони чепухи, давай я подъеду. Неужели ты вчера так упился, что уже не узнаешь моего голоса?

Я вздохнул. Прости, усатый хер — не узнаю.

Но я солгу, если скажу, что мне не любопытно все же узнать, что нас связывает и какие у тебя есть для меня новости. Так что, я все же решил продолжить наш с ним “контакт”.

— Так где ты? — настойчиво произнес собеседник, после слегка затянувшейся паузы.

— Я на мосту, — я задрал голову, — Вернее, под мостом.

— В столице мостов хоть жопой жуй. Конкретнее. Адрес.

Да уж, это будет сложно.

— Слушай, — выдохнул я. — Тут такое дело. Я понятия не имею, что это за место, и никаких табличек с адресом не вижу.

— Ясно, — ответил “усатый хер” со вздохом. — Бывает. Что видишь?

— Мост. Вид снизу, — честно ответил я.

— Да хер с ним, с мостом этим. В мобиле глянь адрес, по навигатору и перезвони, лады? — мужчина говорил спокойно и даже немного не заинтересовано, словно он всю жизнь решал проблемы такого рода.

— Окей, — наконец, сдался я и положил трубку.

После чего уставился на пустой список вызовов — пустой, не считая последнего, от этого “усатого”. Странно. Но не так странно, как его подпись контакта. Мне крайне захотелось посмотреть на его усы — какие же они должны быть, чтобы я его так записал в телефоне?

Ладно. Карты. Почему-то они никак не хотели отрисовываться.

Я протупил минуты две, пока до меня, наконец, не дошло. На

счету банально нет денег. Ну да. Мобильный интернет в этом месяце, похоже, оплачен не был.

Тогда план “Бэ”. Невдалеке должна быть заправка или любое другое здание — там узнаем адрес, а дальше, надеюсь, этот усач мне перезвонит, кем бы он ни был.

И так ясно, что за прошедшее время случилось много всего. Кстати, время… умирающим я себя не чувствовал, если не считать следов от падения и трещащей головы. Но всё-таки — сколько его у меня?

Сколько бы ни было — всё моё, а больше не будет. Я направился к склону, туда, где судя по звукам мчащихся мимо машин, была дорога. Покорение вершины заняло не больше минуты, и наверху меня встретила масштабная кольцевая развилка. Несмотря на поздний час, по ней активно носились автомобили. Столица, что поделаешь.

Сначала я не заметил поблизости никакой заправки, однако вскоре моё внимание привлекла яркая зеленая вывеска около съезда с кольца. Похоже, туда.

Не успел я подумать о том, что идти пешком по трассе идея не самого светлого ума, как увидел, что сбоку моста одиноко бредут люди. Пешеходная секция, бинго.

Я заковылял к отбойнику и на удивление резво перебросил через него свои ноги.

Редкие прохожие пялились на меня, стоило только пройти мимо. Ну, ещё бы — не каждый день, наверное, по мостам ходят ободранные парни в халатах на голое тело.

Затянув пояс потуже, я искренне надеялся, что мой наряд прикрывает всё, что должен прикрывать. И всё-таки чувство было… неловкое. Как будто опозорился на глазах у всех.

Какой-то толстяк средних лет при виде меня недовольно поднял бровь и, поправив очки, уставился с такой беззастенчивостью, будто я был картиной на стене. Я старался не глядеть ему — или кому-либо ещё — в лицо, но получалось хреново.

Только мы с ним разминулись — и новый взгляд. Какая-то женщина глядела на меня, и в её лице явно сквозило презрение. За извращенца-эксгибициониста, что ли, приняла?..

Впрочем, презрение быстро сменилось чем-то вроде удивления, когда она посмотрела на моё лицо.

Придерживая полы руками, я ускорил шаг. Ну разумеется, Лицо — к этому мне было не привыкать. Небось сейчас оно выглядело еще страшнее обычного.

А, идите в жопу. Посмотрел бы я на вас самих, если бы у вас было чернокровие в терминальной стадии. Ладно. Быстрее дойду

до заправки — быстрее разберусь с этим бредом и вернусь в больницу. Благо, находилась она совсем рядом.

Спустя пару минут ходьбы я добрался до прилично выглядящей АЗС. И к моему удивлению, на ней даже висел адрес — никогда раньше на это не обращал внимания.

Правда, помогало это постольку поскольку, ведь перезвонить “усатому” я все равно не могу. Только ждать — возможно, он сам меня наберет.

Интересно, в этом банном костюме есть какие-то деньги? Я бы сейчас не отказался от кофе и каких-нибудь бутербродов… хорошо, что времена, когда на заправках втридорога продавали всякий шлак, давно позади. Нынче в них можно было отобедать не хуже, чем в какой-нибудь кафешке средней руки… жаль только, часть про “втридорога” никуда не делась.

Увы, в карманах пусто. Ни бумажки, ни монетки, ни какой-нибудь нитки или пуговицы. Я тут же подумал о том, что можно оплатить заказ мобильным, однако пустой баланс моей карты был против этой идеи.

Телефон отправился обратно в карман, а я — на небольшой бордюр.

Наверное, это странно, однако меня всегда привлекало что-то в заправках. Обычно я оказывался на них во время поездок с отцом, что вез или забирал меня с очередного обследования. Эти небольшие светящиеся яркими цветами оазисы посреди асфальта всегда сглаживали осознание того, что ничего нового мне в пятнадцатой по счету больнице не скажут.

Ведь где бы ты ни был, заправки всегда одинаковые. И ты знаешь точно, что на них получишь — передышку от длительной дороги, какой-никакой кофе и небольшой перекус. Даже с моим дрянным аппетитом, еда в пути была вкуснее, чем обычно, а каппучино казался сладким, даже без сахара. Я вообще люблю кофе. Даже неважно, насколько он был хорошо заварен, какая марка и из какой части света его услужливо доставили в наши широты. Мне нравилось относиться к нему больше как к некому ритуалу, нежели простому напитку.

Жаль, не в этот раз.

От сожалений меня отвлек красный седан, резко свернувший с трассы на заправку. Из его окон доносилась чересчур громкая попсовая песня, которую я слышал далеко не в первый раз. Не то чтобы мне особенно нравилась такая музыка, с неразборчивым текстом и сомнительным содержанием, однако в последнее время я был не переборчив… хотелось вобрать в себя побольше перед тем, как умереть, как бы банально это не звучало.

Да и от конкретно этого исполнителя спрятаться было

трудно, даже если очень сильно постараться. Каждый уважающий себя школьник под моим окном считал своим долгом излишне громко включить один из его хитов у себя на портативной колонке, благодаря чему я и узнал знакомые мотивы.

Седан остановился неподалеку от меня. Машина была не дешевой, но и какой-то премиальной её тоже не назовешь, просто спортивной. Часто владельцы подобных авто склонны вести себя, как будто у них девять жизней. Хотя, меня это не касалось.

— Пхахаха, — пьяный девичий смех разнесся по всей заправке, — нет, ну я бы все отдала, чтобы посмотреть как этот лох объясняет ваш поцелуй своей бабе!

Закон Мёрфи гласит, что бутерброд всегда падает маслом вниз, не так ли? Что ж, вот и со мной так же — если мне и суждено было бы пересечься с пьяными девицами, так это тогда, когда я в самом неприглядном виде — таком, что даже лицо прикрыть нечем.

Хотя… По*уй.

— Да забей, Рина… в первый раз, что ли. Мы отдыхаем, — ехидно прыснула подруга первой девицы, — нам все можно! Главное, не разбить тачку Дмитрий Петровича!

От упоминания мецената, раздающего направо и налево дорогие машины, изрядно подвыпившие девушки синхронно разразились смехом. Он мог быть как папиком, так и просто богатым родственником. Чёрт его знает.

Рассудив, что это не моё дело, я посмотрел на свои босые ноги в грязных тапочках и продолжил гадать, когда “Усатый” соизволит мне перезвонить.

— Б**ть! Даже на заправке от этих извращенцев никуда не спрячешься! — я скривился, понимая что эта… Рина наверняка говорит обо мне. Нет ничего более раздражающего, чем общение с пьяными, когда сам ты трезв, как стеклышко. А в случае, если пьяны девушки — все становится только хуже.

— Тебе повезло, придурок! Можешь посмотреть на нас пока! — бросила вслед за подругой вторая дама и снова заржала.

Я выдохнул и лениво поднял голову.

Их взгляды враз переменились. Насмешливые ухмылки сошли с лиц, теперь девушки выглядели скорее озадаченными. Та, что вышла с водительского места, поправила прядь волос и улыбнулась.

Странно.

— Что смотришь? — а уже эту фразу рявкнула брюнетка с короткими волосами, вышедшая с пассажирского. Полагаю, она и есть Рина.

Кудрявая подруга-водитель толкнула ее локтем, но это не

возымело эффекта:

— Не-не-не, подожди, подруга. Я весь вечер натерпелась от этих ублюдков! Дай хоть этому выскажу!

Я приподнял бровь и фыркнул, что еще сильнее раззадорило стервозную девку, судя по её задрожавшим губам.

— Лучше бы чего-то добивался в жизни! Глядишь, и по заправкам на баб не пришлось в халате смотреть, чмошник!

Подруга снова толкнула её локтем:

— Рина, тише.

— Да отвянь ты! Я с ним, а не с тобой разговариваю!

Я снова фыркнул. Даже к подруге относится как к дерьму.

Наверное, будь я обычным девятнадцатилетним пацаном, которому нужно что-то доказать себе или окружающим, то я уже бы из шкуры вон лез, чтобы как-то остро ответить им или нагрубить. Но, увы. Мне искренне плевать на пьяный треп какой-то девки, которую я вижу в первый и последний раз в жизни. Она продолжала поносить меня на чем свет стоит, а я лишь сидел и беззаботно разглядывал её спутницу. И, похоже, отсутствие внимания к своей персоне разжигало стерву все больше. Постепенно, она повышала тональность.

Но, как я и говорил, мне правда плевать.

Она пошла распинаться о том, какой же незнакомец в халате жалкий, ничего не добившийся извращенец, по третьему кругу, когда телефон в кармане зазвонил.

Не обращая внимания на крики, я легким движением руки достал мобильник и провел по экрану пальцем.

— Алло, — выдохнул я в трубку. — Улица имени Грозницкого, 94. Я тут на заправке, снаружи.

Без понятия, кто ты, но раз ты так хочешь меня отсюда забрать — забирай. От девичьего воя начинала болеть голова.

— Ооооx… — раздалось на том конце. — Это тебя занесло, конечно.

— Тебе долго? — кому “тебе,” меня, честно признаться, интересовало куда больше.

— Да нет, тут минут пять, не больше, просто я не могу понять, как ты вообще там оказался.

А уж я-то как не могу, знал бы ты, хер с усами.

— Я жду тут, — ровным тоном произнес я, — Побыстрее, если можно.

— Да жди. Сейчас буду, — с этими словами собеседник отключился, и я сунул телефон в карман.

После чего снова уставился на кудрявую подругу истерички, что бросила попытки успокоить свою спутницу и принялась вставлять заправочный пистолет в бак. Хорошая фигура у нее,

скажу я вам.

— Мамаша звонила, да? — истеричка махала перед собой пальцем, — Что сказал ей? “На девчонок у трассы наяриваю”?!

Я закатил глаза. Собаки лают — караван идет.

Но шуму наводят — аж тошно. А голова и без того болит.

Поэтому я вдвойне обрадовался, когда въезд на заправку осветила пара больших фар. Мотор громадного черного джипа заглушил все прочие звуки, и спустя несколько секунд машина остановилась неподалеку от меня.

Какое-то время она неподвижно стояла на месте, однако затем водительская дверь распахнулась и из неё вышел лысый мужчина лет сорока. Усатый, что тоже было важно. Честно говоря, все вопросы по поводу подписи сразу же отпали. Усы у него были действительно шикарными — пышные, остро закрученные в углах, они довольно забавно контрастировали с круглыми, как монета, очками и блестящей лысиной. За неимением лучшего примера — мужчина походил на странную помесь кота Базилио и одного известного порноактера с такой же лысиной. Вот только выражение его лица было довольно серьезным.

При виде джипа, что стоил как четыре их автомобиля, девушка притихла. Но… что здесь говорить, я сам охренел. Но не потому, что за мной приехала дорогая машина…нет. А потому, что я снова не понимаю, какого черта я пропустил.

Мужчина направился прямо ко мне, окинув притихших девушек снисходительным взглядом. Подойдя поближе, он протянул руку.

— Наконец-то я нашел вас, босс, — его губы расплылись в тонкой ухмылке, — Пойдемте.

Босс? Было бы любопытно посмотреть со стороны на то, как сильно распахнулись мои глаза. Полагаю, не меньше, чем у этих двух представительниц женского пола.

Теперь молчали уже они.

Впрочем, я не стал язвить им на последок и, приняв руку усатого, поднялся с места, после чего направился к пассажирскому сидению джипа.

Спустя минуту мы проехали мимо машины девушек. Стерва, чья картина мира была безжалостно растоптана за считанные секунды, смотрела вслед автомобилю, пока мы не скрылись на трассе.

“Никогда не садись в машину к незнакомым людям”, говорили мне в детстве — как и всем, наверное. Именно такое странное ощущение охватило меня сейчас: как будто я делаю что-то неправильное. Но мне нужно было это сделать, разве нет?

Изнутри машина была… Обычной. Достаточно новая, но не только купленная, обитые тканью сидения, подвеска на зеркале. Сначала мне показалось, что это крестик, но нет — анкх, египетский знак. О чём это говорит?..Скорее всего — только о том, что Усатому понравилась эта вещица.

— Ну и видок у тебя, Иван, — издал смешок мой водитель. — На живца дам ловишь?

— Вроде того, — произнес я несколько растерянно. Странно общаться с человеком, который знает меня, но которого не знаю я. Было сложно подобрать подходящие слова.

— Ну, сегодня это проще простого. Семнадцатое же, день объединения.

Сначала я хотел просто кивнуть. Понятное дело, что на день объединения, считай главный праздник Республики, полстраны находится в примерно таком же состоянии, как и девушки на заправке. Однако затем в горле застрял ком.

Семнадцатое? Интересный факт: в столицу я приехал десятого.

Я должен был быть уже четыре дня как мертв.

Глава 3

Я жив. Я. Жив. И что это значит?

Один плюс один.

Из моей жизни пропала неделя. Неделя, за которую я обманул смерть.

В голове проносится рой спутанных мыслей, растворяющихся в свете фар проезжающих мимо машин.

Врач ошибся?

Нет. Слишком просто. Что-то здесь не так.

Я глубоко вдохнул и уставился на незнакомца, что медленно крутил руль. Как сильно я не старался прийти к какому-нибудь мало-мальски адекватному объяснению происходящего — ничего не получалось. Слишком много серых зон, слишком мало вводных данных… бесполезно.

Я чувствую себя куда легче обычного, из голоса пропала хрипота, а моя могила вот уже четвертый день как не может дождаться своего постояльца. Неужели?

Рука нащупывает телефон в кармане махрового халата. Хочу посмотреть на себя.

Здоровое лицо. Чистое, без следов оспин и язв. Резкий прилив радости появляется так же быстро, как и уходит. Мой лоб рассечен после падения с моста. Вокруг раны небольшое засохшее пятно крови. Черной крови.

Болезнь всё ещё во мне.

Рука непроизвольно сжимает телефон сильнее. Удерживаюсь от того, чтобы не чертыхнуться при Усатом. Я ускользнул от смерти, но только на время. Пускай, но такие вещи не должны забываться по утру.

Усатый окинул меня заинтересованным взглядом, когда заметил, что я уже несколько минут подряд пялюсь в фронтальную камеру своего телефона. Со стороны, должно быть, выглядело странно, однако я был не в состоянии оторваться от собственного лица. Я всегда привык его прятать и отвык от того, что оно может выглядеть… так. Ровно. Нормально. Можно даже сказать, красиво.

Дар небес?

С моих плеч будто свалился огромный, тяжеленный груз. Раньше я даже не осознавал, как много он весил — пока тот не исчез. Всё то, что казалось мне отжитым, прошлым, теперь стало перспективами, а скорый конец виделся началом чего-то прекрасного. Интересно, знают ли родители о том, что со мной всё в порядке?

Теперь можно сделать всё, что ранее казалось мне невозможным. Черт, да даже такие мелочи, как поступление в академию и поиск ремесла, которому бы я хотел посвятить себя, что ранее казались фантастикой, теперь вполне реальны.

Вспышка экрана оторвала меня от мыслей о будущем. Моё лицо пропало с мобильника; вместо него высветилось окно с вопросом на фоне заставки: “Подключиться к ближайшей точке Wi-Fi?”

На кнопку “да” я нажал рефлекторно, раньше, чем успел задуматься над вопросом. Кажется, точка вай-фая была здесь, в машине, причём я уже подключался к ней раньше — если судить по тому, что пароль оказался сохранён на устройстве.

Что ж. Между подключением интернета и следующим уведомлением прошло всего секунд пять. Мобильник пиликнул, но Усатый не обратил на звук никакого внимания, сосредоточенно глядя на дорогу.

Судя по времени отправки — СМС было выслано минут двадцать назад, но из-за отсутствия связи дошло только сейчас. Открыв мессенджер, я увидел в нём лишь один контакт без аватара с пустой — если не считать свежего сообщения — перепиской. Хм. И видео, пересланное мне только что. На заставке — большая белая двойка на чёрном фоне и больше ничего.

Заинтригованно подняв бровь, я включил видео.

Пара секунд загрузки — интернет здесь был не самый быстрый — и двойка сменилась записью с передней камеры. И — моё собственное лицо, улыбающееся… даже, пожалуй, слишком улыбающееся. Выражение лица казалось чуждым и слегка наигранным. А ещё — черные мазутные разводы по всему лицу. Точнее, они выглядели как какой-то мазут, но после долгих лет болезни я ни с чем бы не перепутал свою чёрную кровь.

Две секунды — и камера отдаляется, показывая, что в крови вымазано не только лицо, но и шея. Я улыбаюсь — неестественной улыбкой — и поднимаю вверх руку. Вначале может показаться, что я сложил пальцы “пистолетиком”, но затем я осознаю: пальцев просто нет. Чёрные кровавые обрубки теряются на тёмном фоне — поэтому я не сразу разглядел их.

Я — тот, который на видео — не выказываю никакого неудобства по поводу этого факта. Подняв руку вверх, несу оставшиеся пальцы к виску, точно пытаясь отдать честь, но раньше, чем я успеваю это сделать, оставшиеся пальцы отваливаются. Кисть остаётся полностью беспалой; вниз стекает густая чёрная кровь.

Я сглатываю. Нынешний я, сидящий в машине. Видеть такое

зрелище… кажется, меня начало мутить.

Я с видео реагирую совсем иначе. Лицо искажается в почти театральной гримасе, изображающей карикатурную досаду. Куцый обрубок руки прикрывает рот, голова качается. “Ай-я-яй, что же делать!”

А затем моё лицо — словно у меня возникла блестящая идея — театрально озаряется невинной улыбкой. Я разворачиваюсь вокруг своей оси — и именно в этот момент я-настоящий вижу ещё одно действующее лицо на видео.

Он сидит на стуле, позади меня. Связанный. Видео беззвучное, но, судя по судорожным попыткам освободиться — он ещё жив и кричит во всё горло.

Камера движется вперёд — так, чтобы я-реальный мог разглядеть лицо. Незнакомое лицо, острые черты лица… и надпись, вырезанная на лбу. “Я убийца”. На левой щеке — грустный смайлик, на правой — цифра “9”. На этот раз кровь красная, и она ещё свежая, сочится из ран, превращая тем самым рисунок в расплывчатое месиво.

А затем ему на плечо ложится беспалая рука. Связанный тип, вытаращив глаза, мечется ещё сильнее…

И происходит — это. Чёрные, под цвет осквернённой крови, линии идут от него ко мне. Рот жертвы искажается в таком диком крике, что я практически слышу его. Он бьётся в судорогах, в то время, как моя рука на его плече неподвижна. Чёрное мельтешение, больше похожее на спецэффекты, мешает мне разглядеть детали, но тело неистово бьётся, извивается… а затем обмирает и безвольной куклой повисает на верёвках. Иссушенное, бледное, как какая-то мумия.

Я — экранный я — салютую на камеру совершенно здоровой рукой со всеми полагающимися пальцами.

Черный экран.

Я гляжу в него ещё секунд десять, осмысляя увиденное только что, прежде, чем могу хоть немного о чём-то подумать.

Что же. Сделать выводы несложно: понять, ценой чего я сейчас жив. Дар небес — так, кажется, я подумал перед тем, как некто прислал мне это кино?

Нет. Это оказалась сделка с дьяволом. Остаётся хотя бы надеяться, что и жертва — всё- таки не невинный агнец. Мне казалось, что плохо не понимать, почему я жив. Нет, плохо не понимать, как я дошел до того, чтобы снимать такие видеоролики. Мог ли я сойти с ума всего за неделю? Пока что всё указывало на это.

Но худшим казался тот факт, что я не могу быть ни в чём уверен. Ни в чём, что происходило за прошедшую неделю. Знаю

только одно — раньше я мог вытаскивать из других лишь болезни, но никак не лечиться за их счет сам.

В памяти ярким образом загорелось иссушенное лицо поглощенного мной мужчины.

— Каждый раз, как вижу это, мурашки по коже, — раздалось рядом со мной. Я вздрогнул от неожиданности — и поднял голову. Кажется, Усатый видел ролик краем глаза. — Зачем на видео-то снимать…

У меня в горле встал ком. Каждый раз?

Два плюс два.

Усатый знает о том, что я делаю и, судя по всему, это ни капли его не смущает. И на видео я делаю это явно не первый раз.

— Но, если что, — у меня родилось ощущение, что усач говорит больше сам для себя, — я твои фетиши не осуждаю. Мы-то с тобой видели вещи и поизвращённее. Просто… выглядит стрёмно.

Да уж.

Пока я размышлял над возможным ответом, он продолжил:

— Кстати, об извращениях. Я достал то, о чем ты просил. В бардачке.

Я сглотнул ком в горле и потянулся рукой к бардачку. Его крышка со щелчком опустилась вниз, открывая мне вид на стопку бумаг, какой-то конверт и… пистолет.

— Ствол? — спросил, я приподняв бровь.

— Тебе? Зачем? — мужик заржал. — Хорошая шутка. Я про билет.

Я замялся, не понимая, что такого он мог мне достать.

— Отель “Прайд”, верхний этаж, девять часов вечера, — пояснил Усатый, — Как и договаривались, твой пригласительный на это, не сказать, чтоб интересное мероприятие.

Не сказать интересное? Если память не изменяет, отель “Прайд” — культовое среди богемы место люксового класса и там по умолчанию не может быть ничего скучного. Если только в глазах Усатого светские посиделки сильных мира сего — не занудная рутина.

Нахмурившись, я взял конверт из бардачка и раскрыл его. Внутри оказался черный лист из какого-то твердого материала, вроде очень плотного картона. На нем серебристыми буквами было выбито лишь одно слово — “Хатхор”, а под ним число “31”. Полагаю, число — это мой личный номер участника, а название…

Да черт его знает.

— Достать эту штуку было сложно, сам понимаешь, — с заметной гордостью в голосе сообщил Усатый, — Всё-таки созвездия вечера далеко не простые: Ирина Фомина, Лика

Миронова, те две панкухи с разноцветными волосами и прочий сброд высокого полета.

— Но ты достал её, — констатировал я — просто чтобы заставить его продолжить мысль, в то время как сам ошарашенно осознавал услышанное.

— Угу, — он кивнул. — Хотя это больше твоя заслуга, чем моя. Помощь… господину Конторскому перекрыла любые регалии.

Помощь? Помощь, значит. Что ж, после просмотренного видео все варианты, приходившие на ум, было один кошмарней другого; кошмарней в чисто физиологическом смысле. А что до пригласительного… мужчина упомянул, что на этом мероприятии будет Лика. Мне за этим понадобилось туда попасть?

Я нахмурился. Не знаю. Казалось, что этот вопрос для меня закрыт. Моя смерть отодвинулась на неопределенный промежуток времени и последнее, на что я хотел бы тратить сейчас время — это продолжать бегать за миражами. Меня вычеркнули из жизни? Ну ок. Я отвечаю тем же. Не вижу причин бегать за морковкой, как идиот.

— Ну, собственно, это и были “хорошие новости”, — мужчина улыбнулся, — Плохих не будет. Будут только обычные — как и всегда, с тебя ответная услуга.

Ясно только одно: мне это не понравится. Усатый знает о моей способности, общается со мной довольно панибратски, но при этом назвал боссом…

Три плюс три.

Мы с ним вместе работаем и это связано с тем, что я теперь могу поглощать других людей. Но что-то не сходилось. Скорее всего, мне всё-таки не хватает информации. Никаких миролюбивых способов применения такой способности я не видел, а представить, что бы могло произойти за неделю, способное толкнуть меня на убийство, как на видео, я не могу.

— Тут такое дело, — возможно, не стоит в моей ситуации ломать комедию и лучше вскрыть карты сразу, — Похоже… мне начисто отшибло память.

Я не был до конца уверен, могу ли доверять этому типу с его усами. Но пока он был единственным, кто хотя бы частично знал, чем я занимался целую неделю, да ещё и принимал в этом участие, судя по всему.

— Ну, — хмыкнул Усатый, окинув взглядом мой наряд, — Помню, Леван по-пьяни как-то сбил на дороге кеглю, а на следующий день проснулся и не помнил ни черта. Зато как был удивлён, когда утром нашёл тело старушки у себя в багажнике… Та ещё была морока. Так что у тебя все не так уж и страшно.

Ну его нахер с его о**ительными мотивирующими историями.

— Нет, ты не понял, — помотал я головой. — Я не помню ничего за последнюю неделю.

На долю секунды на лице Усатого промелькнуло странное выражение, подозрительное и встревоженное, но затем там снова поселилась улыбка. В её фальшивости я был уверен на все сто.

— Правда, что ли, не помнишь? — с сомнением переспросил он.

Я кивнул.

— Вот дела, — казалось, он не до конца поверил мне и покачал головой.

— Так что за услуга? — напомнил я. — Мы остановились на услуге.

— Услуга? — казалось, теперь он заговорил более нервно. — Там ничего такого. Нужно человечка забрать.

Я уловил его мимолётный взгляд, кинутый на мой телефон. Что же, если мои предположения верны, то никого там мне не нужно “забрать”. И он тоже понимает это.

Усатый резко закашлялся, как будто поперхнулся чем-то, и замолчал.

Неловко. Напряженно. Я не знал, что дальше сказать. Усатый — не спешил. Довольно странная реакция на признание друга в том, что у него отшибло память. Или… не друга.

— А почему ты назвал меня тогда боссом? — обстановка стала несколько накалённой… Было бы глупо надеяться на честный ответ, однако ложь иногда может сказать не меньше, чем правда.

— Да просто помог вы*бнуться перед теми девками, — он махнул свободной рукой. — Понты дороже денег, как говорится, — после чего нервно хмыкнул и замолчал.

Как же. Машина взревела и мы помчались по трассе ощутимо быстрее прежнего. Складывалось впечатление, что после моего признания усатый лишь тянул время, вот только…

До чего?

Больше мы не сказали друг другу не слова. О чём думал мой спутник — я понятия не имел, сам же я лихорадочно размышлял. Кстати, как можно быть таким идиотом — я даже не спросил, куда он меня везёт, настолько рад был убраться с той заправки! А потом — после видео и всех дальнейших разговоров — уже забыл об этом думать. Да и нужно ли говорить, что во мне сыграл синдром утенка — первого человека, который был способен пролить свет на прошедшую неделю, я тут же посчитал союзником. Зря.

А машина, между тем, продолжала двигаться. Куда-то.

Мобильник пискнул снова, оповещая о ещё одном пришедшем сообщении. И если в прошлый раз Усатый не обратил на сигнал никакого внимания, то сейчас он слегка дернул щекой. Напряжен.

Снова видео. На этот раз с цифрой “один”. Не по порядку. Судя по хронометражу, первое видео весило больше второго. Дрянной интернет решил сначала прогрузить что полегче. Впрочем, меня это не заботило. Каждая крупица информации на вес золота.

Я нажал на кнопку проигрывания.

Снова моё лицо. На этот раз — чистое, без крови и безумных улыбок. Я в банном халате — том самом, что и сейчас был на мне. В руках — бутылка, и, насколько я мог разглядеть на видео, бутылка не от чего-нибудь, а от дорогого виски марки Ватт. Вроде как… я видел эту бутылку под мостом. Или даже две?

И, разумеется, мост на заднем плане. Я почти не удивился.

Кажется, на видео я уже пьян — не в дрова, но всё-таки прилично. Меня чуть пошатывало из стороны в сторону, да и выражение лица было… странным. Раскаивающимся, что ли.

«— *Привет, я будущий. Это ты прошлый. Очевидно.* — бодро начал я на видео. Язык не заплетался, голос звучал ровно. — *Сейчас ты ничего не помнишь, но не переживай — это даже хорошо…*»

Я переглянулся с Усатым. На его лбу проступил пот, кажется, как и я, он не мог решить, что делать дальше. Но, по крайней мере, он продолжал вести машину, хотя и чуть сбросил скорость.

«— *Начнем с простого,* — прошлый я снова качнулся, но схватился за перила; жидкость в бутылке плеснулась вверх. — *Мы с тобой влипли. В тот момент, когда ты смотришь это видео, они уже должны обо всем узнать. А значит, целая толпа ублюдков хочет видеть твою голову на блюдечке,* — я на видео виновато улыбнулся, — *И как бы я ни хотел сказать, что незаслуженно, но увы…*»

Я снова покосился на Усатого одним глазом. По спине прошел холодок. Всё это походило на какой-то глупый розыгрыш. Может, я и правда мертв, а всё это просто бред моего умирающего мозга?

Четыре плюс четыре.

Нет, слишком просто.

«— *Мы совершили много ошибок, много отвратительных ошибок…* — прошлый я прикусил нижнюю губу и медленно закивал, — *Извини. Я совершил,* — я наигранно улыбнулся, — *Исправлять их придется тебе, советую не тянуть с этим. У меня*

же не вышло. И первая из ошибок — Усатый хер…»

Стоп. Мой палец заставляет видео стать на паузу. Машина вновь ускоряется — Усатый уже не смотрит на меня, он смотрит на дорогу, и я вижу набухшую жилку у него на виске.

— Притормози, — хрипло кидаю я ему. Разумеется, он игнорирует мои слова, продолжая гнать вперёд. Ну, точно — все разговоры были попыткой протянуть время, рассеять моё внимание до того момента, как мы приедем.

Куда?

Моя рука — быстро, почти моментально — несётся к открытому бардачку. Снять пистолет с предохранителя. Взять цель на мушку.

— Я сказал притормозить, — выдыхаю я. — И ты понял меня.

Тот глядел прямо на меня… но ничего не сказал. Машина всё так же мчалась вперёд.

Раздается протяжной звук гудка, свет фар прямо в лобовое стекло — это на пару секунд отвлекает нас обоих. Кажется, Усатый не заметил, как от волнения выехал на встречку. Свет заливает весь салон, мимолетного взгляда хватает, чтобы понять — на нас мчится огромная фура.

Времени нет.

Вторая рука мечется к рулю. Резко выворачивает его. Скрип колес, машина резко уходит влево — на обочину.

Удар. Подушки. Темнота.

Кажется, она проходит быстро — к моей удаче. Темнота отступает. Я вижу тонкую металлическую балку из ближайшего забора. Она пробила и лобовое, и подушку безопасности.

Ещё две секунды — и я не только вижу эту балку, но ещё и ощущаю. Она пробила также и моё право плечо. Чёрная кровь медленно вытекает наружу, и боль внутри меня разгорается — спокойно, цепко и кошмарно. Это… это действительно больно.

И это не просто боль в конечности — сколь угодно сильная. То ли по привкусу чёрной крови во рту, то ли по каким-то внутренним ощущениям я понимаю: пробито лёгкое, балка прошла наискосок. Возможно, лёгкое пробила не она сама, а осколки рёбер… мне всё равно. Слишком больно.

Повернув голову налево, я вижу, что Усатому повезло больше. Его подушка цела, разве что чуть-чуть придавила его. Матерясь тихим шёпотом, он пытается выбраться через дверь.

Куда, сука. Стоять. Бросив пистолет, я хватаюсь за балку — и вырываю её из своего плеча. С мясом, в буквальном смысле слова. Пара секунд оглушительной боли — а затем я шатаюсь влево и хватаю Усатого за ногу. Потеряв равновесие, тот падает; теперь его передняя половина тела — снаружи, а задняя ещё в машине.

На то, чтобы встать, ему потребуется время, которого у него нет.

— Нет!!! — судя по воплю, он прекрасно это понимает. — Пожалуйста, нет, не так!

Извиваясь, точно уж, он переворачивается с живота на спину, пытается вырвать свою ногу из моего захвата, но я держу крепко — на удивление крепко для серьёзно раненного парня, к тому же, сильно моложе его.

— Нет!

Наши взгляды встречаются. Он замолкает.

Что бы могло произойти за неделю, способное толкнуть меня на убийство?

Меня наконец осеняет.

Я же говорил, что люблю жизнь?

* * *

Выбравшись, я стащил с трупа Усатого ботинки. Хотя бы их — остальное слишком испачкано чёрной жижей, которой теперь сочилось его обмякшее тело. Надев обувь, я кинул взгляд на разбитую машину.

Рядом — какое-то поле, обнесённое забором. Никого нет — а значит самое время присесть и досмотреть вторую часть видео, перед тем как решать, что делать дальше.

Я снова запускаю ролик.

«— *…с его е*учими усами,* — завершаю мысль я-прошлый. — *Если я не забыл пополнить интернет, то это видео ты должен увидеть ещё до встречи с ним.*»

Идиот.

«— *Забери у него документы,* — запоздало инструктирую я сам себя — видимо, о пригласительном, так? — *Но ни в коем случае не садись к нему в машину. Выдумай любую причину, по которой не хочешь или не можешь поехать с ним. Он не станет усаживать тебя силой. Ну, а что делать с ним самим — решишь сам, потом.*»

Ну, что же — для этого уже поздно.

«— *Знаю-знаю, ты захочешь ответы сразу. Знаю, потому что я бы захотел. Но поверь самому себе — такое дерьмо лучше глотать чайными ложками.*»

В чём-то я с собой согласен. Уже одного того, что свалилось на меня с момента пробуждения, более чем достаточно.

«— *Кстати, за эту неделю мы открыли в себе много нового.*

Не пугайся, когда будешь смотреть следующие видео, я старался сделать их повеселее. Они должны объяснить тебе, что происходит и что ты теперь умеешь.»

Это? Он это называет “повеселее”? А это точно я, а не кто-то, загримированный под меня?

«— *А пока,* — подытожил я с видео, — *Езжай по следующему адресу. Улица Объединения, 397-а. Мне завидно, что для тебя теперь эти слова ничего не значат.*»

В машине что-то треснуло, и я на секунду отвлекся от видео, однако затем нахмурился и вернулся к просмотру. Оставалось всего несколько секунд.

«— *И помни: что бы ты не увидел и не узнал дальше,* — прошлый я опустил голову, — *это делал не ты.*»

Глава 4

Как оно часто бывает, любой план, который состоит более из чем двух факторов, может обломиться об непредвиденную мелочь. В данном случае — о мою собственную тупость. Такая, казалось бы, незначительная мелочь, как отсутствие интернета создала целую кипу проблем. Ну и как мне теперь отсюда выбираться?

Я ещё раз оглядел разбитую машину и пустую дорогу. Владелец фуры, к моему счастью, не проявил гражданского долга и уехал — хоть на том спасибо. Но это не значит, что дорога вечно будет оставаться такой же пустынной. А последнее, что мне сейчас нужно, это быть задержанным до выяснения обстоятельств.

Интернет снова не работал. Шикарно. Мобила Усатого — запаролена. И даже распознавание лица не сработает — его морда превратилась в то, что меньше всего напоминало лицо вообще.

Что ж, пока на место аварии не приехали полицейские, я, затянув халат потуже и закинув в карман пистолет, решил двинуть в путь. Без понятия, куда меня вез Усатый — но мне явно в обратную сторону, в город.

Попробовать автостопом? Раньше мне не доводилось этого делать, путешествовать с чернокровием такое себе удовольствие, однако я знал, что такой способ передвижения был довольно популярен среди тех, кто готов компенсировать нехватку денег острыми впечатлениями. Что же, выбирать не приходится.

Надеюсь, найдется такой авантюрист, который решит подобрать парня в испачканном халате.

Моя кровь не водица, оставляет мазутные пятна. Я даже рад этому — для людей они должны выглядеть не так жутко, как красные.

Меня и самого не грела мысль, что придётся вновь садится в машину неизвестно к кому. Водитель точно меня запомнит. Но… пешком не лучше: долго, на глазах у людей и плохо зная город.

По крайней мере, у меня есть адрес. Улица Объединения, 397-а. И я намерен выяснить, что там находится.

Выбравшись из кювета, я на ходу проверил своё плечо. Не болит. Только всё чёрное от крови. Кожа цела. Да и вообще — я давно не чувствовал себя таким… бодрым и полным энергии.

Что же, если я собираюсь невесть сколько идти пешком — это мне пригодится.

…за временем я не следил, но, кажется, прошло около получаса. Ночную трассу нельзя было назвать оживленной — за

всё это время мимо меня проехало десятка полтора машин. Половина из них сразу проносилась мимо, и ещё половина притормаживала… а затем уезжала прочь. Я не мог их винить: наверное, я и правда выглядел стрёмно, особенно на безлюдной ночной дороге.

Что же, развлечь себя я мог только складыванием пазла, который оставил сам себе же.

Один плюс один.

За прошедшую неделю я успел открыть в себе новую способность, и если верить видео, то не одну. Усатый знал о ней, и судя по всему был как-то замешан в том, что я с помощью этой способности делал.

Два плюс два.

Делал я нечто плохое. По крайней мне самому это не нравилось, возможно это даже несколько пошатнуло мой рассудок, учитывая видео под номером два. И мало того, что мы с Усатым занимались какой-то грязью, так еще и перешли дорогу неким “ублюдкам”, что сейчас по всей видимости охотятся за мной.

Три плюс три.

Я знал, что потеряю память и подготовился к этому, оставил себе подсказки и наснимал видео, чтобы было проще разобраться что к чему. Пока что они оставались единственным доступным мне источником информации.

Надеюсь, в последующих видео будет о том, с чего все это дерьмо началось.

От размышлений оторвал окативший меня издалека свет фар, двигавшихся навстречу. Что-то знакомое… особенно фигура с развевающимися руками, торчащая из люка сверху.

И только когда машина приблизилась достаточно близко, чтобы можно было услышать знакомый бит вместе с женскими воплями: “Ууу-у-у! Как круто!”, до меня дошло, кто это.

Я тут же опустил руку. Нет, спасибо, лучше пешком.

Но — как будто по закону подлости — в этот момент машина стала понемногу снижать скорость. Пассажирка из люка залезла вниз — в салон. Ну, конечно же.

Я, конечно, попытался стать незаметной ветошью, насколько это возможно посреди трассы, но этого, видимо, было недостаточно. Машина пересекла две сплошные и развернулась на полосу, вдоль которой я медленно плелся обратно в город.

Ну всё. И ведь не предвидится больше никакого усатого хмыря, который мог бы спасти от этой беды.

— Эй! — окликнули меня из машины, — Сколько за час, красавчик?

Началось.

— Иди своей дорогой, сталкер, — я махнул рукой и попытался обойти машину.

— Да ладно! — та из двух девчонок, что была за рулём, высунулась почти по пояс. — Шутка же! Подвезти?

— Не нужно, — стоило мне выйти вперёд, как машина взревела и снова оказалась впереди меня. Вот чёрт.

— Не-не-не, мы подвезем, — настаивала девушка-водитель. — До столицы пешком долго!

Так себе компания, но… До меня дошло. Моё лицо. Ещё тогда, на заправке, эта девица враз переменилась в лице и заулыбалась, когда я поднял голову(хоть я, не зная о том, что больше не уродлив, и не мог этого вообразить) и не особо участвовала в “остроумных репризах”, которые устроила её подруга. Сейчас та, кстати, молчала в трубочку.

Какие же девушки переменчивые. Путь от ненависти до милости выглядит как один большой черный джип.

Плевать. Довезут — и ладно.

— Окей, — я остановился. — До улицы Объединения довезёте? 397-а.

Может быть, им будет не по пути и они отстанут от меня? Тоже хороший вариант.

— На пустыри, что ли? — брови девицы слегка поднялись. — Или что там ещё?

Я неопределённо пожал плечами. Хочет везти — пусть везёт, не хочет везти — пусть не везёт. Меня устроит любой вариант.

— Ладно, залезай, — она щёлкнула кнопкой, отпирая двери заднего сидения. Чёрт с вами… подобрав полы халата — особенно ту, которую оттягивал пистолет — я забрался на сидение. С визгом развернувшись, машина понеслась в сторону города; из открытого люка наверху несло предутренней свежестью и росой.

— А всё-таки, что там? — не унималась девчонка. — Вроде бы ничего, куда…

— Дела, — коротко ответил я.

— Какие дела ночью на пустырях? — о, а это снова включилась её дохрена остроумная подруга. — В халате! Чувак, ты себя в зеркало видел? И где твой дружок на машине?

Честно говоря, удивлен, что они только сейчас об этом заговорили. Да, спасибо, я уже оценил зрелище.

— Он уехал. А я решил прогуляться. — ответил я без особого энтузиазма, часть про халат же оставалась непонятной даже мне самому, так что я решил о нем не упоминать.

Впрочем, это и не понадобилось. Девушки очень быстро

потеряли интерес к обстоятельствам моего блуждания по трассе и просто перешли на пьяный треп. Примерно минут десять-пятнадцать меня атаковали разными вопросами, от “где купил халат” до “а что пьешь”. Девицы — на этот раз обе — задавали всё подряд, что приходило им в голову, просто ради самого разговора, а я коротко отбрехивался, мечтая о том, чтобы это поскорее закончилось.

— Слушай, — наконец, с недовольным видом осведомилась та, что была более пьяная. — А ты случайно не… этот?

— Этот? — уточнил я.

Увы, узнать точно какое именно нехорошее слово она завуалировала за коротким “этот”, не вышло — в этот момент у её подруги зазвонил телефон, огласив салон популярной девичьей мелодией.

Обе девушки резко замолчали; более трезвая вытащила трубку, пока её подруга спешно вырубала музыку, которая аккомпанементом к нашему “блиц-опросу” грохотала всю дорогу.

— Алло? — это был уже совсем другой голос. Серьёзные интонации, без намёка на юмор и даже, кажется, лёгкий испуг.

В ответ ей донёсся громкий и волевой мужской бас. Я не мог расслышать всё чётко, но вот слова “живо домой” услышал очень хорошо.

— Да… да, конечно, сейчас, — заверила она своего собеседника. — Мы уже едем.

Положив трубку, она виновато поглядела на меня.

— Слушай, на Объединения не получится… так вышло. Он же нас мониторит по GPS, поедем не туда…

Фраза осталась незаконченной, но суть была понятна и так. Отец — или папик, что в данном случае не очень важно — будет недоволен их поведением.

— Давай мы высадим тебя у дома и вызовем такси! — предложила девица за рулём, посерьёзневшая и сосредоточенно ведущая машину. Я поднял бровь; ничего такого я не думал, просто решил, что придётся дальше пешком… но если так — то даже лучше.

— Давай, — кивнул я. — Хороший вариант.

Больше за всю дорогу никто из нас не произнёс ни слова. Десять минут машина ехала в полной тишине — ни музыки, ни разговоров — а затем вырулила к частному особняку, окружённому немаленькой территорией. Ворота то ли были открыты, то ли я, задумавшись, проглядел момент, когда они открылись — но сад выглядел очень дорого.

Ночная подсветка теплыми тонами падала на идеально подстриженный газон, клумбы с разнообразными цветами и

многочисленные беседки, к которым по всей территории всей этой зеленой прелести вели аккуратно вымощенные тропинки. Причудливые фигуры животных, выстриженных из живой изгороди, скрывали за собой большой трёхэтажный дом — не менее красивый, чем сад.

Наверное, в иное время мне было бы интересно здесь прогуляться, но сейчас не до того. У самого дома я увидел машину и несколько людей рядом с ней. В чёрном. С автоматами в руках. Охрана?

Один из них — единственный, кто не выглядел телохранителем — шагнул вперёд. Даже несмотря на то, что сам по себе мужчина был несколько полноват, дорогой костюм был идеально подогнан под его размер. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о том, что он чем-то сильно раздосадован.

Стоило ему сделать шаг, как охрана тут же послушно направилась за ним; девицы тоже спешно выскочили из джипа навстречу хозяину особняка.

Чёрт. Вот в этот бы момент мне и исчезнуть — желательно, максимально незаметно. Но что-то мне подсказывало, что сделать это не получится, даже если этот тип отвлечётся на девиц, мимо такого количества охраны мне точно не пройти.

— Какого х*я?! — рявкнул тип, нависая над той из девиц, что была потрезвее. — Я когда велел вам быть дома?

Я тихо открыл дверцу и ступил наружу. И уже через секунду голова “большого босса” повернулась ко мне. Ой.

— И что за бомжа вы подобрали?!

Я ещё не успел сообразить, как буду объяснять ему своё присутствие здесь, как вдруг лицо важного типа поменялось. На нём мелькнуло узнавание, удивление… и что-то ещё.

— Иван! — выдохнул он уже совершенно другим голосом. — Извините, Бога ради. Я не признал вас. Темнота, я не хотел…

Так, вспоминай, вспоминай: на заправке они называли его имя. Дмитрий… Петрович?

— Ничего, Дмитрий Петрович, — я покачал головой. — Это случайность. И я уже ухожу, простите, что побеспокоил.

— В таком виде? — из улыбки Дмитрия Петровича — значит, всё-таки не перепутал — разве что сахар не тёк. — Я понимаю, у вас дела, но всё-таки стоило бы зайти и переодеться.

Я прикрыл глаза на долю секунды. Второй раз на ту же удочку? Но с другой стороны, он прав. Как далеко я уйду в окровавленном халате?

— Мне бы не хотелось причинять вам какие-то неудобства, — попытался я соскочить в последний раз, но Дмитрий Петрович тут

же поднял руки.

— Что вы, какие неудобства! Это же сущая мелочь, даже говорить смешно!

Даже охрана, кажется, опустила автоматы пониже, чтобы не выглядеть так угрожающе. Или мне уже чудится?

Девицы — обе — изумлённо таращились на меня. Кажется, они и не подозревали о моём знакомстве с их папиком. Как и я, девочки, как и я…

— Давайте в дом! — приглашающим жестом махнул рукой тот. — У нас с вами разные размеры, но можно посмотреть в комнате охраны, если вас устроит…

А если нет — заказать из магазина? Прямо из Империи, из швейного дома Шраутов. Казалось, ещё немного — и Дмитрий Петрович, только что рычащий на своих девчонок за слишком долгую гулянку, опустится на колени и начнёт вылизывать пол передо мной.

— Без проблем, — отозвался я. — Меня устроит всё, что угодно, если оно мне пойдёт и будет хоть немного лучше этого халата.

Костюм мне и правда нашёлся среди одежды для охранников — такой же чёрный, с белой парадной рубашкой и галстуком, с лаковыми ботинками… Как раз для мероприятия в отеле “Прайд”, или для высших сливок он будет выглядеть слишком лакейским? Ну, я не разбирался в высокой моде. Костюм был чистым, целым, по размеру мне — вот и достаточно пока что.

Выйдя из раздевалки охраны, я ещё раз поблагодарил Дмитрия Петровича — вполне искренне — и собрался валить, но тот снова растёкся в приторной улыбке.

— Погодите, Иван! Я просто не могу отпустить вас так.

— В каком смысле? — я поднял бровь.

— Я уже приказал накрыть на стол. Хотя бы поешьте. Никаких расспросов с моей стороны, ваши дела — это ваши дела, но…

Ох… кажется, мышеловка снова захлопывается.

— Спасибо за гостеприимство, — кивнул я. — С удовольствием.

Вот только нет.

Четыре плюс четыре.

Дмитрий Петрович вел себя излишне навязчиво. Уж не знаю, что нас связывало в прошлом, однако, учитывая обстоятельства, всё моё нутро кричало, что за его широкой улыбкой и вежливыми обращениями скрывается нечто большее. В любом случае, тратить своё время на ужин я не собирался, так как изначально не особо понятно сколько у меня этого времени осталось.

Согласился же я, просто для того, чтобы этот подхалим перестал донимать меня своими расспросами и немного растерял бдительность.

— Только зайду в уборную для начала, если вы не против? — я улыбнулся.

— Что вы, не против, конечно! — развел руками мужчина, — Справа по коридору!

Узнав у одного из охранников пароль от сети, я толкнул дверь в туалет, прошел внутрь и защелкнул за собой замок.

Никогда не понимал тягу к гигантизму у богатых людей, однако даже уборная в этом доме выглядела внушительно. Сначала взгляд зацепился за тот факт, что все помещение, казалось, было отделано мрамором, затем за огромное во всю стену зеркало, но что действительно меня обрадовало — так это большое окно с непрозрачными стеклами в противоположном конце комнаты.

Я ухмыльнулся и быстро достал телефон из кармана брюк.

Судя по карте, до нужного мне адреса оставалось всего ничего, несколько километров. Легко смогу преодолеть их пешком. Я включил воду в раковине, чтобы выиграть себе немного времени в случае чего, и потянул оконную ручку на себя.

Удобно.

* * *

— Да, — Дмитрий Петрович сжимал телефон так крепко, что казалось еще немного и тот треснет, — Этот ублюдок сбежал. Нет. Усатый не брал трубку. Но не переживайте. Мои люди уже на хвосте, я, — мужчина довольно ухмыльнулся, — узнал адрес.

В трубке раздались гудки, символизирующие о том, что абонент на другом конце провода сбросил звонок. Ну разумеется.

Впрочем, всё не так и плохо. Кто бы мог подумать, что эти тупые суки могут оказаться хоть в чем-то полезны.

Дмитрий Петрович окинул взглядом двух полуголых девушек связанных по рукам и ногам на кровати. На их телах виднелось множество шрамов, старых и свежих, а косметика потекла от слез до такой степени, что больше напоминала какое-то несуразное месиво.

Мужчина глубоко вдохнул воздух. Ему всегда нравился этот вид.

— Ну что, начнем отрабатывать машину?

Дмитрий Петрович самодовольно улыбнулся и потянулся к ремню на своем поясе.

Эта ночь обещает быть долгой.

Глава 5

Ну, вот я и на месте.

Я сверился с телефоном. Интернет работал исправно — по пути сюда я подключился к точке вай-фая возле круглосуточного кафе и оплатил два дня связи отложенным платежом. Всё так, карта не тормозит и не подгруживает — это именно то место.

Я всё ещё был на окраине города. Признак мегаполиса — можно ехать несколько часов и всё равно остаться на окраине. Девицы были правы, называя это место пустырями. Нет, здесь стояли здания, но — пустые, заброшенные. То ли стройки, то ли просто обветшавшее жильё под снос, дожидающееся, пока у правительства дойдут руки сравнять его с землёй.

Но и это ещё не всё. То здание, которое я искал, вообще не было зданием в полном смысле этого слова. Чёрные обгоревшие стены, сквозные дыры, грозящие рухнуть перегородки. Пепелище.

Вокруг был разбросан неубранный мусор, куски стен и выпавшие оконные рамы, что наталкивало на мысль о том, что пожар поглотил дом совсем недавно. Во всем остальном же…

Пусто. Тихо. И один дьявол знает, что я найду там внутри. Я шагнул через порог; чёрная пепельная пыль, всколыхнувшись, осела на украденные у Усатого ботинки — и у меня пискнул телефон.

Снова видео. Большая цифра «3» на заставке.

Сделав звук потише — на всякий случай, предосторожность в моём положении не помешает — я включил его.

— И снова здравствуй, Иван. — в кадре опять моё лицо, но в этот раз я нахожусь не на мосту, а в каком-то темном помещении, одетый в черную толстовку, — вот и первая остановка в нашем занимательном маршруте. Да, ты понял всё правильно. Тебе в это сгоревшее, — прошлый втянул воздух через рот, — заведение. Смотри не испачкайся. — я улыбнулся.

Один плюс один.

Я основательно подошел к подготовке этих видео. Разные места, локации… интересно сколько у меня на это ушло? День? Два? В какой момент я понял, что не смогу справиться без того, чтобы стереть себе память?

— Приглашаю тебя на небольшую прогулку. С маршрутом разберешься сам, просто смотри дальше. — прошлый я кивнул глядя прямо в камеру. — Оно того стоит.

Я нахмурился и осмотрелся по сторонам, стараясь не дышать носом, чтобы не вдохнуть сажу. Так себе антураж для экскурсии.

Плевать. Смотрим дальше.

Моё лицо сменяется записями с камер видеонаблюдения. Три человека в костюмах спокойно проходят через обшарпанный холл какого-то здания и спускаются по лестнице. Конец. Лиц не видно, все фигуры повёрнуты ко мне спиной — я только подметил, что один из них лыс, как коленка, вот и все приметы.

Сначала я не понял как именно мне должна помочь эта троица, но перемотав отрывок во второй раз, я осознал очевидное: смотреть нужно было не на людей, а на помещение. Разумеется, это была та самая комната, где я сейчас находился. После пожара помещение выглядело неузнаваемым, отчего и возникла заминка.

Ещё не дойдя до лестницы — та была завалена горелыми досками, и если бы не видео, я бы мог потратить два часа и не найти её — я задумался об одной странности.

Каким образом реализован процесс отправки видео? Каким-то образом подвязан под моё местоположение? Сразу же вижу несколько проблем, связанных с таким подходом… что если я окажусь в нужном месте раньше положенного времени? Что если телефон попадет в чужие руки? Странно это всё, но понятно одно — я не мог это не предусмотреть.

На пару секунд замерев, я двинулся дальше, вниз по лестнице.

Каменные ступеньки почти не пострадали от огня, только были завалены всяким мусором. Ну, по крайней мере, мне не грозило никуда провалиться.

Спуск был необычайно долгим; не три-четыре пролёта, как в многоэтажке, а так, будто я спускался в знаменитое столичное метро, самое глубокое в мире. Где-то на середине пути я увидел в свете мобильника дверь — толстую, стальную. Если бы она была заперта — вряд ли бы мне удалось её взломать, но сейчас она была наполовину распахнута.

Наконец, добравшись до самого низа, я шагнул вперёд.

И тут же раздался очередной щелчок оповещения на телефон.

Удивившись тому, что на такой глубине ловит сеть, я нажал на кнопку проигрывания. Видео, само собой, под номером «4», было уже короче.

Холл. Если не знать, где это, можно принять его за холл какого-нибудь маленького, но жутко дорогого отеля. Роскошные диванчики. Цветы в кадках. Стойка администратора — которого, впрочем, не видно.

Не отрывая взгляда от видео, я пошёл вперёд. Да, вот она, эта самая стойка. От мягких диванчиков не осталось ничего, кроме превратившегося в уголь каркаса, который и стоял-то ещё лишь потому, что к нему никто не прикасался. Треснувшие от жара

кадки содержали в себе лишь пепел, перемешанный с землей.

Звука не было. Зато в какой-то момент на видео появились два амбала. Лиц снова не разглядеть, в глаза бросались разве что костюмы, которые трещали под напором мускулов. Их что, специально шьют на размер меньше, чтобы подчеркнуть мощь телохранителя? Для хозяев-то всегда подогнано до миллиметра, какой бы комплекции они ни были.

Телохранители двигались быстро, сосредоточенно… неся через холл что-то большое, завёрнутое в чёрный полиэтилен.

Труп? Эту версию я быстро откинул, как только увидел, что «труп» извивается и пытается вырваться.

Само собой, сделать это ему не удалось. Зато на видео было прекрасно видно, в какую именно из нескольких дверей вошли амбалы с пленником.

Нам туда.

Всё это приобретало оттенок игры, какого-то безумного квеста в реальности. Только вот вместо организатора — я сам. А в конце вряд ли выдадут подарочный сертификат со скидкой.

Да, если бы не “маршрут”, по которому меня вели амбалы на записи — пришлось бы блуждать здесь очень долго — десятки дверей по обе стороны коридора были совершенно одинаковыми. Зато из видео я узнал две вещи: какого цвета тут раньше был ковёр и куда именно зашли амбалы с шевелящимся и, возможно, орущим телом.

Так вот, ковёр здесь был красным.

Шаг к двери. Комната была пустой — но сильно обгорелой. Очень сильно; внизу вообще пожар, кажется, прошёлся сильнее, чем сверху. Видимо, он шёл отсюда, а уже потом вырвался наверх.

Задаться вопросом, какой же силы должен быть пожар, чтобы он смог преодолеть такой подъём, я не успел — один за другим, прозвучали сразу три сигнала новых сообщений.

В этот раз они были обозначены как 4.1, 4.2 и 4.3.

Медленно оглядев комнату, я отметил осколки стекла — судя по остаткам выгоревшей амальгамы, когда-то это было зеркало — и какой-то мебели на полу. А затем нажал на видео под номером «4.1».

— Да, извини за нумерацию, больше так не буду. Но, — прошлый я начертил в воздухе квадрат указательными пальцами, — скоро сам поймешь, что все эти видео — часть одной, слегка е*анутой картины, дружище. Оригинал очень долгий и утомительный, автор затянул с некоторыми моментами… так что я постарался и сделал тебе весёлую нарезку. Наслаждайся. — я улыбнулся и опустил голову, однако затем резко поднял её, словно что-то вспомнив, — И да… убери от

экрана беременных женщин и детей, если что.

Я сглотнул ком в горле и нажал на запись 4.2.

На этот раз съёмка велась не с камеры наблюдения. Пустая комната — стены, одна из них зеркальная — снималась спереди, и в кадре был только один объект. Человек, привязанный к стулу. Мешок на голове.

— Ну, приступим, — раздался голос — а спустя пару секунд в кадре появился тот, кого я меньше всего ожидал тут увидеть.

Паша Сербский. При виде этого типа мои глаза округлились, но задать самому себе мысленные риторические вопросы без ответа я не успел.

— Итак, — Паша был наигранно весел. Что-то в его выражении лица роднило его со мной — тем мной с видео номер «2», который салютовал беспалой рукой. — Сегодня у нас… особый гость. Человек, который не захотел сидеть тихо, когда ему сказали делать это. Человек, который решил, что нет разницы, как именно умирать.

Наверное, я знал, кто окажется под мешком, ещё тогда, когда увидел пакет, вносимый амбалами. Паша спокойно, даже как-то весело подошёл к пленнику на стуле и сдёрнул мешок.

Я не вопил. Я мычал сквозь связанный рот, и это несказанно веселило стоящего рядом ублюдка.

— Нет, — он опёрся о моё плечо, как о столик, и развернулся наполовину ко мне, наполовину в камеру. — Нет, ты не прав. Тебя предупредили сколько раз? Трижды, кажется. Так?

Снова повернувшись к камере, Паша начал загибать пальцы.

— Первый раз в больнице. Я хотел по-хорошему. Я пытался по-хорошему! Ты не захотел, и я предупредил снова. Потом ты явился ко мне, и я предупредил тебя в третий раз. Хочешь сказать, я не давал тебе шанса?

В третий раз. Нужно это запомнить и выяснить, при каких обстоятельствах был этот… третий раз.

Я сам — ещё в оспинах и язвах, никакого намёка на гладкое и красивое лицо, какое было у меня сейчас — явно не воспринимаю доводы, логичны они или нет. Я вырываюсь и смотрю на Пашу с выражением настоящего ужаса. А тому уже надоел мой сдавленный вой.

— Заткнись, — приказывает он и впечатывает свой кулак прямо мне в живот. Я-реальный едва не ощутил это чувство, глядя на экран мобильника; а ведь Паша — пробуждённый с повышенной силой, это я запомнил ещё в больничном парке.

— Мог бы двинуть тебе в рожу, — заключает он, — но, знаешь, как-то неохота пачкаться о твои нарывы. По счастью, у меня здесь есть достаточно инструментов для того, чтобы не

трогать твоё лицо голыми руками.

Спокойными шагами он движется в сторону камеры, а затем исчезает за ней. Единственное, что остаётся в кадре — это я. Моё лицо. Рот связан, но глаза открыты. Замолчавший после удара, я гляжу в кадр — а точнее, за него — со всё больше нарастающим ужасом, и, наконец, принимаюсь снова мычать.

«Нужно было молчать», — проносится у меня в голове. Но… чёрт, если бы я вновь попал в эту ситуацию — смог бы я молчать?

Паша возвращается, так же спокойно, как и уходил. В руках у него — небольшой нож с тонким, блестящим лезвием, чуть искривлённым на конце. Моё мычание становится интенсивнее, а затем…

На моменте, когда лезвие вонзается мне в глаз, я инстинктивно зажмурился. Мычание, исходящее с экрана, стало диким, но верёвки не позволяют мне дёргаться слишком сильно.

— Знаешь, в чём секрет? — Паша говорит вовсе не со мной; он просто беседует сам с собой, потому что ему это нравится. — Если надавить чуть сильнее и немного изогнуть, лезвие заденет мозг. Одно резкое движение вперёд — и ты мёртв.

Свободное рукой придерживая мою голову — видимо, чтобы я не дёрнул ей вперёд, на лезвие — второй он вынимает нож. Глазница полностью чёрная, из неё льётся кровь, а я извиваюсь от боли.

— Но это неинтересно, — я не вижу лица говнюка, но ясно осознаю, что в этот момент он улыбается. — Ты должен оценить мой подарок. Страшно, наверное, умирать?

Он не торопится нанести следующий удар, поигрывая ножиком, измазанным в чёрном.

— Мой подарок — это избавление от страха смерти. Раньше ты её боялся. Теперь ты будешь её ждать.

Нож движется ко второму глазу, я инстинктивно отшатываюсь — и я на экране, и я настоящий — но клинок останавливается.

— Нет, это мы, пожалуй, ещё оставим, — задумчиво произносит Паша. — Пригодится. Зато есть ещё…

Я украдкой бросаю взгляд на хронометраж видео. Прошло меньше половины. А ведь все происходящее еще и обрезано… Сколько длились мои мучения?

* * *

Кадры перемежались, обрывались на полуслове и перескакивали дальше, до следующего “интересного” момента, и в какой-то момент я уже имел бы все шансы не узнать себя, если бы не знал заранее, кого и что я увижу на нём. Лицо изрезано. Челюсть чудовищно обезображена — никогда не задумывался о том, как меняется рот, если вырвать половину зубов (а точнее, вырезать вместе с кусками дёсен). По волосам опознать себя тоже не получится — скальп содран и валяется где-то на полу. Единственное живое место на лице — это глаз; левый глаз, обращённый прямо в камеру.

В начале, он не смотрел сюда. Смотрел в пол, на Пашу, по сторонам, куда-то ещё — но не в камеру. Сейчас же я уставился прямо в камеру — будто зная, что сам наблюдаю за собой через экран мобильника.

Стоя у стены, я смотрю на то, как неделю назад на этом самом месте со мной делали… наверное, самое жуткое, что я когда-либо видел. Некоторые отдельные виды пыток — я даже не подозревал, что они существуют. А вот Паша знал и практиковал.

Я уже давно задаюсь одним вопросом. Ну, допустим, зачем это делает Паша — спрашивать не приходится. Одного вида на его довольную и слегка (слегка ли?) безумную морду достаточно, чтобы понять, что ему это доставляет несказанное удовольствие.

Но зачем Паше было записывать всё это на видео? Улика против себя самого, но для чего? Не показывать же мне, в самом-то деле. Я всё и так видел своим глазами… глазом, и даже принимал в этом непосредственное участие.

Два плюс два.

Скорее всего, мне удалось добраться до его личной коллекции. Вполне вероятно, что Паша занимался такими вещами не раз… и если мне удалось достать это видео, то наверняка есть и другие. Вот только почему всё это до сих пор не опубликовано?

Покачав головой, я вернулся к просмотру. Само собой мне не хотелось и дальше наблюдать за своей пыткой, однако что-то подсказывало, что я в прошлом решил показать себе эти видео не только затем, чтобы у меня появилась парочка-другая психологических травм.

На видео же я молчал. Молчать я стал примерно с того же самого момента, как и смотреть в камеру. Только тихое, хриплое сопение. Изо рта стекают капли чёрной крови. Во время одной из склеек меня вырвало после очередного удара в окровавленный живот — Паша едва успел отскочить.

— Тихо стало, — замечает он. — Знаешь, даже скучно. Посиди тут минутку, я сейчас вернусь.

Я сижу и монотонно смотрю в камеру. Хриплое дыхание. Я

давно уже отвязан — ему понадобились мои руки, чтобы превратить их в кровавые чёрные обрубки — но едва ли смог бы встать, даже если бы захотел. Сижу. Смотрю в камеру. Дышу.

Это жуткое зрелище продолжается минуты две-три, а затем Паша возвращается. За время отсутствия он успел вытереть с рук кровь. В руках — CD-проигрыватель и коробочка с диском.

— Если стало скучно, нет ничего лучше хорошей музыки, — он улыбается доброй, дружеской улыбкой, даже какой-то заботливой. — Я решил, тебе понравится. Может, снова развеселишься, включишься в процесс.

Дисковод открывается. Диск ставится на место. Паша нажимает кнопку — и…

“На фундаменте жизни воздвигни свои монументы!

Подчини своей воле стремительный водоворот!

Будет трудно, но стоит ли жить без подобных моментов?

Ведь ты — пробуждённый!

Ты сможешь, ты сдюжишь –

Вперёд!” — несётся из динамиков. Песня Лики, самая мотивирующая, мать её, песня десятилетия.

Я на видео продолжаю смотреть в камеру. За музыкой не слышно хриплого дыхания, но я знаю, что оно есть.

* * *

— Мда уж. Я уже извинялся? Не помню, — прошлый я улыбнулся, — но попридержи коней, ковбой. Если сейчас твоё сердце загорелось праведным гневом, а кулаки грозно сжались для осуществления страшной мести… придется тебя обломать, — я развел руками на видео, — Я уже. По крайней мере, частично. Дотла эту конторку тоже спалили мы с тобой. Не понравилось обслуживание, — прошлый я зацокал языком и прикусил нижнюю губу. — Все несколько сложнее простой мести. К сожалению.

После того, как третье видео подошло к концу, я ещё долго стоял на месте, осознавая увиденное и борясь с дурнотой. Да, я с первого видео сказал правильно — такое дерьмо лучше есть маленькими ложечками, порционно. И, пожалуй, на сегодня я уже объелся его.

Впрочем, всего, случившегося со мной, это не объясняло, и хотя я не ждал, что разгадка придёт вот так сразу, быстро, стоило бы, наверное, осмотреть и остальные комнаты. И видео могут прийти, и в самих комнатах может что-то найтись. Лучше

проверить сейчас — чем потом спускаться сюда ещё раз; теперь это обгоревшее место казалось мне пугающим до мурашек. Я еле удерживался от желания поминутно оглядываться, а тишина, недавно бывшая успокаивающей, теперь стала гнетущей и давящей не хуже зрелища собственной кожи, сдираемой заживо.

Телефон молчал. Включив на нём фонарик, я принялся открывать одну дверь за другой — благо, запертых среди них не оказалось. Ничего. Такие же обгоревшие стены, лопнувшие зеркала. Казалось, все эти комнаты были сделаны под копирку, одна к одной.

Для чего?

Три плюс три.

Я уже знал ответ. И практически не удивился, когда в девятой по счёту комнате обнаружил оплавленный штатив от камеры, а в тринадцатой — обгоревший человеческий скелет. Без пальцев на руках и ногах и без зубов. Небольшой хостел для больных маньяков на окраине столицы?

Затею осматривать “номера” я бросил на комнате с колодками и целым ведром с тавро для клеймения скота в виде египетского Анкха, прямо как подвеска у Усатого в машине. Это наталкивало на определенные мысли, но я был несколько не в состоянии оформить их в единое целое.

Я постоянно ждал новых сообщений, но — их не было. Прочие помещения, в которые мне удалось попасть, были либо пустыми, либо выгоревшими настолько, что найти в мешанине грязи и пепла какой-то предмет было невозможно.

Что же, пора выбираться. Развернувшись к выходу, я двинулся наверх, испытывая… нет, не облегчение: оно придёт, пожалуй, только тогда, когда я окажусь снаружи. Некое ожидание облегчения, стремление поскорее закончить.

Выбраться вверх по лестнице я старался как можно быстрее, да и сам путь наверх был довольно тяжёлым — попробуйте сами подниматься пешком почти пять минут! Поэтому я уже не старался, как на пути вниз, быть тихим. Лишь бы скорее оказаться… не тут.

Как оказалось, зря.

Ведь судя по звукам, наверху меня уже ждали.

Глава 6

Я замер на лестнице, стараясь не дышать. Чёрт. Дождался. Можно ведь было догадаться, что не я один в курсе про это место. И что теперь? Спускаться обратно, пытаться прикинуться ветошью?

Из подземелья только один путь наружу. Этот. И я более чем уверен, что те, кто пришли за мной, не дилетанты. Любая возможность проскочить к окну, к заднему выходу, просто пройти мимо них — предусмотрена ими.

Продолжая стоять неподвижно, я прислушался к шуму наверху. Размеренные шаги. Голосов нет. Кажется, меня просто… ждут, спокойно и терпеливо. Не лезут вниз, потому что знают: я никуда не денусь отсюда.

И, чёрт побери, они правы. Не денусь. Какие у меня варианты? Могу ли я взять и поискать выхода внизу? Его не будет. Или будет? В конце концов, там занимались незаконными, жуткими делами. Должны же они были предусмотреть запасной путь к отступлению на случай внезапной облавы!

Ответ пришёл сразу. Запасной путь к отступлению был, но мне от него никакого проку. Запасной путь — это их личности. Имена, лица, документы. Никакая облава, никакие стражи закона не смогли бы устроить облаву или задержать их.

Значит, мне только наверх. Идти не хотелось, внутри противно тянуло от предвкушения встречи с теми, кто ждал меня там, но это единственный путь. Если я задержусь, они потеряют терпение и спустятся вниз… всё будет точно так же, только я стану выглядеть трусом.

Чёрта с два вам, а не такую роскошь. Спрятав телефон в карман — до поверхности оставалось два пролёта, и лёгкий свет делал тьму вокруг не такой всепоглощающей — я зашагал наверх.

— А вот и он, — произнёс кто-то низким, глухим голосом, когда я подошёл к верху. — А мы тебя тут ждали.

Ага, я догадался.

— С какой же это радости? — я шагнул из лестничного проёма в сгоревшее здание. Их было двое; в костюмах, похожих на мой собственный — если не считать того, что мой теперь был полностью покрыт угольной пылью, а у них успели запачкаться только ботинки и низ штанин.

— Знаешь, как в детективных сериалах говорится? — тип, который заговорил первым, имел русые волосы и вообще выглядел каким-то былинным хлеборобом-землепашцем, по ошибке облачённым в костюм. Два метра роста, руки как лопаты

и всё такое. — А там говорится: преступник всегда возвращается на место преступления. Правда, Володенька?

Он хмыкнул, глянув на второго — чуть поменьше, зато коренастого, как боксёр. В облике Володи угадывались примеси какой-то восточной крови: чуть узкие глаза, немного другой оттенок кожи. Правда, совсем мало, видимо, азиатом был его дед или прадед.

— Да проспорил, проспорил, Господи, дел-то! — Володя вытащил бумажник и извлёк оттуда мятую купюру (кажется, он специально выбрал самую скомканную).

— Проспорил? — я переводил взгляд с одного на другого.

— Угу, — первый взял купюру из рук товарища и с довольной улыбкой сунул её себе в карман. — Я говорил, что ты сюда вернёшься. Он говорил, что не вернёшься.

— Ну, я вернулся, — я пожал плечами. — Что дальше?

О чём они точно не подозревают — так это о моей недельной амнезии. И если догадаются — лучше не будет. Так что попытаемся блефовать.

— А дальше ты поедешь с нами, Свердлов, — землепашец посерьёзнел и поглядел на часы на запястье. — Половина пятого утра, между прочим, я бы мог ещё спать и спать. Но времени у нас нет.

— Полагаю, у меня нет выбора? — если не можешь ничего сделать — то можно хотя бы уйти красиво. Этот принцип долгие годы — те годы, что я ждал смерти от чернокровия — был мне, по сути, родным братом, и только он сейчас позволял мне не наделась глупостей, вроде «попытаться бежать» или «атаковать этих двоих».

Кем бы они ни были посланы, кто бы они ни были такие — бежать они мне не дадут, и справиться с ними я не смогу. Зато… если они не убили меня на месте, а предлагают куда-то ехать — значит, я нужен им живым. Хороший знак. Во всяком случае, куда-то они меня привезут, а уже там… посмотрим.

— Ладно, — согласился я. — И куда поедем?

— К нам, — лаконично ответил землепашец. — Идём, а то ещё, чего доброго, опоздаем.

Опоздаем. Я не знал, что такого особого должно произойти в половине пятого утра, чтобы туда можно было опоздать, но для предположений у меня было слишком мало информации. Развязный, вальяжный тон этих двоих предполагал к тому, чтобы получить в пути ещё какую-то кроху информации.

Не важной, разумеется. Но… если они не знают, что у меня потеря памяти, то могут ненароком выдать что-то пустяковое — но очень важное для меня.

Володя двинулся вперёд, к выходу из помещения; второй остался стоять на месте, и только через секунду я сообразил, что он смотрит на меня в упор.

— Да иду я! — я взметнул руками. — Или вы думаете, я сейчас побегу? Куда, обратно вниз?

— Ты у нас не самый логичный тип, Свердлов, — покачал головой землепашец. — Не обижайся, но предосторожности не помешают.

Закатив глаза, я направился наружу вслед за его напарником. Там уже стояла машина — на этот раз не какой-то навороченный джип, а, напротив, простая легковушка тёмно-зелёного цвета, не новая, но в хорошем состоянии, а главное — максимально не выделяющаяся из толпы.

— Пристёгивайся, — посоветовал Володя, садясь на водительское сидение. — Ехать будем быстро.

Я последовал совету. Землепашец устроился рядом с напарником, а я остался на заднем сидении в гордом одиночестве. Мотор взревел, и машина медленно — осторожно, чтобы никуда не врезаться — выехала из заброшенного тупика.

А затем встала за угол одного из соседних зданий. Что, всё — приехали? Мы садились в машину, чтобы проехать сто пятьдесят метров?

Оба типа не проронили ни слова, пока мы стояли. Я видел со своего места, что руки и ноги Володи — на ключе и педалях; он готовится выехать в любой момент. Значит, мы чего-то ждём.

То, чего мы ждали, показалось минут через пять. Машина — уже куда более роскошная — выехала из-за поворота чуть ли не со скрипом и завернула туда, откуда мы только что выехали. За ней — ещё одна такая же.

— И вот, вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотью… — пробормотал землепашец.

— Это ты к чему? — удивлённо глянул на него товарищ.

— К тому, что они там — те ещё бычары. Поехали.

Володю второй раз просить было не надо; он повернул руль, и мы поехали туда, откуда только что выехали «бычары». Первые метров двести мы ехали тихо — видимо, чтобы не создавать лишнего шума — но затем машина разогналась до, пожалуй, предельной для её модели скорости.

Володя, не отрываясь, глядел на дорогу. Его же напарник обернулся ко мне, свесив руку через спинку кресла.

— Ну как? — он смотрел на меня с лёгкой насмешкой. — Демонстрация была наглядной, Свердлов?

Я неопределённо пожал плечами. Посыл был ясен: одни амбалы в костюмах успели раньше других амбалов в костюмах.

Но где мои гарантии, что эти лучше тех?

— Кажется, вы старались, чтобы они не заметили не только меня, — я решил идти ва-банк и задать самый провокационный вопрос из тех, какие смог придумать. — Вы старались, чтобы они ещё и вас не заметили.

— Конечно, — землепашец кивнул, как в ответ на слова о чём-то, самим собой разумеющемся. — Нам ещё не хватало вопросов, что мы здесь делали, что видели и зачем приезжали.

— А если бы наши бычары устроили перестрелку — то ещё хуже, — добавил водитель, глядя на дорогу. — Положить мы их, конечно же, положили бы, но потом пришлось бы заполнять такую гору бумаг, что ты не представляешь.

Ага. Спасибо за подсказку. Если речь зашла о бумагах, то уже несложно сообразить: мои новые друзья из какой-то организации легальной и вполне официальной. Той, в которой существуют отчёты и документы… в том числе и отчёты о совершённых убийствах, как о какой-то рутине.

Один плюс один. КОБР. Только Комитет Охраны и Безопасности Республики имел полномочия убивать людей, но вынужден был потом обосновывать необходимость этого в горе бумаг. Так что это или КОБР — или ещё какая-то, более секретная, организация той же направленности.

— Ну, — я постарался придать себе невозмутимый вид, — зато если бы меня нашли они, обошлось бы без бумаг и документов.

— Ну, вот, — кивнул землепашец. — А я уже решил было, что ты спятил.

— Спятил? — не понял я.

— А как ещё это назвать? Являешься сюда один, среди ночи, с одиноким пистолетом в кармане…

Тьфу, а ведь я совершенно забыл про этот пистолет. Мне даже в голову не пришло использовать его, когда увидел этих двоих.

— …рыщешь там внизу, хотя, казалось бы, что тебе ещё там искать — после того, как по твоей милости это место сгорело дотла?

— Хотел… найти одну вещь, — я глядел ровно, спокойно. — Не нашёл.

— Ну, это дело твоё, — землепашец глядел на меня чуть снисходительно. — Все вещи, которые уцелели в пожаре и могли бы нас заинтересовать, давно уже изъяты оттуда и перемещены в более надёжное место. Просто ты очень глупо подставился под удар.

О, так они задержали меня, чтобы читать нотации и заботливо наставлять? Я не удержался от скептического смешка.

— В общем, основная мысль, которую я хотел донести до тебя, Свердлов, такова, — теперь во взгляде землепашца виделись бульдожья цепкость и предельная серьёзность. — Мы следим за тобой. И не мы одни.

Спасибо, что обратили внимание; я уже понял это.

— Ты ведёшь опасную игру, — продолжал он. — Тьфу… клише какими-то говорю. Но ты понял.

— С нас причитается за этот пожар, — добавил Володя. — Поэтому — и только поэтому — мы встали в четыре утра и поехали вытаскивать тебя.

— Ну, так тоже не нужно, — усмехнулся землепашец. — Не только поэтому. То, что ты сделал — хорошо, но ещё лучше то, что ты можешь сделать дальше.

Дальше. И что же я могу сделать? Новые пожары, новые убийства?

— Как я понял, ты ведь не остановился, — мой собеседник полез в карман за мобильником и продемонстрировал мне фото на экране. — Твою работу ни с чем не спутаешь.

Усатый — а точнее, то, что от него осталось — лежал на металлическом столе, по грудь прикрытый клеёнкой.

— Тигран Орутян, также известный как Усатый, — кивнул землепашец. — Родился… да хер его знает там, когда он родился, но умер сегодня, примерно в два часа ночи. Мы оперативно забрали труп, лишь немного разминувшись с тобой, так что о его смерти пока знаешь только ты, да КОБР. Но скоро все сообразят, куда он пропал.

Картинка медленно складывалась у меня в голове. Похоже, КОБР…

совсем не против того, что я убил Усатого. Да и пожар в ё**нном маньяцком хостеле вовсе их не огорчил.

Понятное дело. Ни один нормальный человек не огорчится смерти этих ублюдков. Другое дело, что эти ублюдки — или те, кто за ним стоит — слишком влиятельны, чтобы КОБР и другие государственные структуры могли в открытую действовать против них.

Вот для чего они вытащили меня. Не «за что» — а именно «для чего». Их волнует не столько то, что я уже сделал, сколько то, что я ещё могу сделать. Только для этого они посчитали нужным поехать в четыре утра вытаскивать меня из западни, в которую я загнал себя сам.

— И что, — я продолжал глядеть на собеседника. — как долго вы собираетесь возить меня в этой машине? Ведь наши знакомые бычары есть не только там, откуда мы уехали. Стоит мне выйти — и всё повторится.

— Конечно, — согласился землепашец. — Поэтому сейчас мы завезём тебя в одно место. Дадим пару ценных советов. Но в общем и целом — это твоя задача, Свердлов. Мы верим в твои силы, но мы не спасатели, чтобы приходить на помощь всякий раз, как ты совершишь подобную глупость.

— Твоя деятельность… — заговорил Володя — и тут же замолчал, видимо, обдумывая, в какие слова обернуть мысль. — Твоя деятельность, конечно, незаконна. И ты сам, в каком-то смысле, ужасный человек, Свердлов.

— Но мы тоже, в каком-то смысле, ужасные люди, — продолжил землепашец, — И именно этим мы отличаемся от известных нам обоим чудесных, прекрасных нелюдей.

— Официально ты задержан КОБР для допроса по обвинению в поджоге и нескольких убийствах, — Володя умудрялся говорить и смотреть на дорогу совершенно синхронно. — Но если случится так, что ты сбежишь — мы окажемся в невыгодном положении. Задержанный по протоколу должен быть у нас, а фактически у нас его нет.

— Если только мы — как ужасные люди — не допустим преступную халатность и не забудем внести тебя в протоколы сразу по прибытии, — заключил землепашец. — Потом это будет нам, само собой, невыгодно: зачем сообщать о побеге?

Я глянул в окно. Машина летела по полупустым улочкам, но, кажется, мы были уже не на окраине. Это, конечно, не самый центр города с его мостами, каналами и историческими зданиями, но и, по крайней мере, не пустыри и не поля.

— Как вы помните, — заметил я, — я не местный. Если допустить, что я сбегу… мне будет некуда податься и всё такое.

— Тем лучше для тебя, — ответил землепашец. — Ведь если мы будем знать, где именно найдём тебя, то сразу же явимся туда, так?

Машина шуршала по мокрому асфальту, политому уборочными аппаратами. Я молча составлял в голове кубики, пытаясь найти следующую фразу. В момент, когда я уже, казалось, нащупал её, машина завернула за угол — и, заехав во двор приземистого двухэтажного здания, остановилась.

— Приехали, — кивнул землепашец, садясь нормально и отстёгивая ремень. — Вылезай и веди себя тихо. Помни, что ты задержан.

Я последовал его совету. Нет, даже если они хотят, чтобы я сбежал, случиться это должно не у них на глазах — тогда и там, где они будут обязаны меня задержать.

— Внутрь, — скомандовал Володя, блокируя двери машины и направляясь ко входу.

Здание было пустым. Оно не походило ни на отделение полиции, ни на штаб спецслужбы. Пожалуй, больше всего оно было похоже на маленький, полузаброшенный офис какой-то фирмы-однодневки.

Подёргав пару дверей на удачу, Володя нашёл одну незапертую.

— Вот, — он зажёг свет. Я увидел стол, пару стульев, диванчик в углу. В другом находился ещё один стол с кофемашиной и принтером на нём.

— Кофе? — предложил мне землепашец, замыкая процессию и закрывая дверь за мной.

— Можно, — согласился я. Хотели бы моей смерти — убили бы давно, значит, кофе не отравлен.

Кофемашина зажужжала, наполняя покрытую пятнами кружку ароматным чёрным напитком со стойким привкусом цикория; землепашец поставил её передо мной.

— Итак, Свердлов, — проговорил он. — Как я уже сообщал, ты задержан — пока не арестован — для дачи показаний. Учти, что побег будет считаться за свидетельство твоей вины, и тогда в следующий раз мы с тобой встретимся уже как с обвиняемым.

— Прямо сейчас у нас ещё есть срочные дела, — продолжил Володя. — Так что допрос откладывается на часик-другой. Можешь полежать на диванчике, попить ещё кофе. Только принтер не трогай.

С этими словами оба КОБРовца вышли из помещения, захлопнув дверь. Но вновь её не заперев.

Я не трогался с места ещё минут десять, потягивая кофе. Он был отвратительным, но после бессонной ночи годился. Горячая, бодрящая жидкость вливала в меня, прогоняя усталость и оцепенение от того шока, что я испытал недавно, а остальное было уже второстепенно.

И только когда я поставил кружку на стол, раздумывая, не наполнить ли её снова, принтер в другом углу комнаты ожил и принялся с тихим жужжанием выплёвывать из себя листы бумаги, заполненные мелким текстом и какими-то фотографиями.

Я поглядел на дверь. Тихо. Кто бы и откуда бы не запустил принтер, он не там.

Ладно. Пора сыграть в их игру. Начнём с пункта «не трогай принтер».

Глава 7

Встав с места, я медленно огляделся. Снимают меня сейчас или не снимают?

Камер на стенах или потолке не было. Ну, или, по крайней мере, там не было таких камер, которые я мог бы заметить. Интересно, что это за место? Уж точно не их официальные помещения; возможно, какая-нибудь явочная квартира или что-то в этом роде.

Принтер продолжал жужжать, выбрасывая лист за листом. Подойдя, я взял в руки первый попавшийся лист.

Фотография. Большая, чёрно-белая фотография, а точнее — кадр с видео. И хотя это — судя по отсутствию зеркала — была другая комната в подземном бункере-хостеле, я сразу узнал это помещение.

В кадре — двое. Крупный мужчина и девушка, лет 15–16. Девушка буквально распята на стене, привязанная верёвками к чему-то, чего я не мог разглядеть, мужчина — рядом. В его руках какое-то орудие, вроде тех, что я видел у Паши на видео.

Суть ясна сразу.

Следующий лист испещрён мелкими буквами. Кажется, это какое-то досье. Маленькая фотография изображает того же мужчину. Ага… имя, фамилия… год рождения, должность — заместитель главы корпорации «Бикфорд»…

Я присвистнул. Да, теперь — когда я прочитал его имя — мне было легче вспомнить, почему лицо на кадре показалось знакомым. По телевизору он периодически мелькал, как и в газетах.

Оставив всё новые и новые листы выезжать из принтера, я вчитался в досье. Где родился, где учился, послужной список… Ничего предосудительного. Ни буквы о чём-то постыдном. Просто-таки кристально чистая биография честнейшего из людей.

А ниже — адрес, привычное расписание дня и ещё кой-какие вещи, которых — в отличие от написанного выше — явно нельзя было прочитать на страничке в Интернете.

Оставался только один вопрос: зачем мне всё это? Принтер остановился, и я, взяв всю стопку листов, что он нажужжал за это время, переместился за стол.

Примерно половина распечаток походила на то, что я только что рассмотрел. Досье на честных, благородных, незапятнанных людей — и кадры. Разные кадры, разного содержания, но происходило всё в одном и том же здании.

То, что я видел, конечно, было возмутительным, но… я всё

ещё не понимал, почему КОБРовцы решили мне это показать. Точнее, я понимал умом, что да — видимо, за прошедшую неделю я сжёг гадский притон для садистов и убил пару человек, что замарались в этом. Но почему они думают, что я буду заниматься этим дальше?

Происходящее на снимках — кошмарно, но и я не Супермен. Они должны это понимать, и…

Перевернув очередной лист, я отпрянул назад. Это ещё что за блажь?

Мои родители. Не комната пыток, не очередные ужасы — просто мама и папа, стоят с двумя сумками в руках. Лица обеспокоенные… и немного странные: я не мог прочитать их эмоций до конца, хотя и вряд ли знал кого-то лучше, чем их.

Что это за помещение, откуда взят снимок? Я пригляделся получше. Снято с камеры наблюдения, и, кажется, это вокзал — тот самый, на который я приезжал на стареньком раздолбанном автобусе.

Они в столице? И… что с ними? Судя по тому, что это фото оказалось здесь, они могут быть в опасности, если вообще ещё живы.

Я лихорадочно принялся листать дальше. Новый снимок, уже с другой камеры — вот они вышли из здания вокзала и садятся в такси. Сколько же по городу развешано камер!..

Но сейчас не о камерах. Если я перешёл дорогу важным людям — неважно, победил я в первой схватке или проиграл — то последнее, чего я хотел, это родители здесь, в столице. Так откуда же они здесь взялись?..

…ответ пришёл сам собой. Я ведь и на этот раз, как только сообразил, что не собираюсь умирать — ещё в машине Усатого — первым делом подумал о них.

Это сделал я. Это я позвонил им и сообщил, что есть хорошие новости. Другого объяснения я не видел. Я позвонил и сказал приезжать… что за идиот. Или тогда я ещё не думал, что это будет опасно?

Оставался ещё один незакрытый вопрос. Почему КОБРовцы показали мне эти картинки? Они ведь не знают о моей амнезии — во всяком случае, на это я искренне надеялся — а значит, думают, что я в курсе своих поступков и событий прошлой недели.

Либо их вызвал всё-таки не я — а, например, кто-то под моим именем — либо же мы с ними так и не встретились. И агенты спецслужбы думают, что я хочу разыскать их и понять, что с ними стало.

Чертовски верно думают. Костяшки моих пальцев побелели;

если кто-то из этих «святых людей» — Паша или ещё кто-то из тех, на кого я сейчас получил досье — тронул их хоть пальцем…

Так, спокойно. Успокоиться. Дышать ровнее. Я наконец сообразил посмотреть на дату снимков.

Позачера. Раннее утро. Плюс время на собрать вещи и доехать… Итак, было это до пожара в хостеле или после?

Не будучи специалистом по пожарам, я почему-то думал, что после поджога прошло уже дня три-четыре. Итак, если это верно, то случилось следующее. Либо я сам расслабился, решив, что выжег гнездо — либо кто-то решил таким образом отомстить за сделанное мной.

Оба варианта — плохие. Чёрт, чёрт, чёрт… только не они. Пожалуйста, не надо… внутри меня засело противное, тянущее чувство.

Что, если я найду их уже мёртвыми? Что, если я уже не успел? За почти двое суток могло случиться что угодно.

Перевернуть лист. Дальше я увидел родителей, выходящих из такси. Чёрт, отчего бы этим умным КОБРовцам не сказать мне всё открыто, а не играть в свои игры?..

А действительно — отчего бы? Эта мысль заставила мои мозги шевелиться быстрее. В самом деле! Мои новые «друзья», может, экстравагантные типы, но не дураки; если что-то делают, то не без причины.

Ладно. Выдохнуть. Разложить на столе все кадры с родителями. Вот они на вокзале, вот они у такси, вот они выходят из него… Всего три кадра с родителями.

Следующий же — четвёртый — был уже со мной самим. Вот я выхожу, засунув руки в карманы и натянув на голову капюшон, из какого-то здания. Вот я сажусь в машину. Автомобиль я узнал сразу — тачка Усатого. Ладно… есть какая-то причина, почему здесь именно эти кадры. Я разложил все пять картинок в ряд.

Ощущение чёртова полицейского процедурала не отпускало меня. Что я тут делаю? Сижу, пью кофе, смотрю улики… Улики возможного убийства моих родителей. Сердце заколотилось быстрее. Нужно разыскать их — как только смогу. Ни секунды промедления!

Тем не менее, я заставил себя не вскакивать на ноги и бежать навстречу неизвестности, а вглядеться в кадры. КОБРовцы ничего не делают просто так. Ладно ещё, родители — я могу лишь догадываться, знал я о их приезде или же нет. Но я сам!

Бинго. Вот оно. Я оцепенел, сообразив, на что именно намекали агенты, высылая мне картинки.

На двух из пяти кадров была машина. Логотип корпорации «Антек».

Я лихорадочно принялся листать распечатки. Так и есть. Все досье, которые мне были высланы, относились к трём корпорациям: «Бикфорд», «Антек» и «Сато». В некоторых биографиях даже упоминалось о связи человека сразу с двумя корпорациями — но опять же из этого списка.

На том кадре, где родители высаживались из такси, машина просто стояла. На том, где садились в него — дверца была приоткрыта, и можно было увидеть человека, который то ли вылезал наружу, то ли садился внутрь.

А теперь снова обратимся к остальным фотографиям. Так и есть, долго искать не пришлось — вот он, этот человек. Низенький, приземистый, но крепкий. Светлые волосы. Вот он стоит на вокзале — взгляд направлен на моих родителей. На остальных двух кадрах он, разумеется, следил за мной.

Мои кулаки медленно сжимались. Какие у меня есть зацепки? Два места с кадров, этот тип, три корпорации. И Паша — тот, кто втянул меня в эту историю.

Его досье передо мной не было. Точно не было — я пролистал два раза. И даже типа с кадров я тоже не нашёл. Досье были на крупную рыбу: глав и заместителей корпораций, высокопоставленных чиновников в них.

«Бикфорд». «Антек». «Сато». Если я перешёл дорогу этим типам — всё очень, очень плохо. В свои молодые годы я не обманывал себя насчёт того, кому принадлежит власть в стране. Разумеется, корпорациям. «Официальная» власть, которая заявляла о всеобщем равенстве и торжестве справедливости, давно была у них на прикорме.

В Империи была своя аристократия, древняя и якобы благородная. У нас — своя. Новая и без капли благородства, как настоящего, так и притворного. Сила — ради денег, деньги — ради силы. Мелкие корпорации подчинялись крупным, крупные — гигантским. Эти три, наверное, были не самыми грандиозными титанами, но в десятку уж точно входили.

И КОБР думают, что я в состоянии с этим что-то сделать?.. Безумие.

Но самым безумным было то, что я и правда готов был хоть сейчас рвануть и попытаться что-то сделать. Сделать что угодно — лишь бы спасти родителей.

Стоп. Пробегая глазами скучный, серый текст досье, я наткнулся на знакомое имя.

«В своё время был заместителем Павла Сербского, после чего пошёл на повышение и был назначен…»

Этот тип? Я поднял глаза на несколько строчек выше. Вот этот солидный дядечка в годах, сейчас являющийся главным

юристом «Бикфордов», за пятьдесят, в красивом и дорогом костюме был… заместителем? Не начальником Паши, не каким-то важным лицом, стоящим за ним — а заместителем?

Имя Паши Сербского часто мелькало по телевизору. В самых разных случаях. Он был и продюсером, и бизнесменом, и просто законодателем молодёжного стиля. Медийное лицо, как принято говорить. Но… как конкретно звучала его должность?

Паша. Я не знал, что случилось с родителями, но за всем стоит он — теперь я был в этом уверен. Ублюдок выжил в пожаре и желает отомстить мне. Он знал, кто я такой, знал и кто мои родители.

Корпорации — как чёртовы подземелья с драконами. Зайдёшь и не вернёшься. Но теперь я был твёрдо уверен, что — живы родители или нет — я обязан прикончить Пашу, даже если это будет последнее, что я сделаю.

Таскаться со стопкой листов глупо. Вытащив телефон, я принялся переснимать каждую из распечаток — благо, камера позволяла сделать фото в хорошем разрешении.

Параллельно я думал, куда направиться прежде всего. Мысли стали чёткими, отстранёнными, как будто думал не я, а кто-то внутри моей головы. Автовокзал глупо. Место, где родители выходили? Гостиница или какое-то место встречи. Бессмысленно. И так ясно, что до меня они не дошли.

Значит, здание, из которого я выходил на четвёртом кадре. И буду надеяться, что никакие «бычары» на сей раз меня не найдут — раньше, чем я найду им.

Закончив снимать фото, я взял листы — не заботясь о том, чтобы они лежали в правильном порядке — и положил обратно в принтер. Приоткрыл дверь. Пусто.

Наружу, и быстро. Скорее всего, за мной следят. И, скорее всего, не станут останавливать — если только я не сделаю какой-нибудь глупости, после которой они, против своего желания, будут обязаны сделать это.

Ладно. Просто выйти наружу. Просто…

— Он там засиделся, кажется, — раздалось из-за входной двери, когда я подошёл к ней. — Сколько можно? Я уже задолбался тут стоять курить. Сейчас, конечно, лето, но утро раннее, прохладно!

— Ага, — поддержал второй голос. — И столько никотина вредно для организма…

— Будешь мне морали читать? — не понял первый голос; кажется, это был Володя.

— Буду, — подтвердил землепашец, чьего настоящего имени я так и не узнал. — мы же не УБИшники, чтобы эту дрянь

поощрять.

Он помолчал и продолжил.

— А паренёк… погоди, дай ему опомниться. Прочитает всё внимательно, запомнит — и выйдет через заднюю дверь.

Это… было мне? Кажется, землепашец заметил, что я стою за дверью, и «невзначай» указал мне маршрут.

Отлично. Стараясь не шуметь, я направился в противоположную сторону коридора. Задняя дверь обнаружилась довольно быстро, и я увидел, что ведёт она к ржавому металлическому забору — между прутьев которого можно пролезть без особого труда — а дальше раскинулся какой-то старый парк.

Ну, ладно. Теперь решить, куда дальше. Включив телефон, я вгляделся в кадр.

Королёвский проспект. Табличка с названием улицы была видна хорошо, а вот номер дома — нет. Ладно, сориентируюсь на месте. Задав себе маршрут в телефоне, я быстрым шагом направился в нужную сторону.

* * *

В пути я обдумывал варианты своих будущих действий. Парадоксальное ощущение того, что на меня свалилось одновременно слишком много и слишком мало информации. Много — потому что мой мозг действительно отказывался уложить в голове всё, что узнал за ночь, от пробуждения на балках моста и до последнего момента. Мало — потому что даже так оставались огромные пробелы, не дающие мне покоя.

Рыть мне сейчас землю носом в попытке найти родителей? Или раскапывать, что я делал всю прошлую неделю, тем самым повышая свои шансы их найти? Пожалуй, и то, и другое.

Точка, к которой мне предстояло попасть, находилась достаточно далеко — в пяти километрах от парка. Пошарив по карманам, я понял, что при мне нет ни копейки денег, и даже обычный проездной на метро для меня сейчас — непозволительная роскошь.

Ладно, придётся пешком. Одно хорошо — ботинки, подобранные для меня в раздевалке охранников Дмитрия Петровича, сидели хорошо, не натирали и не жали, иначе такой путь оказался бы для меня пыткой.

Я поминутно оглядывался, пытаясь не выдать, как сильно

волнуюсь. Но, на самом деле… откуда мне ждать следующего удара? За мной явно идёт охота, а я, вместо того, чтобы залечь на дно, разгуливаю по самому центру столицы.

Тем не менее, всё обошлось. Около часа пути прошли спокойно, а если кто-то и сел мне на хвост, то я этой слежки не заметил. Итак — Королёвский проспект, ищем здание с аркой возле входа и знаком «проезд запрещён».

Вперёд. Знать бы ещё, по какой стороне искать… я двинулся медленно, вглядываясь в каждое здание на улице и стараясь уловить хоть какие-нибудь знакомые признаки.

Будет печально, если здание окажется какой-нибудь мелочью. Магазином или забегаловкой, в которую я заходил на десять минут. Или ещё чем-то в этом духе. Что я буду делать, если всё так и окажется?..

…вот когда окажется, тогда и решу. Пока же нечего зря голову забивать — она и так гудит от обилия информации.

Проспект, по счастью, оказался не очень длинным — и уже минут через двадцать я смотрел на нужную дверь. На всякий случай сверившись с телефоном, я убедился — да, это оно.

Что же. Спрятав телефон в карман, я оглядел дверь. Похоже, это действительно какое-то заведение… дверь непрозрачная. Вывески нет. Ладно, нужно решаться. Шагнув вперёд, я дёрнул за ручку…

Заперто. Ни на себя, ни от себя — дверь не думала поддаваться. Закрыто, или, может, закрылось насовсем?

Ладно, возможно, я что-нибудь найду, если обойду здание с другой стороны? Пройдя через памятную арку, я оказался во дворе-колодце.

И тут не проще. Задняя дверь здания выводила на каменные ступеньки, и… всё. Разумеется, заперто. Намертво. Не выбивать же дверь посреди бела дня — кругом люди. И где гарантия, что я действительно найду внутри что-то важное, а не очередной тупик?

Да уж. Хоть возвращайся к КОБРовцам и спрашивай, что делать. Нет, что делать-то я найду — у меня есть досье, есть другие подсказки… но как быстро это выведет меня к цели?

К тому же, я страшно голоден. В желудке — ничего, кроме стакана паршивого кофе, и полный ноль по деньгам. Лучше и быть не может!

Медленно пройдя полтора квартала, я зацепил глазами вывеску дешёвого кафе напротив. А что, если?.. Когда там принято платить — до или после еды?

Если до, то не получится. А если после, то всё просто. Захожу, завтракаю, выхожу якобы ответить на звонок. И ноги в руки.

Благо, я сейчас приличный человек в солидном (хотя и перепачканном пеплом) костюме — никто не заподозрит меня в таком приёме.

Совесть внутри меня тихонько ворчала, что так делать нехорошо, но я быстро заткнул её. Может, и нехорошо, но мне нужно есть. Время, когда я ждал смерти, наплевав на то, в каком я состоянии, прошло. Сейчас я хочу жить, хочу найти родителей, хочу разобраться в произошедшем.

И чертовски хочу есть.

Колокольчик над дверью кафе звякнул, и я уверенной, деловой походкой направился к одному из столиков. Дождаться официанта… не нервничать, иначе он поймёт, что тут что-то не так. Ага, вон — официантка несёт кому-то его утреннюю чашку кофе. Сейчас она подойдёт ко мне…

Пройдя где-то половину пути, официантка кинула на меня беглый взгляд, и… Грохот упавшей чашки разнёсся по всему кафе; брызги кофе во все стороны.

Так. С добрым утром.

Глава 8

Официантка метнулась вниз, вслед за разбитой чашкой, подбирая крупные осколки прямо руками и лепеча слова извинения сидящим рядом клиентам — но от меня не укрылись те взгляды, которые она то и дело кидала на меня. Нет, разбитая чашка — не случайность.

Подавив первое желание вскочить и быстрым шагом выйти из кафе, я заставил себя остаться на месте и придать лицу невозмутимое выражение. Уйти я всегда успею, в конце концов, это официантка, а не громила в маске, не ниндзя с нунчаками и даже не сексапильная монашка с дробовиком.

Ладно. Узнать меня она могла по одной из двух причин: либо на прошлой неделе я с ней как-то пересекался, либо моё лицо — лицо террориста, поджигателя и убийцы — крутят по телевизору.

Но если и крутят — то недавно. Иначе у родителей на фото были бы совсем другие лица. Нет, пожалуй, если я светился в этом районе — то здесь она меня и видела.

Терпеливо сидя за столом, я рассматривал клеточки на узоре скатерти, стараясь, чтобы мои взгляды на неё — как и её на меня — остались как можно более незаметными. Обычная официантка, девица как девица, двадцать с небольшим… руки дрожат.

Собрав осколки, она метнулась назад, а через десять секунд вылетела с тряпкой в одной руке и совком в другой. Взгляды на меня стали явственнее. Нет, не умеет она маскироваться…

Другие люди в помещении на меня не очень глядели — куда больше взглядов прилетало ей самой. Итак, мои действия?

Ладно. Остаюсь тут и жду, что будет.

Ждать мне пришлось долгих десять минут. Закончив с уборкой, девица вынесла клиентам вторую чашку кофе, на этот раз удачно — и только после этого подошла ко мне.

Секунды три мы глядели друг на друга в упор; в её глазах явственно читались узнавание… и ещё что-то странное. На бейджике, прикреплённом к одежде, значилось: «Вас обслуживает Екатерина». А затем — раньше, чем я открыл рот — она заговорила.

— Ты, — выдохнула она. — Это безопасно? Тебе безопасно вот так просто приходить сюда?

А может быть опасно? Я пожал плечами и слегка оглянулся по сторонам.

— Вроде как, слежки за мной сейчас нет, — лаконично ответил я. Слишком мало информации, чтобы вести пространные разговоры, поэтому постараюсь выжать всё, что можно.

— Я… Я вообще не знала, увижу ли тебя ещё живым! — она говорила тихим шёпотом, косясь по сторонам. — После того, что было… Я… Господи, я не знала, что думать! Всё сидела и представляла, что ты лежишь где-нибудь, опять в крови, опять… и рядом никого нет, чтобы помочь… и я…

Ладно. Из тона девицы делаем один вывод. Она на моей стороне, как именно бы мы не познакомились и что бы она обо мне не думала. А ещё она знает кое-что о прошлой неделе.

— А что такого было? — спросил я, глянув на неё с видом «для меня это был просто вторник». — Ерунда.

— Ерунда? — она ещё сильнее понизила голос, только в этот раз звучало уже немного разозленной. — Ты! Ты был весь окровавленный! У меня дома до сих пор лежит простыня с твоей кровью! А когда ты ушёл, я понятия не имела, куда ты делся, зачем, может, ты вообще начал бредить и вышел, не понимая, куда идёшь, и…

Дома. Значит, я был у неё дома. Становится всё интереснее.

— Ладно, — она заметила, что на нас уже снова начали кидать косые взгляды, и осеклась. — Есть будешь?

— У меня нет денег, — признался я.

— Это понятно! — она состроила сердитое лицо. — Жди, я всё принесу! Только как поешь — даже не пытайся уйти, как в тот раз!

Кажется, то, что я собирался сделать — уже не тренд сезона. Нужно быть оригинальнее!

— Хорошо, — кивнул я. — Нужно будет поговорить…

— Потом, — бросила она. — Я тут работаю, вообще-то, пока ты ходишь неизвестно где. И я сейчас одна из официантов.

С этими словами она быстрым шагом направилась в служебные помещения.

Ладно. Я уже получил немного информации, которую можно пока обдумать. Слабо верится, будто она бесплатно кормит меня и выхаживает на своих простынях просто так, значит — я что-то ей сделал. Или, может, пообещал что-то сделать. В разговоре попробую прояснить этот вопрос…

…вот только как выманить её на разговор? Я не могу сидеть тут, в кафе, весь день, ожидая, пока у неё закончится смена. С другой стороны, уйти сейчас, а вернуться вечером, тоже так себе вариант — ведь, кроме неё и здания за два квартала отсюда, у меня нет почти никаких зацепок. Ну, если не считать таковыми пачку досье на самых могущественных людей трёх сильных корпораций.

Ну, что же. Сначала в любом случае нужно поесть. В конце концов, именно за этим я сюда и пришёл. Подождём…

Я взял в руки пластиковую табличку с перечислением вариантов бизнес-ланчей, которые можно было заказать за скромную плату. Суп харчо, гречка с печенью и компот… да, кафе по своему меню ближе к рабочей столовой, разве что качество еды лучше. Впрочем, я никогда не был эстетом и гурманом — близость к смерти заставляет ценить малое — а уж сейчас, голодный, как волк, я был бы рад любой еде.

Машинально перевернув табличку, я замер. Логотип корпорации «Бикфорд» на пол-листа. Чего?

«Кафе «Уют» принадлежит корпорации «Бикфорд», — сообщила мне надпись ниже логотипа. — «Помните, что 10 % всего своего дохода корпорации идут в фонд борьбы с чернокровием — в том числе и 10 % от стоимости вашего заказа в кафе. Делать добрые дела легко с корпорацией «Бикфорд»!»

Ниже шли какие-то телефоны и адреса… возможно, мне стоит их запомнить. Я как раз успел снять табличку на телефон, как Екатерина вновь появилась у моего стола с большой тарелкой омлета и стаканом вишнёвого компота.

— Хлеб дать? — деловито уточнила она.

— Да нет, — я жадным взглядом посмотрел на еду. — Слушай… спасибо, и…

— Ешь давай, — она вновь взглянула на меня чуть сердито, но это была та сердитость, с которой мать глядит на сына-школьника, отказывающегося есть овсянку. — Я уже позвонила Юле — ты же её помнишь, да? Она скоро подъедет, согласилась подменить меня на сегодня. Поговорим у меня дома… и, надеюсь, на этот раз ты мне расскажешь больше.

— Хорошо, — ответил я, берясь за вилку. Накидываться на еду с жадностью волка не хотелось, но омлет пах восхитительно, а я реально проголодался. К счастью, она поняла мои мысли и направилась обратно за стойку.

И зачем же ей, чтобы я рассказал больше? Последняя фраза вернула меня в русло реальности. Омлет задаром — это, конечно, хорошо, но стоит не забывать, что я ничего о ней не знаю. И вываливать на неё всю информацию просто за то, что она меня покормила… ну, такая себе идея.

Тем более, что даже если она действительно просто сердобольная девочка, или же почему-то считает себя должной мне — всё равно она не обрадуется тому, что я могу сказать. Некоторыми вещами мне предстоит заниматься самому.

Омлет был очень большим и сытным, и хотя приступал я к нему голодным, последние две вилки мне удалось впихнуть в себя чуть ли не через силу — просто для того, чтобы не оставлять ничего на тарелке. И как раз в этот момент дверь кафе

распахнулась, и внутрь быстрым шагом вошла ещё одна девица.

Снова быстрый взгляд на меня. Снова узнавание — хотя в её взгляде было скорее замешательство. Зайдя за прилавок, она о чём-то заговорила с Екатериной, но до меня не долетело ни слова. Ладно, смысл понятен.

Минут через пять Юля приступила к работе, нацепив на себя форму официантки, а Екатерина наоборот, набросила на себя короткую летнюю куртку и подошла ко мне, морща лоб.

— Пошли, — кинула она. Я, не споря, встал и направился за ней. Нужно, разумеется, быть настороже. Любая ничтожная мелочь, не учтённая мной по причине амнезии, может обернуться большими проблемами… но пока мой внутренний детектор опасности молчал. Пусть даже кафе принадлежит «Бикфорду», это же не значит, что все до последней официантки замешаны в чёрных делах корпорации?

Екатерина быстрым шагом преодолела полтора квартала, выводя меня… что ж, я не был удивлён. К той самой арке, где я недавно — и безрезультатно — побывал. Меня подмывало указать пальцем на запертое помещение и спросить «А что здесь расположено?», но разум подсказывал, что вопрос будет выглядеть исключительно тупо. Наверняка я знал, что тут расположено. И, скорее всего, она знала, что я туда заходил.

Завернув в арку, моя спутница направилась во двор-колодец. Я старался не отставать. Не нужно, чтобы она увидела, что я не помню, где она живёт. Лишние вопросы — лишние проблемы, железный принцип не только в моей текущей ситуации, но и вообще по жизни.

Зайдя в один из подъездов, она нащупала в сумочке ключи и только тут заговорила со мной, чуть обернувшись.

— Тише, — попросила она. — Папа будет не очень рад тебя видеть.

Вот как. Ладно, учтём.

— Он сейчас в своей комнате, спит… постарайся не шуметь, пожалуйста.

— Конечно, — я кивнул. — Без проблем.

Открыв дверь, она принялась разуваться, а я в лёгкой задумчивости поглядел на ряд тапочек, стоящих в прихожей. Если я уже был здесь, значит, знаю, какие их них мне нужно брать. И как я это угадаю?..

Из раскрытой двери — кажется, она вела на кухню — лениво вышли две кошки, одна белая и одна трёхцветная, и принялись с громким мурчанием тереться о ноги моей новой знакомой.

— Ай, отцепитесь! — отмахнулась она. — Роза, Тереза… Ну не говорите, что вы голодные! Я только перед уходом наполнила

ваши миски!

Кошки стали громко и жалобно мяукать, будто споря с её словами.

— Ну, ладно! — выдохнула она, вешая куртку на вешалку. — Сейчас, идём…

Ладно. Скинув покрытые пеплом ботинки, я сунул ноги в первые попавшиеся тапочки. Кто там будет смотреть… После этого я, выключив свет в прихожей, пошёл за ней. Скромно и довольно тесно, но очень чисто. Две кошки уже выжидающе смотрели на Екатерину, насыпающую корм в миски; третья — чёрная с белым пятном на морде — лениво лежала на подоконнике и никак на нас не реагировала. Рядом с ней стояла большая клетка с двумя волнистыми попугайчиками, которые взволнованно что-то щебетали.

Хм. Кажется, она любит животных не меньше, чем странных окровавленных незнакомцев.

— Вань, — обратилась она ко мне, протягивая баночку консервированной рыбы. — Откроешь?

— Легко, — я сделал то, что меня просили. Отлично, если я для неё Ваня, значит, и она для меня не Екатерина, а Катя. — Держи.

Поверх сухого корма в миски легло ровно по три рыбки, а затем Катя подошла к раковине — и только в этот момент заговорила.

— Где ты был?

— У меня были дела, — уклончиво ответил я. — Важные, срочные.

— Да, но… твои раны… — она повернула ко мне лицо, и я увидел стоящие в нём слёзы. — Или ты думаешь, я бы так возилась с тобой, будь там какой-то пустяк? Я видела, тебе было плохо! Ты чуть не умирал, а теперь…

— Ран больше нет, — я похлопал себя по груди, поднимая маленькое облачко угольной пыли.

— Как нет? — опешила Катя. — Что ты хочешь этим сказать?

Ясно. О моей способности она ни сном, ни духом. И, будем надеяться, так оно и остается.

— Первое, что я сделал, уйдя отсюда, — пояснил я, — зашёл к целителю. У меня есть… ну, он не мой знакомый, а так, знакомый знакомых, но он согласился…

— Это же безумно дорого! — она поглядела на меня с расширенными глазами. — И этот костюм… Слушай, я пугаюсь.

— И стоило бы, — кивнул я. — Сама помнишь, что тогда случилась.

— Помню, — в голосе Кати и правда зазвучал страх. — Я же

только с работы шла… я не думала, что увижу тебя снова… Господи, это был ужас!

Я не вмешивался. Всё идёт так, как нужно. Пусть говорит, пусть выскажет всё, выплачется мне, заодно снабдив меня информацией о том, во что я вляпался. Любит поговорить? Прекрасно, мне сейчас это только на руку.

— Дверь антикварного нараспашку! — продолжала она. — Я никогда не видела, чтобы там было открыто, только спереди, а тут сзади открыто, и ты выползаешь… Лица нет, всё в крови…

Её передёрнуло при мысли об этом. Ну, вот и прекрасно, картинка начала складываться.

— Кстати, — задал я вопрос, присев на старую деревянную табуреточку у стола. — Этим же не закончилось? Сюда же кто-то приезжал — ну, полиция или…

Она прикрыла глаза, садясь на стул рядом.

— Я же пожалею, если спрошу тебя о том, что происходит?

— Если хочешь, я могу уйти отсюда в любой момент, — искренне сказал я. — Мои неприятности — это только мои неприятности, и тебя они не касаются.

Конечно, сейчас она мой самый удобный вариант… а, ладно — единственный вариант. Получить кров и пищу, узнать что-то о прошлой неделе. Но вмешивать её против воли во всё это дерьмо я не стал бы.

— Ага, уйдёшь! — она взглянула на меня с уже ставшей привычной сердитостью в глазах. — И потом опять мне тащить тебя через весь двор, на третий этаж на моём плече!

— Нет, — крепко пообещал я. — Если ты захочешь, я уйду и не вернусь, и тебе больше ничего этого не придётся делать.

— Сиди уже! — с чувством ответила она и, снова встав со стула, подошла к холодильнику. — Есть будешь?

— Я же только что поел, — удивился я. — Спасибо, конечно, но пока мне хватит.

— Ладно, — она уселась обратно, накручивая пепельно-серый локон на палец. — Да, приезжали… они приезжали ещё той ночью, я не спала. Ты тогда лежал тут, без сознания… Я к ним не выходила, но видела в окно. Радовалась своей привычке всё убирать.

— Убирать? — не понял я.

— Если бы я не смыла тогда кровь с лестницы, они бы быстро сообразили, где ты, — пожала она плечами. — А я даже с асфальта смыла. Так и подумала, что тебе… не нужно светиться. Кто это сделал?

Если бы я знал, Катя, если бы я знал…

— Явно нехорошие люди, — улыбнулся я. — Слушай, со мной

уже всё в порядке. Неважно, как я вышел на целителя, главное, что он залатал меня. Пока я в порядке, но нужно знать всё, что ты видела. Это важно.

— Я тебя не будила… Там приехало три машины, — она кивнула. — Я погасила свет. На всякий случай. Что за машины, я не видела, но мигалок не было. Или они были, но не включенные. Ходили, искали. А потом утром… шла на работу, видела — там стоят двое. Может, конечно, я просто запаниковала, но мне показалось, что они… ну… ждали.

— Ждали меня? — я поднял бровь. — Едва ли это паника.

Что ж, мне повезло, что эти соглядатаи отсюда уже ушли. Видимо, те, кто меня ищет, узнали, что я в другом месте, и бросили все свои силы туда. И всё-таки я, не сумев побороть искушение, глянул в окно.

Никого, не считая голубей и двух старушек на лавочке.

Отведя взгляд от окна, я посмотрел на часы. Ещё не было семи утра. Интересно, во сколько у неё начинается и заканчивается смена?.. А, впрочем, какая разница.

— Точно не будешь есть? — Катя снова встала; я отрицательно покачал головой. — Ну, давай я хотя бы чаю сделаю.

— Давай чай, — согласился я. Всё же нужно выяснить, как мы встретились впервые и какую такую услугу я ей оказал, что она так стремится меня опекать. Это же не совсем нормально… или для неё нормально?

Поставив чайник на плиту, Катя провела рукой по костюму на мне и сморщилась, увидев чёрный пепельный след.

— Ты в этом что, по помойке ползал?

— Говорю же, были дела, — повторил я.

— Снимай, нужно стирать, — она нахмурилась.

— А… — я опешил. — А в чём я…

— Сейчас дам тебе одежду папы, у вас один размер, помнишь? — она оглядывала кухню, стараясь понять, куда ещё попала угольная пыль с моего костюма. — Раздевайся, я всё принесу.

Она удалилась из кухни.

«Помнишь». Значит, я уже надевал одежду её отца — так же, как и ел её еду и даже отлёживался здесь после ранения.

Довольно странная девушка, если честно. Я встречал таких и дома — тех, кто отличался воспалённым состраданием, стремился помочь всем и каждому, но при этом был не особо умным.

Впрочем, сейчас кто-то такой для меня — идеальный вариант. Тот, кто поможет, накормит, спрячет… и не станет

задавать вопросов. И не из учтивости, а потому что и правда не считает нужным.

Правильно ли это — пользоваться чужой добротой, особенно когда на меня идёт охота? Я пару секунд постоял и решил для себя: да, правильно. В конце концов, я ни к чему её не принуждаю, верно?

Выложив всё из карманов на стол, я воровато оглянулся — и быстро сунул пистолет под холодильник. На моё движение отреагировали только кошки, принявшие вынюхивать, что же там такое. Затем я перевернул пригласительный вниз и припечатал его телефоном. Вот так.

Вряд ли в одежде её отца мне будет прилично идти на элитную вечеринку. А я, пожалуй, собирался — не зря же я-прошлый с первого видео сказал забрать пригласительный.

— Вот, — Катя снова вошла на кухню, держа в руках, наверное, самый дорогой костюм, что был у её отца — нечто кошмарное в ёлочку в стиле «Колхозный председатель». Ладно, особого выбора у меня нет.

— Спасибо, — я кивнул, снимая пиджак. — Слушай, только я не уверен, что их вообще стирают. Может, тут нужна химчистка или отпаривание, я не…

Я замер, нащупав под рукой что-то твёрдое.

«Пусть будет пуговица», — пронеслось у меня в голове. — «Пожалуйста, пусть это будет пуговица…»

Увы. Пошарив ещё немного, я отделил от костюма маленькое чёрное устройство, размером не больше той самой пуговицы. О том, что это такое, гадать не приходилось.

Это же надо быть таким наивным дураком, чтобы получить одежду от врага — и не проверить её на следящие устройства.

Глава 9

Дурак. Тупица. Дилетант… хотя я и в самом деле дилетант, откуда мне, казалось бы, набраться опыта для шпионских дел. И всё равно — тупица, дурак!

Чёрная деталька на ладони не мигала никакими лампочками, не издавала ни малейшего звука. Нет, она просто… существовала, оставаясь при этом настолько незаметной, насколько это вообще возможно. Если бы я не нащупал её, переодеваясь — чёрт знает, сколько ещё времени я бы её не заметил!

Внутри меня всё клокотало от возмущения, и в первую очередь — от возмущения собственной глупостью. Теперь понятно, как они так быстро выследили меня в сгоревшем хостеле — скорее, следует удивляться тому, что они не сделали это на полчаса раньше!

Стоп. А если это мои «друзья» из КОБР подкинули мне жучок? Я с лёгким сомнением оглядел то место, где обнаружил устройство: подкладку пиджака. Могли они прицепить что-то туда, сделав это незаметно для меня?

— Что-то не так? — Катя заметила мою заминку. Мысли проносились в моей голове со страшной скоростью — не больше пяти секунд на все размышления — и всё-таки я осёкся слишком резко, чтобы это можно было не заметить.

— Э… Нет, ничего, — постаравшись сделать невозмутимый вид, я поглядел на неё. — Просто задумался. Так что… я не уверен, можно ли стирать эти штуки, или их чистят по-другому.

Один плюс один. Меня пока не схватили, хотя за то время, что я добирался досюда, легко могли меня догнать. Возможно, меня пока не хотят хватать. Возможно, за мной хотят… проследить. И узнать, куда именно я направлюсь.

— Ну, я позвоню подругам, — смешалась Катя. — Может, узнаю, как это стирать…

Я поглядел на пиджак. Когда-то он был модным. Десятилетий пять тому назад.

— Наверное, я останусь в рубашке, — решил я. — Иначе будет жарко. А джинсов у тебя не найдётся?

Два плюс два. «Бычары», приехавшие на пепелище, очень даже хотели меня схватить — иначе не ехали бы двумя машинами. Если только… если только те машины не принадлежали самим КОБРовцам, которые захотели продемонстрировать мне «опасность».

Но ведь был же и Усатый… был.

— Джинсы найду! — обрадовалась Катя. — Конечно, жди!

Она вышла из кухни, а я снова уставился на жучок. Оставаться здесь, конечно же, нельзя. Но и уходить рано — нужно вытянуть из Кати всё, что удастся.

Из другой комнаты раздалось какое-то невнятное бурчание и два голоса — один Катин, а другой куда ниже и злобней. Так, кажется, она всё-таки разбудила своего спящего отца. Конечно, может, я ошибаюсь, и её отец — такой же святой человек, как и она сама, готовый всем жертвовать ради дочери… вот только я почему-то думал иначе. А ещё вспоминал устойчивый запах перегара возде дверей в его комнату.

Впрочем, перебранка быстро прекратилась, девушка вернулась, и я удовлетворённо кивнул своим мыслям, глядя на джинсы у неё в руках. Не модельерская вещь, конечно, но вместе с белой рубашкой вполне сойдёт за кэжуал-стиль. Взяв телефон, я направился в туалет, чтобы переодеться.

О. Мигающий огонёк сбоку сообщил мне о пропущенном сообщении — видимо, я не услышал сигнала. Закрыв дверь — на всякий случай — я включил телефон. Пришло десять минут назад, как раз тогда, когда мы шли сюда.

Ладно. Приглушив звук настолько, чтобы его слышал только я, находящийся вблизи, я запустил видео, на заставке которого красовалась цифра «9». Интересно, а почему «9»? Порядок сбился.

— Да, я тут… забыл совсем кое о чем…, — прошлый я снова сидел на мосту и, в отличие от прошлой записи на этом месте, он уже был изрядно пьян. — Тебе ж надо будет где-то отдыхать. В следующем сообщении, эм… придет адрес… — прошлый я противно икнул, — просто приди туда и, думаю ты быстро схватишь, что к чему. Катя не самый весёлый человек, которого я знаю, но ты ей как-то помог. Не самая обременительная была услуга, но ей хватило, и теперь она бегает за тобой, как маленькая послушная собачонка.

Да уж. Я заметил. Интересно, что же такое я сделал, чтобы она так реагировала.

— Ты ей, походу, нравишься… — я на видео иронично засмеялся, — всё это, конечно хорошо, но… она тебе поможет чем сможет. Не стесняйся это использовать. Тебе сейчас не до нежностей… Можешь жить у неё, питаться за её счёт. Можешь даже трахнуть её, если захочешь, хотя я по себе знаю, что вряд ли возникнет желание. Пофиг, но серьёзно — не стесняйся. Она к этому привычна. А если её не будет дома, и дверь откроет её батя — не обращай внимания на этого алкаша.

Видео закончилось очередным салютом от меня самого, пьяным и оттого неуклюжим. Адрес действительно пришел. Тот самый, где я сейчас и находился. Вот уж своевременно.

Ладно. В ванной у меня оставалось ещё одно дело. Когда я только увидел жучок, первым делом мне захотелось выбросить его в окно. Это было бы довольно глупое решение в стиле «Я в домике» — по большому счёту, так его хозяевам было бы даже проще вычислить, из какого именно окна его выбросили. Я сжал его в ладони — и кинул чёрное устройство в унитаз.

Надеюсь, ты уплывёшь достаточно быстро, маленький ублюдок. А я, тем временем, успею расспросить Катю — и только после этого убраться восвояси. Не потому, чтобы я боялся преследователей: просто я не видел смысла торчать тут и тратить время.

К тому же… как ни странно, после просмотра видео мне, вопреки собственным словам, стало как-то неловко пользоваться безотказностью Кати. Я понимал, что я-прошлый прав, что мне действительно нужно где-то спать и что-то есть, но вместе с тем — что-то во мне твердило, что так неправильно.

Что ж. Дождавшись, пока отшумит вода в бачке, я вернулся на кухню.

— Ты можешь рассказать всё, что видела? — обратился я к девушке. — Тех, кто там стоял, как, что. Может, важные приметы, может, какие-то обрывки фраз…

— Они всегда молчали… — Катя возилась чайными пакетиками. — Я ни разу не слышала, чтобы они говорили. Один раз, ещё издалека, видела, что один говорит по телефону, но как только подошла ближе — он быстро сбросил звонок.

— А внешность?

— Ну, — она задумалась. — Одну вещь помню. У одного из них была татуировка на виске. Этот… египетский крест, как его там…

— Анкх? — вспомнил я. И у Усатого в машине была такая же подвеска… хм.

— Да, анкх! — подтвердила Катя. — Но в остальном — просто люди и люди. Простая одежда, внешность… Да они и не стояли на месте, ходили рядом. Я просто заметила, что ходят раз за разом.

Ясно. Сложно будет найти человека в огромной столице по таким приметам… или нет?

Меня вдруг стукнуло. Ну, конечно же! Я включил на телефоне галерею и принялся искать.

— Погоди секунду… — пробормотал я, листая снимки. — Погоди…

Катя растерянно замерла, не зная, чего именно ей следует «погодить». Я же промотал до нужного — и пальцами растянул его, делая снимок крупнее. И нужного человека видно лучше, и…

не увидит вторую половину снимка — ту, где с окровавленной девушки снимают скальп.

— Он? — я сунул телефон Кате. — Вот этот?

Собственно, на фото было трое мужчин. Один — тот, кого и хотели заснять; лысый полноватый тип, очередной чин в одной из трёх корпораций. Остальные два — телохранители… и у одного из них как раз была нужная татуировка.

— Он, — подтвердила Катя. — Точно он, да, а…

Но я уже убрал телефон в карман джинсов.

— Ладно, — кивнул я. — Мне нужно по делам… Но я ещё потом зайду за костюмом, ладно?

Что-то мне подсказывало, что Катя согласится, даже если я попрошу у неё разрешения остаться тут на месяц, а не то что за костюмом зайти. Но вот хочется ли мне самому пользоваться этим — другой вопрос. К тому же, если жучок ещё не успел «уплыть» достаточно далеко, то лучше бы мне находиться в другом месте; лучше для нас обоих.

— Как, уже?! — Катя, казалось, сильно расстроилась моему скорому уходу. — А чай?

— Забудь про чай, — махнул я рукой. — Ты и так много для меня делаешь. Я ещё вернусь, тогда и попьём его.

Я с сожалением посмотрел на холодильник. Зря я, конечно, засунул пистолет под него… теперь не достать, пока она ней выйдет. С другой стороны, куда его сейчас сунуть? Под футболку? Будет видно… и не особо полезно: я же не стрелок.

Нет, если кто-то и будет меня бояться — то явно не из-за пушки в руках. А из-за способностей, что я открыл в себе неделю назад.

— Вот что, — заметил я Кате. — Пусть этот документ, — я кивнул на пригласительный, — полежит тоже у тебя. Я зайду за ним вечером. Тебя это не затруднит?

— Нет, конечно… — та живо замотала головой. — Только… ты вернёшься?

Она боится, отчётливо понял я. Боится… меня — или за меня?

За меня никто и никогда не боялся уже очень давно. Даже я сам за себя не боялся. Смешно бояться за того, кто практически мёртв и доживает последние дни.

— Вернусь, — пообещал я. — Не оставлю же я документы тебе. А сейчас нужно кое-что проверить.

Я понятия не имел, что собираюсь предпринять. Да, теперь я знаю, на кого работали люди, покалечившие меня несколько дней назад. Не больно-то великое открытие — так или иначе, это всё равно был один из людей, на которых я получил досье.

Но сидеть тут и гонять чаи просто не было времени. Катя показалась мне милой девушкой, но… не пошла ли она, если речь идёт о жизни родителей!

Не слушая больше её ответов, я двинулся в прихожую. Итак, первым делом я…

— Ты, — раздалось слева, когда я наклонился, чтобы надеть ботинки. — Снова ты.

Ох. Не вовремя. Я распрямился, чтобы поглядеть на Катиного отца. Так и есть — мрачный, небритый, обрюзгший, да ещё и с фингалом под глазом. Я был прав — перегарное амбре принадлежало именно ему.

— Послушайте, — поморщился я, снова опускаясь к ботинкам. — Я спешу.

На самом деле, конечно же, пара минут ничего не решили бы. Просто желания разговаривать с этим типом у меня было ровно ноль.

— А я вижу, что спешишь, — мужчина опёрся о дверной косяк. — Ты пользуешься моим домом как своим, и даже поздороваться не желаешь. Ты, б**, наглый.

— Папа! — Катя возникла на пороге. — Опять!

— А ты молчи, — отмахнулся от неё отец. — Не с тобой сейчас говорят. Так что, — снова обратился он ко мне, — потолкуем?

— О чём? — я поднял на него холодные глаза. Меня явно пытались вызвать на разговор, причём на такой, который окончится конфликтом. Почему — я не знал, но сейчас это и не важно. Из всего, что произошло за последнюю неделю, ссора с каким-то алкашом, интересовала меня меньше всего.

— О том, почему ты приходишь сюда и…

— Не сейчас, — оборвал я. — Некогда.

— Слушай, ты, чмо! — рассвирепевший мужчина рванулся вперёд, и, пользуясь тем, что я не успел встать, прижал меня к стене, взяв за грудки. — Что, б**, непонятного?! Думаешь, я хочу с тобой разговоры хочу вести? Сейчас ты…

Ну, это уже перебор. Калечить отца девушки, которая безвозмездно помогает мне, не хотелось, но он перешёл все границы. Раньше, чем он успел закончить фразу, я пихнул его от себя к противоположной стене.

Я никогда не был атлетом или спортсменом — по понятным причинам — но сейчас, с того самого момента, как я — за неимением лучшего слова — поглотил Усатого, меня переполняла энергия. Она уже подвыветрилась, но алкашу хватило, и он рухнул прямо в проходе собственной комнаты.

— Ты! — заорал он, пытаясь вскакивать; Катя растерянно

переводила взгляд с меня на него, не зная, кого успокаивать и увещевать. — Думаешь, один раз меня стукнул, второй раз меня стукнул, и я забоялся? Ты, сссука, попробуй только пальцем тронуть мою дочь! Если попробуешь — тебе не жить, мразь, ты понял?!

— Папа! — Катя выбрала его, но тот развернулся к ней.

— А ты вообще молчи, шлюха! Водишь в дом, так водила бы кого приличного, я бы понял, а не…

На кухне пронзительно засвистел чайник, а я сощурился и поглядел на старого идиота. Хороший, заботливый папаша, ничего не скажешь. Понятно, почему Катя такая тихая, боязливая и «на всё согласная» — а как могло быть иначе?

— Так, — проговорил я, отметив краешком мозга про «раз стукнул, два стукнул» — неужели и фингалом своим он обязан мне? — Я уже сказал, что спешу. Вечером я приду, заберу документы, и больше ты меня…

Стук в дверь. Я подскочил как ужаленный. Дотянул! Я не ждал их так быстро. Если бы этот старый пердун не затеял перепалку, я бы ещё успел выскочить наружу… или нет.

— Кто там? — крикнул я, метнувшись к двери. Маскировать голос не было смысла — они всё равно войдут сюда и увидят меня. Попутно я жестами пытался донести до Кати, застывшей в коридоре с чайником в руках, и её отца, что лучше бы им отойти подальше от двери…

— Открывай давай! — стук повторился; тот, кто там стоял, явно игнорировал звонок. Секундное колебание… и дверь распахнулась. Кажется, Катя забыла запереть её, когда мы входили. Разумеется. Святая простота, и я тоже хорош.

Подумать что-то ещё я не успел — дверь открылась не просто так, а прямо на меня, со всей силой впечатавшись мне в лицо. Что-то хрустнуло — я что, сломал нос? — и я повалился назад, потеряв равновесие.

Да, вопросы были неуместны. Я действительно сломал нос — спустя секунду оцепенения боль пришла во всей красе; по лицу стекала кровь, где-то рядом шарахнулась в сторону Катя, но я никак не мог определить, где именно — от удара право и лево перепутались.

А меня уже снова лупили. Мужчина, высокий и крайне сильный. Большего я разглядеть не успевал — сложно быть внимательным зрителям, когда тебя п**дят кулаками, не сказав даже «здрасте».

Надоело. Когда атакующий размахнулся в третий раз, я не остался в долгу — и оперативно пнул его в коленку. Удар простой, но очень болезненный. Теперь, пока замешкался —

отшвырнуть от себя…

Поглядев в раскрытую дверь, я убедился — он один. Опрометчиво. От следующего удара я удачно увернулся, а затем нырнул назад.

— Э, куда, б**! — манерами нападавший не отличался. — Я тебе, б**, побегаю!

Голос хриплый, низкий. Мужчина был старше меня где-то вдвое и точно сильнее. А если он ещё и пробуждённый?

— Стой, говнюк! — это уже не нападающий, это уже отец Кати.

— Отцепись, идиот! — рявкнул я. — Или ты хочешь, чтобы тебя сейчас покалечили?

Но мужчина сделал своё дело: подставил мне подножку, и, когда я потерял равновесие, нападавший со всей дури врезал мне по рёбрам, вышибая дух. Больно… хотя, наверняка, по сравнению с тем, что делал со мной Паша — сущая ерунда.

И с тем, что сделает. Или нет. Нет, я слишком опасен — на этот раз меня просто пристрелят, и весь разговор. Мысли проносились в моей голове с огромной скоростью, но вот встать я никак не мог — сложно встать, когда тебя пинают с двух сторон, да ещё и тихое, полное безнадёжности бормотание Кати где-то в углу сбивает с толку…

Катя. У неё в руках был чайник. Горячий. Когда нападавший в очередной раз попытался меня ударить, я ушёл в сторону — буквально на миллиметр — и вскочил. Рывок — и чайник у меня в руках. Недолго думая, я обрушил его на лицо нападавшего.

Дикий рёв, даже вой. Запах варёного мяса. Тошнотворный, чуть сладковатый. Испуганные крики Кати — впервые за время драки она закричала — и её отца смешиваются с истошными воплями моей жертвы — нападающим его уже не назовёшь. Да, понимаю, зрелище некрасивое, но сейчас не до церемоний. Ваши же жизни спасаю, помимо своей собственной. Я наношу удар за ударом, капли кипятка падают на мои собственные руки, обжигая, но я не обращаю внимания — до тех пор, пока жертва не перестаёт шевелиться.

— Ты… Ты… — Катя смотрит на меня с ужасом. — Но он же…

Её отец ничего не говорит — только оцепенело, заторможенно смотрит на лежащее на полу тело. Была ли там на виске татуировка, не было ли — сейчас уже не узнаешь, морда превращена в кровавое, обваренное месиво, что угодно, но точно не человеческое лицо.

— Ты… — Катя никак не может выплюнуть из себя фразу, застрявшую в горле.

— Его нужно убрать, — соображаю я. — Пока не пришли другие — а они придут за мной. Не уверен, что вам безопасно оставаться здесь, обоим. Вам нужно уходить, и…

— Зачем… зачем ты это сделал? — она глядит на меня в упор.

— Потому что он напал на меня.

— Да, но… ты его убил… — голос девушки дрожит.

— Не уверен, но даже если и…

— Семён! — отец Кати приседает на одно колено и трогает тело. — Ты как?

Чего? Какой ещё Семён?

Чёрт. Бл*, бл*, бл*. До меня наконец-то начинает доходить.

— Ты знаешь его? — я хватаю Катю за руку — чтобы заставить её хоть немного успокоиться и дать мне внятный ответ.

— Да, — захлёбываясь истерическим плачем, кивает та. — Это друг папы… и он… Что теперь…

— Тогда почему он напал на меня, с порога? — я чуть встряхиваю её. Плевать на то, вежливо ли это выглядит — после того, что я здесь устроил, какие уж там к чёрту манеры.

— Да потому что я ему позвонил! — орёт Катин отец. — Ты, маньяк! В прошлый раз ты мне чуть глаз не выбил, я только что позвонил, попросил его напинать тебе, чтобы ты больше сюда не приходил, и…

Вот теперь всё сложилось. Вся цельная картинка, похожая на театр абсурда. «Фантастические придурки и что их ожидает». Последствия кучи всего — мстительности катиного отца, моей паранойи, привычки незнакомого мне Семёна сначала бить, а потом уже представляться… Виноваты все сразу, и обвинить некого.

А главное — я и понятия не имел, что со всем этим делать.

— Так, — я метнулся к холодильнику, уже не пытаясь скрываться, и быстро выковырял из-под него спрятанный пистолет; затем сгрёб со стола пригласительный. — Забудьте, что здесь было. Забудьте, что видели меня, и вызовите ему скорую…

— Щас! — рявкнул мужчина, вставая. — Куда ты пошёл, маньяк?

— Тебе мало? — я взмахнул рукой, указывая на Семёна, лежащего на полу. Кажется, тот дышал… пока ещё. — Это ты позвал его сюда, ничего не пояснив! Если бы ты…

— Не смей обвинять меня! — взъярился алкаш. Главное он сумел уяснить — а именно, что я почти прикончил его собутыльника потому, что принял за кого-то другого. И сделал вывод, что я не трону теперь его самого.

И, пожалуй, он прав. Не трону. Я и так наворотил дел.

— Смею и буду! — краем глаза я отметил, что Катя, видимо, уставшая кричать и плакать, просто затихла в углу. — Я сразу сказал тебе, что сейчас некогда. И если бы ты просто дал мне уйти…

Шаги на лестнице. Снова. Не договорив предложение, я потянулся за пистолетом, заткнутым за пояс, но дверь распахнулась раньше.

Теперь на пороге стояло уже трое. Долгую секунду мы смотрели друг на друга, а затем передний из них выбросил вперёд руку.

Глава 10

Я не успел ни дёрнуться в сторону, ни как-то отреагировать — что-то большое и сверкающее врезалось в меня, а затем я рухнул на пол. Боль в ногах я сначала почувствовал, а уже потом — осознал. Ноги; боль исходила от ног, и, извернувшись, я увидел, что те буквально изрублены — кости во все стороны, кровь и лохмотья вместо джинсов.

Отец Кати, заорав что-то маловразумительное, шарахнулся в сторону; сама Катя вновь сжалась в углу — в том же самом, в каком сидела и во время нашей драки с алкоголиком. Трое пришельцев, довольно хмыкнув, вошли в квартиру и прикрыли за собой дверь.

— Вы… вы ещё кто? — Катин отец уже совсем прекратил понимать, что происходит. — Это мой дом! Это…

Трое типов его попросту проигнорировали. Ещё один из них щёлкнул пальцами — и меня накрыла новая волна боли. На этот раз амбал целил в руки, и теперь с ними случилось то же, что и с ногами. Отброшенный к дверям в кухню, я лежал на полу, истекая кровью — и не способный даже шевельнуть ни одной из конечностей; лицом вниз, без сил, чтобы поднять его.

Вот так просто, с двух ударов? Я молчал, сжимая зубы, чтобы не заорать от дикой боли. Не дождётесь. К тому же, пусть лучше они думают, что я отрубился. Хуже не будет, но если повезёт…

— Живой? — тот, который атаковал меня двумя магическими импульсами, склонился надо мной — но так, чтобы я не мог к нему прикоснуться. — Живой. Вроде без сознания. Хер с тобой, но если ты меня слышишь — лучше не шевелись. Будет только больнее. Располагаемся, парни. Осторожнее!

Он занёс ногу повыше — и осторожно перешагнул сначала через лежащего на полу и еле дышащего Семёна, а затем через меня. Один из его товарищей сделали то же самое, а второй остался у двери; судя по разливающемуся вокруг его руки сверканию — то ли запечатывал её, то ли делал квартиру звуконепроницаемой. Катин отец дёрнулся было вперёд, и вот тут главный заговорил с ним.

— Стой где стоишь. Подойдёшь к нему ближе, чем на два метра — ляжешь рядом.

— Я… — мужчина подбирал слова, и в его голосе не было ни уверенности, ни той недавней угрозы.

— Как же с вами тяжело, — вздохнул главный. — Так, Игорь, объясни человечку, что я ему только что сказал.

Тот из амбалов, что оставался у двери, резко развернулся на

180 градусов и быстро ударил мужчину под дых. Тот закашлялся и упал на колени, а амбал нанёс его несколько ударов. Весьма болезненных, заметил я, хотя моя собственная боль занимала меня сейчас куда больше.

Я же могу исцеляться. Для этого нужно всего лишь поглотить кого-то… Но они это предусмотрели. Я жив, я в сознании… и я не могу даже немного отползти куда-то.

Попытка пошевелить рукой. Вспышка дикой боли в плече; я чувствовал, как осколки костей скребутся друг о друга. Нога. То же самое. Всюду боль.

— Алло? — главный сейчас находился за моей спиной, так что я не мог видеть его. — Готово. Было просто. Ждём команду зачистки.

Чёрт. Команды… они успели всё спланировать, пока я думал, что у меня ещё есть время.

Пальцы правой руки были целы; я попробовал пошевелить ими. Выходит плохо, но хотя бы выходит. Может, если я смогу вытащить пистолет…

Нет, это вряд ли. Их тут трое, а я с такими руками даже не прицелюсь нормально.

— Прекрасно, — к сожалению, я не расслышал, что именно ответили главному в трубке. — Мы тут не заскучаем. Не тяните.

— А… — услышал я неожиданно дрожащий голос Кати. — Может… я вам чаю сделаю пока? Если вы тут будете ждать…

Отлично, просто отлично. Спасибо мне-прошлому за такую замечательную помощь — привести меня к человеку, который с одинаковой готовностью поможет как мне, так и моим врагам, только чтобы не били! Интересно, как часто отец избивал её в детстве? Кажется, каждый день, если она сумела вырасти в это.

Возможно, амбалы подумали про что-то схожее. Двое — те, которые не были заняты избиванием её отца — заржали.

— Давай свой чай! — хмыкнул главный. — Начнём с чая, а там видно будет.

— Ты же хочешь, чтобы мы остались подольше? — третий, оставив избитого до кровавых соплей отца девчонки, перешагнул через меня. — Это мы можем…

— Игорь! — рявкнул главный, теряя всякий шутливый тон и, судя по звуку, вскочив. — Аккуратнее! Ты чуть не коснулся его!

А они меня боятся. Даже со всем этим — они меня боятся.

— Я же в ботинке, — парировал Игорь. — И штанина…

— Плевать! — главный рассвирепел на нерадивого подчинённого. — Ты слышал команду! Вырубить издалека, не касаться даже на миллиметр, ждать, пока приедет команда зачистки! Они знают, как безопасно погрузить его, а у тебя есть

инструкция!

Я медленно шевельнулся. Хотелось крикнуть во весь голос, что я ещё тут, вообще-то, что я их слышу… но я только лежал и молчал. Значит, они боятся даже малейшего прикосновения ко мне. Причина понятна, поэтому они и обеспечили мне максимальную неподвижность, вот только…

Семён. Всё ещё находящийся без сознания, он лежал в метрах, наверное, трёх от меня. Так близко — и практически недосягаемо. Даже если я каким-то чудом преодолею это расстояние на сломанных в кашу конечностях, проползу, как улитка без панциря — они увидят это. Я не смогу коснуться его достаточно быстро.

— Да без проблем, — Игорь перешагнул через меня уже осторожнее — при всём желании я не мог бы даже до лодыжки его дотянуться. — А с бабой что?

Не видя Катю, я услышал, как она завозилась громче. Щёлкнула плита, чуть стукнул чайник… Надеюсь, она поставила не тот, который я весь заляпал кровью, пронеслось у меня в голове.

Разумеется, нет. Тот лежал чуть дальше, и я мог его видеть. Просто от сильной боли я уже начинал путаться.

— Развлекайся, — звук шлепка. — Она тебе не откажет, правда, шлюшка? Нам тут ждать не меньше часа.

— Я, — голос Кати пытается быть не совсем уж дрожащим, — сахар вам положу? Сколько ложек?

— Положи, положи, — усмехнулся главный. — Две ложки, и перемешай хорошо. Сделаешь хороший чай — и мы к тебе будем потом добрее.

Вот же… можно подумать, при тех зарплатах, что у них, они не в состоянии пойти в приличный бордель. Но дело ведь не в сексе, так? Дело в желании взять что-то силой, унизить, доказать.

Катя послушно звенела ложками, то ли не осознавая, что её тактика «быть послушной девочкой, и тебя не тронут» не работает, то ли убеждая себя в обратном.

Или… работает? Я поглядел на её отца. Избитый, окровавленный, тот ничего не говорил, только тихо скулил и уползал в свою комнату. Вот и вся его бравада, а с дочерью пусть делают что захотят.

С её же точки зрения, всё работает правильно. Если она будет послушной — что бы они с ней не творили — то ей не причинят боль. Идеально, и так оно и случится.

Сначала хостел с Пашей и его «товарищами по хобби», затем это. Почему мне начинает казаться, что всё наше общество делится на хищников и жертв?

А главное, как бы мне не хотелось держаться в стороне от этой по-животному жестокой схемы, едва ли у меня это получится. Вот даже сейчас мой выбор прост. Сдохнуть, так или иначе — а я не сомневался, что корпорации прикончат меня сразу, как я перестану быть им нужен — или…

Лёгкий толчок вперёд. Еле заметный, такой, чтобы скабрезничающие с Катей и ржущие амбалы ничего не заметили. Они расслаблены, это хорошо. Они не ждут подвоха. Пока. Но они профессионалы своего дела, и не стоит забывать, как главный мигом забыл все шуточки, когда было нужно.

Ещё толчок. Это чертовски больно — ползти на разбитых костях, особенно наваливаясь на них всем весом, чтобы сидящие рядом ничего не заметили. Но кое-что я всё же мог сказать точно — если я этого не сделаю, будет куда больнее. Подползать вплотную мне не нужно — только на расстояние, с которого я смогу быстро коснуться лежащего на полу тела; главное — удержаться и не издать ни звука по пути…

— Эй, сучка! — сзади раздался хмыкающий голос одного из амбалов. — Неси аккуратнее, а?

Короткий, тихий вскрик Кати и звон упавшей чашки. Что сейчас произошло? Она правда выронила чашку — или амбал выбил ту из её руки, чтобы понаблюдать, как та будет оправдываться?

Кажется, второе.

— Э! — в окрике столько насмешки, что можно открывать своё стендап-шоу. — Куда пошла?

— Я налью новую… — Катя говорит так тихо и робко, что её с трудом слышно.

— А я тебе разрешал? Нагнулась и подняла осколки! Нагнулась, я сказал, и… во-о-от.

Пускай развлекаются. А я ползу. Забыть про боль, забыть про всё, кроме главной цели, самой важной цели в моей жизни: прикоснуться к лежащему рядом телу. До него уже ближе, чем в начале пути… кажется.

Взгляд на отца Кати. Он ведь мог бы подтолкнуть ко мне тело Семёна… или мог бы сдать меня бугаям, что вероятнее. Он поможет тому, кого больше боится — а сейчас это явно они. К тому же, он — может, и к лучшему — даже не смотрит на меня.

Ещё толчок. Позади снова раздался взрыв пошлого хохота, но я не слушал, что там происходило, бросив все силы на этот марш-ползок к жизни.

Боль постепенно перетекала из рук и ног во всё тело. Нет, главный целился тщательно; у него явно был чёткий приказ не убить меня, но обездвижить. Я зачем-то нужен им, и гадать, зачем

— пустая трата времени. Может, хотят разобраться, как работает моя способность, а может, просто кто-то — Паша или кто-то другой — очень хочет, чтобы я умер медленно.

Гадать незачем. Нужно ползти. Ползти. Метр уже пройден, осталось два… и даже ближе. Нужно сделать бросок вперёд, иначе всё слишком затянется. Кажется, амбалы заняты Катей, и я могу…

— Стоп! — главный снова заговорил серьёзным голосом. — Так, отставили шутки. А ты пошла вон из кухни.

Я замер, стараясь даже не дышать.

— Леван, что такое? — не понял один из его помощников. — Мы же…

— А теперь заткнись и посмотри, — отрезал тот. — Гляди, куда уполз наш живчик. Быстро!

Чёрт. Они меня увидели. Не видя смысла скрываться, я попытался рвануть — насколько это было возможно с кашей вместо рук и ног — вперёд; если им дан приказ брать меня живым, то они меня не…

Следующий импульс прилетел не по мне; Семён, так и не успевший прийти в сознание, не издал ни звука — если, конечно, не считать чего-то противного, мясного и хлюпающего. Брызги крови плеснули прямо мне на лицо, и я понял, что всё кончено.

Я не могу поглотить жизнь того, кто является мёртвым. Добраться ещё до кого-то мне просто не дадут. Будут стрелять импульсами раз за разом, отрежут руки и ноги совсем — но не дадут. А потом прибудет команда зачистки, и… и хрен там знает, что дальше.

— Ты ещё тут?! — рявкнул главный, похоже, на Катю. — Я сказал тебе убраться! И чтобы ни на метр к нему не подходила! Поверь, тебе самой не понравится это!

— Да! Я сделаю, я… — Катя заплепетала, и, перескочив через меня, скрылась в комнате своего отца. Ну, хоть кто-то радуется, что от него отстали. Я же…

Звук нового сообщения. Чёрт. Самое удачное время и место — лучше просто не выдумать.

— Это у кого? — напрягся главный. — С его стороны вроде.

— И… как я проверю? — огрызнулся Игорь. — Сам же сказал, не трогать!

— Конечно, не трогать! Даже не прикасаться! — взъелся тот. — Ладно, чёрт с ним, пускай валяется. Приедут — разберутся, кто там ему названивает, это не наше дело, в конце концов.

— Не, почему, — ещё один, до сих пор молчавший, подал голос. — Я ж могу телефон вытащить Притяжением.

— Это безопасно? — главный говорил быстро, настороженно. — Его не притянешь?

— Ну он потяжелее телефона будет! — возмутился «телекинетик». — И руки-ноги поломаны, не помашет.

— Ладно, давай, — согласился главный. — Только без спешки. Я видел, что он может.

Меня дико бесила их манера говорить, как будто меня здесь нет… но, с другой стороны, если бы они обращались ко мне, это было бы даже хуже. Так что я старался сохранять ровное лицо, не выдавая ни боли, ни эмоций — даже когда меня перевернуло и чуть покатило по направлению к амбалам.

Больно. Но, чёрт побери, разве я к этому не привык? «Видел, что я могу». Нихера ты не видел, придурок. Увидеть, как я высасываю жизнь из кого-то — не то же самое, как увидеть меня, много лет готовящегося к ранней смерти.

Телефон вылетел из моего кармана; телекинетик повёл рукой, притягивая его к себе — и ловко поймал устройство.

— Поглядим, — главный взял у него телефон. Я теперь был повёрнут в другую сторону, хотя по-прежнему каждое движение доставляло мне неимоверную боль. Как бы там ни было — очень уместно! И что же они теперь здесь увидят?

— А чего так тихо? — хмыкнул главный, прибавляя звук — и я услышал свой собственный голос.

— …напоследок. Знаешь, иногда бывают ситуации, когда нужно что-то… универсальное.

— Ого! — заржал Игорь. — Да он чокнутый — сам себе видео шлёт! Гляди, что это за место? Знакомое что-то!

— А ты и правда чокнутый, — главный поглядел на меня в упор — впервые за всё время. — Что за херню ты тут наснимал?

Я молчал, глядя в упор на него. И его это бесило. Последнее я чувствовал буквально кожей, так же материально и явственно, как собственную боль. Как же так, он раздробил этому сопляку руки и ноги — а тот молчит и даже не отвечает!

Помолчим дальше.

— Узнаёшь место? — главный развернул телефон ко мне — впрочем, оставаясь на безопасном расстоянии. Я прищурился, пытаясь разглядеть видео; там, на экране, я-прошлый пробирался среди каких-то построек, выглядящих, как что-то техническое.

— Ну, вот мы и пришли, — заговорил я-прошлый. — Раньше я думал, что бургеры от корпорации «Бикфорд» делают из химии. Теперь я знаю, что их делают из мяса. Из мяса, накачанного химией… ну, а что у них в желудках попадается — лучше не знать, пропадёт аппетит.

Все трое амбалов заинтригованно глядели на экран, где я-

прошлый шагнул в помещение, заполненное свиньями, и ничего не понимали — как и я-настоящий, впрочем.

Я на видео замолчал, зато другие звуки — хрюканье, визг и копошение сотен животных — так и лились с экрана. Затем я-прошлый достал пистолет и…

— Чё? — главный обернулся на меня. — Отстреливать свиней? Ты совсем ё*нутый?

Я не отвечал ему, глядя, как прошлый я стреляет раз за разом, с каждым выстрелом уменьшая поголовье. Шесть, семь, восемь… на девятый раз пистолет только щёлкнул — кончились патроны.

Я-прошлый картинно покачал головой и состроил расстроенную рожу. Сейчас я узнавал то же самое выражение жуткой клоунады, которое было на самом первом видео — точнее, втором, обогнавшем первое. Ай-я-яй, нет патронов, что же делать? Затем я-прошлый просиял, и, театрально хлопнув себя по лбу, отбросил бесполезный пистолет в сторону.

Что и в какой момент произошло — я не заметил; не уловил секунду. Но свиной визг возрос до оперной громкости, а затем…

Амбалы охренело переводили взгляд с меня-настоящего, лежащего перед ними, на меня-прошлого и дикое месиво, бывшее только что сотней свиней, на экране телефона.

…говорят, нельзя разучиться ездить на велосипеде. Не знаю, я никогда и не умел на нём ездить, но охотно верю, что это так. Даже не увидев на видео ничего, что показывало бы, как это делается… я вспомнил. Как пишут в книгах — «в голове что-то щёлкнуло».

— Назад! — заорал главный, отдёргивая от моего лица телефон. — Он…

А затем я сделал то же самое, что увидел в ролике десять секунд назад. Один из амбалов рванул вперёд, два назад, но уйти не успел ни один; за спиной раздался истошный крик, в котором я узнал Катю… но это всё было как сквозь туман. Всё моё сознание заполнил непрерывный, мощный, поток энергии, вливающийся в моё тело. Поток жизненной энергии.

Охренеть, как же я люблю жизнь.

…я встал. Ноги не болели, руки тоже, а вот одежда была измочалена в клочья. На кухне валялись два тела, от которых несло тухлятиной и разложением; сзади раздавались сдавленные стоны. Обернувшись, я увидел, что третьего амбала — того, что владел телекинезом — задело только частично. Вся нижняя половина его тела представляла собой то же тухлое месиво, а верхняя была всё ещё живой; на лице застыло выражение непереносимой боли…

Ну, мне было сложно испытывать к нему сострадание.

Я шагнул вперёд. Амбал что-то забормотал, совсем уж неразборчиво, попытался отползти, но тело не слушалось его. Рядом с ним — ещё один труп… Кажется, это Катин отец. Был. Его смерти я, разумеется, не хотел — но и особой жалости тоже не почувствовал.

А вот сама Катя осталась жива. Привычка вечно забиваться в самые дальние углы в случае любой опасности на этот раз оказалась спасительной, и она вновь тихонько рыдала, сидя в отцовской комнате. Зайдя внутрь, я огляделся и нашёл шкаф, где висела одежда моего размера. Катя ничего не говорила, но глядела на меня глазами, полными ужаса. Да уж, сегодняшнее шоу — пострашнее батиных п**дюлей.

Ладно. Нужно закончить тут. Подняв с пола пистолет, я быстро выстрелил в голову амбалу, затем переоделся и забрал телефон с пригласительным. Можно было бы, конечно, пошарить в карманах у амбалов… но вряд ли я найду что-то серьёзное. Те, кто их отправлял сюда, должны были учесть любой исход, в том числе и такой — зачем им было давать мне лишние подсказки?

Разберусь. С новыми роликами или без них — разберусь, только не здесь.

Надев ботинки, я бросил последний взгляд на Катю. Она продолжала скулить, сжавшись в углу. Как и всегда. Всю жизнь.

— А ведь ты живая, — заметил я. — Живая сейчас и будешь живой завтра. Есть люди, для которых одна только такая уверенность — большая роскошь. И они не ноют.

Девчонка глядела на меня большими, непонимающими глазами. И не поймёт.

— Помоги себе сама, — бросил я. — Потому что, кроме тебя самой — никто тебе не поможет.

С этими словами я распахнул дверь — каким бы ни был магический эффект, наложенный амбалом, после его смерти он пропал — и вышел в подъезд.

--

Между тем, автор завёл свою группу ВКонтакте. Вдвое больше возможностей поставить лайк! https://vk.com/orothesummoner

Глава 11

Уходил я быстро; то, что мне повезло сейчас, ещё не значит, что повезёт снова. Я не имел совершенно никакого понятия, как работает моя способность, есть ли у неё время «перезарядки» или ещё что-то… Хотя она, конечно, чётко показало: ищут меня не только ради мести или как ненужного свидетеля.

Ищут меня, потому что я опасен. А ещё потенциально полезен — иначе просто убили бы при первой же возможности. А это, в свою очередь, даёт шанс, что родители живы… просто для того, чтобы ими можно было меня шантажировать.

Кроме всего этого, мне не давала покоя ещё одна деталь, мелкая несостыковочка. Я заметил её сразу, но там, в суете и посреди трупов, было не до того, чтобы размышлять. И всё же. Как ролик пришёл сам своевременно?

Я-прошлый мог отправить себе «отложенные» видео, приуроченные к определённому времени. Я-прошлый мог сделать — как это было в хостеле — чтобы видео приходили, когда я зайду в определённое место. Но я-прошлый никак не мог знать, когда на меня нападут амбалы.

Вывод один: видео посылает мне вовсе не я-прошлый. Я их заснял, а затем скинул… кому-то.

С одной стороны, если скинул и поручил — значит, доверял. С другой, доверять я сейчас не собирался никому. И почему этот «кто-то» до сих пор не вышел на связь?

Новое оповещение об СМС. Я быстро выхватил телефон. На этот раз был не ролик, а текстовое сообщение — всё с того же номера.

«Предполагалось, что это видео будет последним. Но обстоятельства изменились, и пришлось выслать его тебе чуть раньше. Надеюсь, ты не слишком шокирован».

Всё. Ни подписи, ни слова. Ну, я и не ожидал, что мне сразу выложат все карты. И всё-таки спросить стоило.

Оглянувшись, я пригляделся к прохожим. Что ж, утро в столице — это та ещё толпа народу, спешащая по своим делам. В этом был как плюс, так и минус: в одной стороны, меня в такой толпе будет сложновато разглядеть, но с другой — и я сам в ней никого не замечу раньше, чем станет поздно.

И всё же я почему-то думал, что в толпе я в большей безопасности. Здесь будет легко устроить мне «несчастный случай», но если они хотят взять меня живым, то сделать это незаметно не получится. Особенно если они не хотят прикасаться ко мне.

Поэтому я прислонился к стене ближайшего здания и быстро набрал в ответ:

«Кто ты?»

Даже ложь или отказ ответить могут быть полезными, если подумать над ними. Ответное сообщение пришло быстро, почти моментально:

«Тот, кому ты доверял. Остальное пока неважно».

Почти один в один мои мысли. Хочешь не хочешь, а поверишь в какого-нибудь злого двойника, который выглядит как я, думает как я и…

Нет, бред. На видео — точно я. Что на снятых мной лично, что на… снятых Пашей.

Я собирался написать ещё что-нибудь в ответ, но новое сообщение пришло быстрее, чем я успел это сделать.

«Надеюсь, ты уже отдохнул, потому что прелюдия подошла к концу. Пора браться за дело всерьёз. Улица Старопечерская, 31. Буду ждать тебя там через два часа».

Личная встреча, значит. Что-то слабо верится. Но других идей, что делать прямо сейчас, у меня всё равно нету. Три крупные корпорации — слишком большая цель, чтобы так просто идти и сбрасывать их с вершины Олимпа.

Составить маршрут — дело двух минут. Карта показала мне сразу три пути до цели, причём со всеми остановками общественного транспорта…

Чёрт. А вот денег у меня — ни копейки. Нужно было хоть это взять из того дома. Ладно, с двумя часами запаса я легко дойду любым из этих маршрутов — благо, после новой «подпитки» сил у меня хватало, и накатившая было усталость отпустила.

Чувствовал я себя паршиво. И отец Кати, и его дружок-алкаш не были теми людьми, по которым бы я плакал, но всё равно оба они погибли из-за меня, и осознание этого долбилось в темя, как докучливый дятел. Мне нужно быть осторожнее. Мои новые силы слишком опасны, и… блин, я даже не знал, что именно прошлый-я успел сделать, обладая ими, сколько человек уже мертвы из-за меня!

Всё это я обдумывал по пути, время от времени прерывая поток мыслей, чтобы свериться с картой. Именно во время одного из таких "«перерывов» меня и посетило странное чувство. Слежка? Или у меня уже паранойя разыгралась?

Я кратко обернулся. Людской поток был таким же, как и до того. Все шли в разные стороны, никто не вызывал подозрения, но при этом чувство, что за мной следят, не отпускало меня. Оно было… как будто где-то глубоко внутри меня. Схожее с тем, как я вспомнил свою способность после просмотра видео — такое

ощущение, будто я хорошо наловчился определять слежку, и пусть даже я забыл, как это делается, но мозг всё равно продолжает работать.

Свернув карту на телефоне, я включил камеру. Неплохой способ поглядеть, что делается у меня за спиной. Итак, кто идёт в одном направлении со мной?

Мужчина с бородой, лет 50-ти, в простой рабочей спецовке. Может ли он быть шпионом? Может, пожалуй.

Девчонка моих лет в ярких наушниках. Эта уже меньше напоминает шпиона, но ведь настоящий шпион и должен выглядеть неподозрительно.

Какой-то тип за тридцать, деловой костюм, говорит по гарнитуре, на вид — типичный бизнесмен из корпорации. Кто знает, какую именно работу он делает там.

А вот крайне подозрительная женщина — в куртке, хотя погода не холодная, очки на глазах… Я уже хотел было задуматься, что же она прячет под курткой, как женщина обогнала меня и быстро пошла вперёд. Да уж, вряд ли она соглядатай корпораций.

Ну и совсем уж не похожи на шпионов оставшиеся два человека из тех, кто шёл за мной последний квартал, никуда не сворачивая — интеллигентного вида бабушка, похожая на бывшую учительницу литературы, и пацан лет 13-ти, в зелёном худи с капюшоном и уткнувшийся в телефон. Вообще, этот его капюшон был довольно подозрителен в такую погоду, но… подросток? Серьёзно?

Нет, пора с этим завязывать. Если я начну подозревать всех, кто имеет несчастье идти со мной по одной улице, то скоро свихнусь. Паранойя может быть в моём случае спасительной, но всё хорошо в меру. Итак, кто из троих — рабочий, бизнесмен или девчонка?

Или ни один из них. Проверить просто — нужно только хорошенько попетлять, и посмотреть, кто по-прежнему продолжит идти за мной. Остановившись на светофоре, я спокойно дождался зелёного света — а затем, перейдя улицу, нырнул в подземный переход.

За мной направились двое — девчонка и рабочий. Бизнесмен шёл своей дорогой, продолжая разговаривать по телефону. Ладно, допустим, он чист…

Девчонка тоже отстала довольно быстро — спустившись в тот же переход, что и я, она свернула ко входу в метро. Рабочий? Я мельком оглянулся, посмотрев на него. Внушительный тип. Без применения способностей у меня будет мало шансов справиться с ним, а делать такое на публике…

Я ускорил шаг. В конце концов, стопроцентных доказательств нет, и всё ещё может оказаться всего лишь разыгравшимся воображением. Поднявшись по лестнице наверх, я свернул в проулок. Ладно, побегаем.

Карта показывала, что иду я в нужном направлении, пусть и странными петлями. Что ж. Открыв переписку, я быстро — насколько мог на ходу — написал своему таинственному союзнику:

«Думаю, за мной следят».

Всё, больше никаких предложений или вопросов. Сам пускай отвечает.

Ответ пришёл быстро, буквально меньше, чем за минуту.

«Продолжай идти. Я всё контролирую».

Ладно… ему виднее. И хотелось бы верить, что по ту сторону сидит действительно союзник. Гораздо больше шансов, что там кто-то в стиле КОБР — «ты сделаешь то, что нужно мне, а я помогу тебе парой бумажек и стаканчиком кофе». С другой стороны, он прав — я ему действительно доверял.

А ещё я доверял Усатому — до определённого момента. Ладно… Я чуть обернулся. Чёрт. Рабочий как шёл за мной, так и продолжал идти. Попетляем ещё немного… я свернул на соседнюю улицу.

К моему удивлению, на этот раз рабочий отстал. Либо он всё-таки был не при чём — либо понял, что я его заметил, и поспешил уйти в тень. Что ж, на всякий случай я углубился ещё на несколько улиц. Если он всё-таки случайный прохожий — вряд ли мы снова пересечёмся, зато если я вновь увижу его рядом — всё будет уже предельно ясно.

Улицы петляли, я шёл «лесенкой». Квартал вниз — квартал вправо, квартал вниз — квартал вправо… Ну, по крайней мере, пока рабочего видно не было. Может быть, ощущение слежки — просто фантом, а я ещё не оправился от произошедшего в квартире Кати?

Уже почти расслабившись, я вдруг замер. Он шёл по противоположной стороне улицы, засунув одну руку в карман, а другой держа телефон — так близко к своему лицу, что, казалось, он вообще не смотрит ни на кого из прохожих. И всё-таки он был здесь.

Подросток. Зелёное худи. Неужели?..

Я понятия не имел, используют ли корпорации кого-то в таком возрасте. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Идеальный шпион, ведь даже заметив слежку, я мог бы подумать на него в последнюю очередь.

Ладно, новая проверка. Ещё разок нырнуть вправо — и вверх

по улице, туда, откуда я пришёл. Если это совпадение, он не пойдёт за мной.

Увы, когда я уже решил было, что слежки нет и я законченный параноик, он снова показался позади меня. На этот раз на той же стороне, что и я.

Я не параноик. А вот ты явно шпион, пацан. И я намерен выяснить, чей. Идёшь за мной? Что ж, этим можно воспользоваться. Обернувшись по сторонам, я увидел вереницу гаражей. Отлично, там не будет много народа. Можно подстеречь мелкого и поговорить с ним уже ближе.

Страха не было. Как не было и мысли, что сейчас я вляпаюсь в какие-то неприятности. Может, возраст моего противника заставлял меня его недооценивать, а может, что-то ещё, но почему-то я воспринимал всё происходящее как шпионский роман, а себя — как бравого Джеймса Бонда. Вместе с тем, умом я понимал, что лучше быть настороже. В конце концов, вдруг этот паренёк — просто отвлекающий манёвр или ещё что-то в таком роде?

За гаражи. Шагнув вбок с тротуара на траву, я быстро зашагал вперёд. Гаражный кооператив был длинным, и я приглядывал место, за которым можно притаиться, ожидая преследователя…

— Э, слышь! — раздалось сзади вульгарно-расслабленным тоном. — И чо мы тут ищем, а?

Я обернулся. Ну, разумеется — гопота была и у нас в глуши, и я почему-то думал, что здесь, в столице, культуры будет побольше. Но нет — передо мной стояли два типичных гопника, лет на пять меня постарше, и с вызовом смотрели на меня.

— А это ваше дело? — огрызнулся я. — Я вас не трогал, идите куда шли.

— Мы как раз и идём куда шли, — один из них шагнул в мою сторону. — А тебе здесь какого х*я надо?

Я не стал отвечать; как только он поравнялся со мной, я просто сделал резкий выпад вперёд — и ударом в лицо повалил ему на землю. Снова огребать от какого-то быдла не входило в мои планы, и уж тем более в них не входило второй раз попадаться преследователям из-за того, что какое-то быдло меня задерживает.

Второй выматерился; щёлкнул нож, который он тут же наставил на меня — но подходить ближе пока не рисковал, выжидая момент. Умное решение — сейчас во мне полно силы, и я легко отправлю его в нокаут.

А может, и чего похуже.

— Что, — хмыкнул я, сощуриваясь, — хищником себя

возомнил?

— Чего?! — не понял гопник. Он косился на товарища, который лежал на земле и постанывал, и, кажется, прикидывал, что сейчас лучше — продолжить драку или сделать ноги.

— Ты не хищник, — я широко улыбнулся. — Ты жертва. А жертвы…

— А ты идиот, — раздалось сбоку от меня. Из-за спины гопника быстрым шагом вышел подросток в зелёном худи.

— Ты ещё кто? — не понял гопник.

Вместо ответа пацан развернулся и показал ему… что-то. Я не успел разглядеть мелкий предмет, а тот уже убрал его в карман.

— Бери своего друга и валите отсюда нахрен, — небрежно бросил подросток. — Быстро!

Что бы ни было в кармане у этого паренька — гопника это впечатлило. Если раньше он был просто озадачен — тот теперь в явной спешке подхватил начинающего приходить в себя товарища и чуть ли не побежал прочь.

— Так вот, — повторил подросток, глядя на меня в упор, с лёгким прищуром. — Ты идиот. Ты правда собираешься оставлять за собой след из трупов?

Окончательно потеряв понимание происходящего, я огрызнулся:

— А кто говорит про трупы? Я бы вырубил его, и всё.

— Да? — мой собеседник скептически наклонил голову. — А мне показалось, ещё немного — и ты бы оставил здесь два очень некрасивых тела.

— Тебе показалось, — отрезал я. — Лучше объясни, кто ты такой.

— Улица Старопечерская, 31, - усмехнулся он. — Считай, пришёл. Мне нужно было убедиться, что по телефону пишешь действительно ты, а не кто-то другой, вот и назвал тебе адрес подальше. Подошёл бы уже давно, но ты почему-то всю дорогу совался под камеры — то в метро, то ещё где-то. По одиночке нас на камерах не опознают, но вот вдвоём уже больше не светиться.

— Так это ты, — прищурился уже я. — Ты слал мне эти видео.

— Я, — подтвердил он. — И я спас тебе жизнь, вроде как.

— Значит, ты знаешь, что происходило, — кивнул я своим мыслям. — И к чему эти загадки, видео?

— Твоя была идея, между прочим, — он развернулся и махнул рукой. — Пошли, а то ещё кто-нибудь припрётся.

— А как же камеры? — я двинулся за ним.

— Если просто быстро пройдём — ничего страшного. Нельзя было устраивать под ними сцен вроде этой, — он быстро шагал.

Да, пожалуй, я не ошибся с его возрастом; он был на голову ниже меня, и при этом страшно худ. Одной рукой он снова нащупал в кармане телефон.

— Ты начнёшь мне что-нибудь объяснять, или как? — осведомился я, поравнявшись с ним.

— Насчёт загадок я уже написал тебе, — отмахнулся он, не отрываясь от телефона и что-то набирая там одной рукой. — Нельзя было вываливать на тебя всё сразу. Нужно было по частям и спокойно.

— А как насчёт объяснить мне всё в мирной обстановке? — я начинал злиться. — Не бросать меня недоумевающим под мостом…

— С мостом была твоя идея, — поморщился пацан. — К тому же, ты набухался и вряд ли послушал бы меня. А потом вмешался Усатый, не дав мне найти тебя первым.

Он свернул в какой-то двор, и я последовал за ним.

— Что с моей памятью? — потребовал я. — Почему она пропала, что её стёрло?

— Я, — кратко ответил он. — По твоей просьбе, а точнее — по нашему общему решению.

Ну, о чём-то таком я уже догадывался. Впрочем, ещё никто не гарантирует, что сказанное им — правда.

— Именно поэтому я и испугался, что сейчас ты поглотишь тех придурков, — пояснил подросток, заворачивая в соседний двор, а там заходя в подъезд девятиэтажного дома. — Я уже видел это. Как ты становишься человеком, способным убить просто потому, что можешь. Поэтому мы и решили всё, что решили.

Нажав кнопку лифта, он полез в карман; я уставился на его руку, надеясь, что он покажет предмет, продемонстрированный гопникам, но он достал всего лишь ключи.

— Ладно, — подытожил он. — Из-за твоей самодеятельности и вмешательства Усатого ты всю ночь и утро пробегал невесть где, поднял много шума, но теперь пора завязывать с играми.

— Какие игры?! — возмутился я. — Помимо всего прочего, я до сих пор не знаю, где мои родители!

— Я тоже не знаю, где твои родители, — ответил подросток, заходя в лифт. — Но зато я очень хорошо знаю, где мои. А также кто их убил, как и при каких обстоятельствах. Не думай, что тебе тут хуже всех, Ваня. А теперь не тупи, заходи.

Я шагнул в лифт вслед за ним; в голове, как в самом начале, носилась куча мыслей, но выцепить из них хоть какую-то вразумительную было почти невозможно.

Ехали мы молча, пока лифт не остановился на девятом этаже.

— Приехали, — кивнул подросток, выходя. — Первая

квартира направо.

И сам шагнул к названной квартире, вставляя ключи в замочную скважину.

Глава 12

Квартира, в которой обитал мой новый знакомый, особым размахом не поражала. Даже по сравнению с бедненькой, хоть и вылизанной до блеска, квартирой Кати, она выглядела… какой-то обезличенной, что ли.

Говорят, жильё несёт в себе отпечаток личности своего владельца. Так вот, такого отпечатка здесь не было. Гостиничный номер, только в многоэтажке.

— Съёмная? — уточнил я без капли юмора в голосе, как только подросток закрыл двери на два замка.

— Само собой, — ответил он. — Меняю каждую неделю. Пошли.

Квартирка, разумеется, была крохотной; шагнув мимо двери в главную комнату, она же единственная, она же спальня, она же гостиная, паренёк шагнул на кухню, к старому, натужно гудящему холодильнику — и вытащил оттуда где ледяные, запотевшие бутылки колы.

Одного взгляда на приоткрытый холодильник было достаточно, чтобы понять: он заполнен полуфабрикатами из серии «Разогрел в микроволновке и готово». Кажется, с готовкой у парня не очень.

— Садись, — он протянул мне одну из бутылок и кивнул на узкий столик у окна, стоящий здесь же, — и поговорим.

— Поговорим, — пить мне не хотелось, и я отставил бутылку чуть вбок. — Ты должен мне последнюю неделю.

— Если я тебе и должен, — совершенно серьёзно возразил он, — то уж точно не за эту неделю. Как я и сказал, стереть тебе память было больше твоей идеей, чем моей. И, кстати, рассказать тебе про всю неделю я не смогу — мы с тобой познакомились только пять дней назад.

— Рассказывай хотя бы то, что знаешь, — согласился я. Подросток кивнул и отхлебнул газировки.

— Насколько я понял по твоим же рассказам — ты сильно разозлил Пашу Сербского. Кажется, ты чего-то от него хотел, несколько раз приходил к нему — и в итоге увидел что-то… лишнее.

— Стал свидетелем, то есть? — уточнил я. Ну, картинка уже проясняется. Паше не было дела до меня самого, пока я был просто умирающим парнем, но вот если я опасный свидетель — то лучше бы мне уже умереть под бдительным присмотром.

— Он схватил тебя, отвёз в снафф-клуб и…

— Спасибо, эту часть я уже уяснил за себя, — сдержанно

заметил я. — И ролики были подробными. Что было дальше?

— Дальше ты уничтожил клуб, — не моргнув, ответил подросток. — У тебя проявились силы, ты убил охрану — Паши на месте не было — и, вырвавшись, стал убивать всех подряд. Наверное, если бы я был постарше, и меня бы убил, но то ли сработал какой-то внутренний блок, то ли просто ты обалдел.

Да уж, приятно осознавать, что каким бы ни был чокнутым отморозком я-прошлый, до детоубийства я всё-таки не дошёл. Однако…

— А ты там что делал? — сощурился я. — Неужели…

— Работал, — спокойно ответил паренёк. — Работал по специальности.

— Объяснись, — я скрестил руки на груди. Мой собеседник, хоть и опустил капюшон, всё равно оставался в худи — хотя в доме было совершенно не холодно. Что он скрывает — шрамы?

— Как ты уже понял, мне при пробуждении досталась очень полезная способность, — кивнул он. — Слишком полезная. Два года назад ко мне пришли — ну, тогда ещё к моим родителям. Им предложили использовать мои силы. Они отказались… и умерли. А я поехал в снафф-клуб, где мне очень долго и доходчиво объясняли, почему я должен работать именно на них.

Вот как. Я крепко сжал бутылку в руках — настолько, что рука заболела от ледяного холода.

— Дальше, — потребовал я. Если я сейчас начну комментировать или как-то высказывать свои мысли — то сорвусь, поэтому нужно просто здраво всё обдумать.

— О тебе или обо мне? — подросток тоже говорил предельно серьёзно. — Я два года с лишним… работал на них. Ездил, куда повезут, стирал память тем, кому скажут. Ну, и всякое, — кажется, он не хотел вдаваться в подробности. — А тут ты. И все кругом — трупы. К тому моменту, как ты дошёл до меня, в здании почти не осталось живых.

— И дальше я его сжёг? — уточнил я.

— Не-а, — поморщился подросток. — Его сжёг я. Накопилось.

Он покачал головой.

— Ты помог мне выбраться. Спросил, есть ли мне куда пойти. Я ответил, что да. В общем, слово за слово — я понял, что ты намерен найти Пашу Сербского и превратить его в кашу.

Пашу в кашу… тут бы усмехнуться, но у меня почему-то не получалось.

— Я нашёл его? — мне нужны были огромные усилия, чтобы сидеть ровно, не вскакивать и не повышать тон.

— Тогда — нет, — мой собеседник пожал плечами. — Но я дал тебе наводку. Видишь ли, в чём хитрость… я должен был

стирать память не только другим, но и себе. Каждый раз, после каждой… работы.

Он улыбнулся — впервые за всё время нашей встречи.

— Но я не могу. Они не знали, что я не могу. Их аппарат засекал, что я честно использую силы на себе, и они мне верили. Потом поверили настолько, что перестали проверять. А то, что эти силы не срабатывали…

— Ты помнишь всё, — кивнул я. — Всё то дерьмо.

— Всё то дерьмо и даже больше, Иван, — согласился подросток. — Кстати… ты ведь и имени моего не помнишь. Я Дэн.

Дэн, значит. Ну, ему идёт.

— И дальше? — я поглядел на него.

— Первые полгода я работал… Только по специальности, стирая память, — продолжил он. — Потом они решили, что почему бы не обучить меня ещё кой-чему полезному, чтобы я зря не объедал их. В общем, я немного соображаю в компьютерах…

— Они решили обучить тебя на админа? — изумился я. — Но ведь тебе тогда было… сколько?

— Одиннадцать, — кивнул Дэн. — Видишь ли, у моей силы есть ещё один аспект — это идеальная память. Я очень хорошо обучаюсь, и они были правы — глупо было это не использовать.

Он говорил ровно, спокойно. Тон совершенно не соответствовал возрасту… если, конечно, считать возрастом прожитое, а не пережитое.

— И не на админа, — добавил он. — На хакера.

— Хакер, — кивнул я, уже ничему не удивляясь. — Я думаю, тринадцатилетние хакеры — это только в дешёвых боевиках бывает.

— Полегче, — отозвался он. — Сумрачные герои, убивающие всех тёмными силами, тоже вышли оттуда. Я не такой хакер, как в боевиках, не сумею взломать за пятнадцать секунд почту Императора или переписку КОБР. Да и за пятнадцать часов не сумею. Но мелкие трюки вроде взлома камер, перенаправленных звонков — это я могу. Да и многие пароли не менялись с тех пор, как я их… запомнил.

— Это всё ты, — напомнил я. — Но речь о моей неделе. Куда я пошёл после пожара?

— Без понятия, — Дэн пожал плечами. — Первые полтора дня у меня ушли на другие вещи — на то, чтобы найти себе укрытие и еду, убедиться, что за мной никто не идёт… за мной шли, кстати.

— И? — уточнил я.

— Пришлось очень постараться. Зато теперь они забыли всё. Вообще всё, начиная с пяти лет, — он снова довольно хмыкнул. — Больше я не совершаю таких глупостей, как попытка заказать

пиццу через приложение. В общем, только к вечеру второго дня я решил посмотреть, как там ты. Через камеры. В общем, ты…

Дэн замолчал и задумчиво приложился к бутылке с колой — с таким видом, будто это была не газировка, а Джек Дэниелс.

— Ты был в компании Усатого. И вы чем-то увлечённо занимались. Мутили вместе какой-то бизнес.

Он вздохнул.

— Усатый — я даже не знаю, как его настоящая фамилия. Мог бы и узнать, но сейчас это уже неважно, зачем нам данные покойника? В общем, я его помнил. Он меня — нет, а я его — да.

— На кого он работал? — нервно уточнил я. — «Бикфорд»?

— Нет, «Сато». Неважно. Корпорации слишком большие, и девять десятых их сотрудников не подозревают о кой-каких делах руководства. Но Усатый был… посвящённым в тайные дела. Так, мелким порученцем, но порученцем по особо важным заданиям.

— Надо полагать, — кивнул я, — что жив я только потому, что мои силы интересны корпорациям.

— Ага, — согласился Дэн. — Это ребята, которые никогда и ничего не выбрасывают, если можно ещё использовать. А ты можешь стать… очень ценным.

— Или могу убить их всех, — сощурился я.

— Не всех, не перегибай, — Дэн снова отпил колы. — К тому же, если они решат, что риск слишком велик — вряд ли ты долго проживёшь после этого решения. Лучше не рискуй.

Я промолчал, решив оставить на этот раз свои мысли при себе.

— Дальше, — потребовал я после паузы.

— Как я понял, Усатый кормил тебя «завтраками» по поводу Паши, обещал устроить встречу.

Значит, на этот момент Паша был ещё жив. Я снова ощутил, как по моим венам растекается гнев. Конечно, он ведь знал, кто я, знал, откуда. Значит, именно он и вызвал моих родителей.

— Затем там была какая-то стычка. Когда я позвонил тебе, ты был… там же, где недавно.

— Квартира Кати? — сообразил я, что он имеет в виду.

— Я без понятия, чья это квартира, но да, ты был там. Я тебе позвонил, и мы назначили встречу.

— Погоди, — нахмурился я. — Один момент.

Я вдруг вспомнил слова Кати о том, что ушёл из её дома я тяжело раненный, истекающий кровью. Конечно, там я не мог нигде вылечиться.

— Когда мы встретились, — уточнил я, — в каком состоянии я был?

— В смысле? — немного удивился Дэн. — Трезв, здоров и…

Здоров.

— …в довольно хорошем настроении, даже приподнятом для такой ситуации.

Возможно, просто я уже к этому моменту основательно двинулся по фазе. Все эти театральные жесты на видео, улыбки и кривляния… они не выросли из ниоткуда. И не появились в один момент. Между моментом, когда я вышел из Катиной квартиры, и моментом, когда я добрался до Дэна, было кое-что ещё. Кто-то… кого я поглотил. И это прибавило мне хорошего настроения.

Я предпочёл не думать о том, кто это мог бы быть. Уже не узнаешь; оставалось лишь надеяться, что прошлый-я не дошёл до поглощения невинных людей просто для подпитки.

— Встретились, — продолжал Дэн. — Обменялись информацией. Я дал тебе адреса нескольких людей, которые могли бы знать, где Паша — найти его у меня никак не получалось.

— Даже через камеры? — зачем-то уточнил я, хотя ответ и так был понятен.

— Даже через камеры, — Дэн кивнул. — Но это нормально. Я знаю этих ублюдков, как только где-то что-то пахнет жареным, появляется опасность для них самих — они прячутся и не отсвечивают. Так что я дал тебе адреса, только с одним условием…

Я вопросительно поглядел на него, ничего не говоря.

— С условием, что они не останутся в живых, — кивнул Дэн.

Ага. Ясно, кого мне сейчас благодарить за ведущуюся за мной охоту. Впрочем, я согласился, да и до того сделал для этого много.

— Кто-то из тех, кого ты хорошо знал, — констатировал я.

— Очень хорошо, — подтвердил Дэн. — В общем, два дня… а затем ты пришёл ко мне. Смеялся — истерично, ненормально. Сказал, что так больше не может продолжаться. Что ты… не имеешь права убивать Пашу, если сам становишься таким же, как он. Что чуть не сорвался на невинных людях…

— …и что нужно стереть мне память, — заключил я. — Чтобы я не помнил всего того мрака.

— Да, именно так, — Дэн кивнул. — И мы это сделали. Ты ушёл… Доделать какие-то дела. В полночь я должен был позвонить тебе по телефону. Сказать нужное слово, после которого ты бы ненадолго отрубился и всё забыл.

Он помрачнел.

— Я не учёл двух вещей. Первая — это то, что ты набухаешься. Я об этом узнал слишком поздно — когда вытащил видео с твоего телефона и увидел, что ты наснимал на мосту. А

вторая — что Усатый жив. Я думал, к этому моменту ты уже прикончил его, но…

— Но нет, — закончил я. — И что, это вся история?

— Вся, — Дэн допил колу и встал. — Сейчас нужно решить, что мы делаем дальше. Или продолжаем то, что делали… или ты хочешь уйти.

— Куда я уйду? — возмутился я. — У них мои родители, а я даже не знаю, у кого это конкретно — «у них».

— Я смотрел кадры на твоём телефоне, — походя признался Дэн. — Найдём. Если успеем — найдём живыми.

То, с какой лёгкостью он заявил об этом, покоробило меня. Да уж… кажется, мы с ним прекрасно друг друга понимали. Подросток, видевший столько дерьма, что на десять взрослых хватает, и парень, который большую часть своей жизни смирялся с тем, что он скоро умрёт.

Впрочем, и возразить ему на это мне было нечего — он ведь совершенно прав. Если успеем спасти их, то спасём. Если не успеем…

— Вопрос в том, что ты будешь делать дальше, — Дэн поглядел на меня в упор. — После того, как найдём их.

— Я не хочу сейчас загадывать, — отрезал я, тоже вставая — хотя бы для того, чтобы не смотреть ему в глаза. — Если они живы или если нет — это два очень разных варианта, и поступать я буду по-разному. И я не хочу загадывать, что буду делать, если… опоздаю. Это будет выглядеть, как будто я заранее смирился, что ли.

— Понятно, — кивнул Дэн. — Но если они живы — ты уедешь.

Это был не вопрос, а утверждение. Я же задумался.

Мне чертовски хотелось так и поступить. Найти родителей и уехать. Оставить всё позади, забыть как плохой сон. Поменять имя и город — чтобы меня никто не искал. Просто… жить. Строить планы на будущее — то, чего я не делал уже очень много лет. Работать, учиться, может, полюбить кого-нибудь…

— Я не хочу загадывать заранее, — повторил я. — Давай лучше сосредоточимся на том, что мы делаем сейчас.

Почему я поверил всему, что сказал Дэн? Без понятия. Но мне хотелось уже найти какой-то якорь в море неопределённости, довериться хоть кому-то. Катя на эту роль не подошла. Может, хоть сейчас?

— О Паше по-прежнему никаких известий, — заговорил Дэн после десятисекундной паузы. — Но можно попробовать найти зацепки по твоим родителям. Они ведь не могли раствориться в пустоте.

— Если честно, — поморщился я, — ты бы мог сделать это уже давно.

— Когда? Я узнал о них только когда скачал файлы с твоего телефона, — Дэн пожал плечами. — А потом тебя вытаскивал. Кстати, — он остановился. — Проясни один момент. Откуда ты взял эти файлы?

Ага. Значит, он не знает о КОБР — или прикидывается, что не знает. Я всё же не был настолько наивен, чтобы верить ему до конца.

— Подогнали кой-какие союзники, — заметил я. — Вместе с чашкой кофе.

— Союзники? — впервые за всё время я заметил в его глазах неуверенность, ощущение того, что он чего-то не знает и не контролирует ситуацию.

Ладно. Я вкратце описал ему свою встречу с КОБРовцами, надеясь, что хуже от этого не будет.

— Интересно… интересно, — пробормотал он, но по этим словам сложно было понять, о чём он на самом деле думает и что хочет сделать. — Ладно, пошли. Там на фото есть место, где высаживались твои родители, вот оттуда и начнём.

Он шагнул из кухни; я последовал за ним в комнату. Какое разочарование — здесь не было большого, как в фильмах, компьютера с кучей примочек. Только старый, побитый жизнью ноутбук.

Впрочем, если этого будет достаточно ему для того, чтобы найти моих родителей — то и плевать.

Глава 13

Слова Дэна вертелись у меня в голове, пока я пытался их проанализировать и вместе с тем быть не слишком заметным в толпе. Насколько я могу доверять его словам и инструкциям — это ещё большой вопрос.

Нет, дело не в том, что он может оказаться злобным вражеским агентом, обмануть или предать. Просто его возраст — ещё одна причина задуматься. Каким бы прошаренным хакером он ни был, есть то, чего он… не поймёт.

С другой стороны же, как я уже замечал, он пережил куда больше, чем многие взрослые, да и я сам… тоже мне, строю из себя старшего, хотя той разницы — всего шесть лет.

Ладно. Первая инструкция, по крайней мере, была логичной. «Держись толпы. Эти ребята творят такую дичь, что даже ты представить не можешь, но предпочитают делать это, когда никто не видит. Репутация им важна».

Чертовы корпорации… иллюзия свободы и народного выбора. Они возникли чуть больше ста лет назад, сразу после Мировой Войны, окончание которой сложно было назвать как победой, так и поражением. Окровавленная нация, обломки городов, миллионы погибших. Всё, что у нас было в тот момент — это национальная гордость, покрытая руинами территория, которая осталась за нами — куда меньше, чем та, на которую мы претендовали, но куда больше, чем та, на которую претендовала Империя — и люди, прошедшие войну.

Кто-то говорит, что это был единственный шанс на выживание, кто-то — что умный бизнес-план. Сейчас уже не поймёшь. Первые корпорации назывались «Бригадами мира», и занимались они восстановлением жизни в её нормальном русле. «Бригадиры» — будущее корпоративные боссы — собирали под своим крылом лучших пробуждённых и непробуждённых, использовали их таланты для всего подряд. «Бригады мира» отстраивали заново города, разыскивали пропавших родственников, налаживали поставку питания туда, где с этим было трудно, брались за любую работу, которая облегчала жизнь населению.

Наверное, власти следовало бы обратить на это внимание, но они были только рады спихнуть на кого-то свои обязанности — их самих в тот момент больше волновали политические договорённости и подсчёты взаимных обид с Империей.

А «Бригады мира» росли и крепли. Люди доверяли им куда больше, чем властям — потому что они делали куда больше

реально ощутимого, чем власти. Многие вступали в бригады — тогда не было столько пробуждённых, но даже обычный человек может многое, если он прошёл войну.

Так что власть «Бригад»… тоже росла.

И дорослась. Я бросал взгляды по сторонам. Кафе. Принадлежит корпорации «Бикфорд». После войны Антон Бикфорд занимался поставкой продуктов. Сейчас его наследники крепко держали под собой этот бизнес.

Вход в метро. Корпорация с красивым именем «Фрегат» налаживала сообщение между разрушенными городами, своими силами чинила трофейные автомобили, разве что не на телегах людей возила. Теперь ей принадлежат все виды общественного транспорта.

Яркая вывеска магазина мобильных телефонов. Ну, тут два варианта. Технические новшества — стезя корпораций «Антек» и «Свет».

Сейчас меня интересовала корпорация «Сато». Именно на них работал Усатый, и именно в принадлежащее им здание увезли — согласно найденному Дэном видео — моих родителей.

У «Сато» не было ни кафе, ни магазинов. Когда-то, сто лет назад, приехавший из Азиатского Конгломерата Рюдзи Сато не разбирался ни в еде, ни в перевозках, зато был отличным разведчиком. В войну он служил добровольцем в наших войсках, дослужился до полковника разведки, а затем предпочёл уйти со службы.

«Сато» были королями информации. Официально это означало СМИ — бумажные, электронные, радио и телевидение. Неформально это означало ещё и тотальный сбор информации отовсюду и обо всех.

Здание, которое я увидел на видео, не было ни редакцией, ни телестудией. Моих родителей привезли в один из офисов «Сато», и это было последним кадром, который попал на уличные камеры. Кстати, камеры эти — тоже собственность «Сато», хотя у полиции и КОБР и есть право пользоваться отснятым материалом.

Проникнуть в офис тех, кто всё знает о разведке и конспирации, найти в огромном небоскрёбе двух людей, вывести их оттуда и переправить в безопасное место… Теперь я более-менее знал, что было на прошлой неделе. Увы, легче от этого не стало.

На руку нам играло только одно: людность нужного места. Как Дэн и сказал, корпорации заботились о своей репутации, и они не рискнут устраивать бойню на глазах у всех.

Наверное.

Тем не менее, моя миссия была бы самоубийственной, если

бы не ещё два момента. У Дэна оказались не только пароли от камер внутри здания, но и «свой человек внутри». Откуда и в какой момент он взялся, насколько был надёжен? Могу ли я вообще доверять Дэну, или всё, что он рассказал — выдумка от и до, а если правда, то сильно искажённая?

Ответа не было. Но одно было абсолютной правдой: мои родители так и не доехали до гостиницы, потому что их «вежливо попросили» сесть в машину и привезли сюда. А значит, я в любом случае направляюсь сюда.

Когда до моей цели оставалось квартала три, я достал из кармана телефон. Ещё там, в квартире у Дэна, он подчистую удалил с него все старые сообщения, и сказал, что в случае чего удалит и новые. Значит, можно писать.

«За мной не следят?»

Я замедлил шаг, дожидаясь ответа — и тот пришёл быстро.

«Следят. Здесь следят за всеми. Но за тобой пока не следят отдельно. И не паникуй».

Что ж, в этом пацан тоже прав. Если я начну нервничать, бояться, переживать, что что-то не получится — то пиши пропало. Только уверенность — и вперёд.

Вверх по ступенькам. Вместе со мной заходят ещё десятки людей — с самыми разными целями. Ни у кого из них на входе не спрашивают документов, но это не повод расслабляться. Просто корпорация «Сато» заранее знает о них всё, что могли бы поведать документы.

О большинстве из них. Что «Сато» узнают обо мне? Вот и посмотрим. Надвинув ниже на лоб дурацкую кепку с республиканских гербом, я захожу внутрь.

Народу много, но толкучки нет. Больше всего помещение напоминает холл большого отеля — светлая отделка, высокие потолки, колонны. Что ж, главное сейчас — вести себя естественно. Я вспоминаю инструкцию от Дэна. «Отойди вправо от входа, к автомату с кофе. И дождись, пока с тобой заговорят.

Ладно, будем надеяться, «его человек» заговорит со мной раньше, чем какой-нибудь охранник поинтересуется, чего я жду и почему у всезнающей корпорации «Сато» на меня не хватает данных. Это в том случае, если их действительно не хватает, а если вдруг они есть…

— Добрый день, — молодой парень, чуть за тридцать, в совершенно неподходящих ему роговых очках, быстро подошёл ко мне. О, вот он сильно нервничал, сильнее, чем я за всё время. Пот так и лился с него. — Вы И-иван?

Я молча кивнул.

— Вам за мной, — он развернулся и махнул рукой, в которой

держал зажатой какую-то папку.

Ладно. Надеюсь, я об этом не пожалею. Направившись за ним, я обернулся, но, кажется, никто из охранников в холле не смотрел на меня.

Я в корпорации «Сато». Не забывать. Эти охранники — так, видимость, настоящие глаза смотрят за мной через камеры… и я надеялся, что Дэн знает, что делает.

Впрочем, шли мы недолго. Пара коридоров, несколько поворотов — и вот мы уже в закутке размером с туалет, половину которого занимает огромный копировальный аппарат.

— У нас мало времени, — обернувшись по сторонам, парень положил на ксерокс свои бумажки и принялся делать копии. — Что именно вам нужно?

Ну, на этот счёт Дэн тоже проинструктировал меня исчерпывающе.

— Сектор В, — отрезал я. — Мне нужно попасть туда, и не под камеры.

— Что?! — глаза парня под очками расширились ещё больше. — Нет, я не договаривался на это. Кое-что я могу сделать, но не сектор же В, там охрана и…

Я скептически приподнял бровь, соображая, что же делать дальше. Кажется, «свой человек» оказался не таким уж своим. Сейчас он скажет «мне нужна эта работа»…

— Попросите что-нибудь менее опасное! — он глядел на меня вымученно. А затем в тесном помещении пиликнул телефон.

Машинально я потянулся за своим аппаратом, и только потом понял: сообщение пришло ему. Он выхватил телефон из кармана так резко, будто его ужалила оса, и с настоящим ужасом уставился на экран. Секунд десять неподвижности — только пот принялся катиться по его лицу чуть интенсивнее — и он кивнул.

— Х-хорошо. Идёмте за мной.

Схватив только вышедшую из принтера копию, он смял бумажный лист и вытер им лоб; затем, даже не потрудившись забрать свою папку, он вышел наружу.

От Дэна ему пришло сообщение? Или от службы безопасности корпорации «Сато»? «Веди его сюда». Ладно, у меня всё равно нет других вариантов.

— Снимите кепку… пожалуйста, — попросил меня парень, заворачивая за угол. Навстречу нам шли несколько сотрудников в офисных рубашках; они покосились на меня со скучающим видом, но и только. Я пожал плечами и снял кепку. Да уж, пожалуй, маскировка так себе, а здесь, в офисе, она только внимание привлекает.

— Вам понадобится халат и гостевой пропуск, —

пробормотал парень в очках скорее сам себе, чем мне. — Я… ладно, попробуем.

Он ускорил шаг, и вскоре мы вышли к раздевалке, увешанной белыми халатами, рабочими спецовками и прочими вещами.

— Возьмите халат и маску, — махнул рукой парень. — А я за пропуском. Там… вам лучше не показываться.

Он продолжал страшно потеть, хотя здесь, в глубине здания, было даже прохладно. Закрыв за мной дверь, он вышел, а я задумался.

Ушёл он делать пропуск, или же звать охрану? И не нужно утешать себя ложью, что «если бы меня хотели схватить — есть более лёгкие способы». Нету. Я слишком опасен, чтобы просто останавливать меня, и они это знают.

Ладно. Быстро накинув на себя халат — оставалось только надеяться, что уж в этой-то одежде жучков нет, хотя надежда была довольно слабой — я достал телефон.

«Это ты ему писал?»

Ответ пришёл тут же, через две секунды.

«Да».

Уже легче. По крайней мере, шанс, что меня заманивают в ловушку, стал меньше… ненамного. Я нашёл маску и, нацепив её на лицо, стал вспоминать, что же говорил мне Дэн о секторе В.

У каждой корпорации есть своя направленность — то, что составляет её основной вид деятельности. Есть также более мелкие дела. И есть то, что скрыто от глаз людей, хотя городских легенд и слухов об этом ходит много.

В конце концов, главный актив любой корпорации — это пробуждённые. Важно их количество, важно их качество. Именно корпорация «Свет» в своё время произвела настоящую революцию, представив магическую технологию, позволяющую пробуждать большинство населения.

Сектор В означал ту часть корпорации «Сато», которая занимается наиболее важными — и достаточно секретными — делами. Что я увижу? Может, офис неофициальной спецслужбы, более могущественной, чем КОБР и УБИ вместе взятые. Может, какие-то научные лаборатории, где экспериментируют с силами и способностями пробуждённых. Завод по производству артефактного оружия. Да что угодно, вплоть до храма древних тёмных богов — в Сети встречались и не такие легенды, и сейчас, после всего случившегося, я не был уверен, как раньше, что это просто плод чьей-то больной фантазии.

И только одно я знал точно — то, что мне сказал мне Дэн перед самым уходом. Здесь, во внутренних помещениях, он может как-то контролировать ситуацию и вмешиваться. Но когда я

попаду в сектор В — он не сможет сделать ничего: ни получить доступ к камерам, ни связаться со мной или ещё кем-то. Я буду предоставлен сам себе.

Шаги. Я напрягся, но тут дверь распахнулась, и на пороге предстал всё тот же парень.

— Вот, — он быстро протянул мне маленький пластиковый прямоугольник. — Это ваш пропуск в сектор В. Сейчас я покажу, куда идти, но вместе с вами не пойду. И… буду рад, если вы не будете нигде упоминать о нашей встрече.

— Само собой, — я взял карточку и посмотрел на него. Фотографии нет, имя и фамилия чужие. Ладно, допустим — не буду уточнять, как именно он её раздобыл. — А…

— Никаких вопросов, — парень поднял обе руки вверх. — Я и так рискую. Очень сильно рискую. Я был в секторе В пару десятков раз и мельком, и я не знаю, что вы там ищете, и совершенно не хочу знать. Просто идите уже.

Превосходно. Придётся всё определять по ходу действия… но и это лучше, чем ничего. Я молча вышел и направился за ним.

На этот раз мы шли долго. По пути попадались разные люди — коридоры вовсе не были пусты. Я шёл спокойно, как будто так и нужно — близость к смерти учит хладнокровию, и сейчас я был очень рад этому умению. А вот мой провожатый каждый раз напрягался, как будто боялся, что любой встречный накинется на него или начнёт громко звать охрану.

Как бы там ни было, нас никто не останавливал — ни для проверок, ни по другим причинам. Либо корпорация «Сато» была действительно всезнающей… либо слишком привыкла ко своему всезнанию и расслабилась.

— Туда, — наконец, он ткнул рукой в сторону поворота. — Только маленькая просьба. Подождите десять минут.

— Зачем? — я покосился на него.

— Чтобы я успел отойти. Если вдруг что-то пойдёт не так… не хочу быть рядом.

— А как же камеры? — не удержался я от вопроса. — Разве информация о том, что мы шли одним маршрутом, не зафиксирована на них?

— Зафиксирована, — кивнул он. — Но… наш общий знакомый обещал помочь с этим.

Как именно помочь? Что он задумал? Я понимал, что вопросы задавать бесполезно. Ладно, допустим.

— Хорошо, — согласился я. — Десять минут не обещаю — не хочу выглядеть подозрительно, стоя столбом на одном месте — но буду идти туда как можно медленнее.

— Спасибо, — парень в очках в последний раз кинул на меня

взгляд — и, развернувшись, быстро пошёл назад. Даже слишком быстро для того, кто не хочет привлекать внимания.

Я же, как и обещал, тронулся вперёд — но, напротив, довольно медленно, вышагивая так, будто я был не в коридоре одной из крупнейших и могущественнейших корпораций столицы, а на прогулке в парке.

Никогда не любил прогулки. Через две минуты такой ходьбы я плюнул и направился к повороту нормальным шагом.

При виде проходного пункта и трёх вооружённых артефактным оружием охранников моё сердце рухнуло куда-то вниз, но я старался не подавать виду. Пускай. Если всё получится — хорошо, если нет… придётся импровизировать и, возможно, пустить в ход свои способности. Мне очень не хотелось снова прибегать к ним, но если кто-то встанет между мной и родителями и это будет единственным выходом, я не дрогну.

— Пропуск, — устало и монотонно потребовал один из охранников. Кажется, за день мимо него проходило множество таких людей. Он даже смотрел не на меня, а на монитор своего компьютера.

Я протянул было ему пропуск, но буквально в последнюю секунду увидел аппарат, к которому его нужно было прикладывать. Вот дурак!.. Хорош бы я был, если бы продемонстрировал, что не знаю, что делать с пропуском.

— Гостевой… — меланхолично кивнул охранник. — Имя, фамилия и цель визита?

Прекрасно. На эти три вопроса ответ я знал — благодаря всё тому же Дэну. Подозревал я его или нет, но всё-таки помощь подростка была поистине незаменима… если, конечно, это действительно помощь, а не какая-нибудь ловушка.

— Максим Шинаров, проект «Химера», прибыл для участия…

— Достаточно, — охранник наконец-то оторвался от экрана и поглядел на меня. — Молодой человек, не нужно так кричать. Особенно упоминая какие-то названия.

Он нажал пару кнопок на своём компьютере и прокомментировал:

— Вам направо, к лестнице, затем на один этаж вниз. Найдёте кабинет доктора Михайлова, а там вам всё скажут.

— Хорошо, — кивнул я. — Спасибо.

Изобразить волнующегося человека было не сложно — в этот момент я и был волнующимся человеком. Турникет щёлкнул, давая мне пройти — и я оказался на территории сектора В.

Глава 14

Вошёл. Массивные двери закрылись за моей спиной, и я ощутил, как по телу пробежала дрожь.

Теперь — по инструкции всё того же Дэна — куда угодно, только не туда, куда меня направили. Слишком велик шанс, что деятельный охранник уже сообщил доктору Михайлову, что к нему направляются, и тот ждёт меня. Я огляделся.

Коридор шёл в обе стороны, и, кроме той двери, что осталась за моей спиной, больше дверей я не увидел. Камеры? Наверняка, они тут повсюду; без них «Сато» не были бы сами собой. Рано или поздно кто-нибудь заметит шляющегося по коридорам лаборанта в маске, а значит, у меня не так уж много времени.

Слева раздались быстрые шаги. Нет уж, чем меньшему количеству народу я попадусь на глаза — тем лучше; идём направо, к лестнице — как меня и послали. Только не на этаж вниз, а, скажем, на три.

Коридор был пуст — не считая шагов позади меня, здесь не было ни души. Зато стоило мне подойти к лестнице, как оттуда навстречу шагнула девушка в таком же, как у меня, халате.

Я еле удержался от того, чтобы вздрогнуть, но она прошла мимо, даже не покосившись на меня. Чёрт. Спокойнее надо быть, а не бледнеть от каждого шороха, как мой знакомый потный очкарик. Пока я двигаюсь уверенно и быстро, даже на камерах меня сложнее отличить от тех, кто находится здесь по праву.

Вниз. Пролёт, ещё пролёт… на третьем я неожиданно поравнялся со старичком в халате, медленно бредущим вниз. Одной рукой он опирался на трость, другой — держался за перилла, и вообще, судя по виду этого деда, ему давно пора было на пенсию.

— Роман? — он обернулся на меня и расплылся в улыбке. — О, это вы. Какая радость. Поможете мне дойти до атриума?

Я хотел было проскочить мимо, помотав головой, но старик уже успел вцепиться мне в локоть. Ладно… если вдуматься, это даже лучшая маскировка, а откуда начинать свои поиски, мне пока всё равно.

— Ромочка, — продолжал бормотать старик. — Вы рано вернулись из отпуска. Сегодня же только… а какое сегодня?

Я не прерывал его мыслей, только осторожно вёл вниз. Он и не возражал, продолжая бормотать себе под нос.

— Ну, ничего, это хорошо. Вчера ночью мы перешагнули через рубеж в десять тысяч, и компьютер начал барахлить; работать работал, но были небольшие опасения. Сергеенко даже

предлагал вызвать компьютерщика из другого сектора, но мы сочли, что риск того не стоит. Переждём до утра, а там кто-нибудь исправит…

Мы уже миновали четвёртый пролёт вниз, когда мимо нас быстро прошёл мужчина в костюме и чёрных очках. Он мельком взглянул на нас, неразборчиво поздоровался — и направился вниз.

— …хотя не знаю, — старик продолжал свои излияния, даже не обратив на него внимания. — Уже за полдень, может быть, коллеги успели вызвать кого-нибудь…

— Простите, — наконец, решил обратиться к нему я. — Куда вам было нужно?

Если я заведу его куда-нибудь не туда — он всё-таки заметит, а это чревато для меня.

— Рома… Так вы не Рома? — он наконец-то поглядел на меня. — Ох… простите старика великодушно, а…

— Ничего, — я мотнул головой. — Вы говорили, вам нужно…

— В атриум, — кивнул он. — Минус шестой этаж и налево.

Покачав головой, он, кажется, тут же забыл про несостыковку и про то, что я — не неизвестный мне Рома.

— Мы вычислили десять тысяч, — вздохнул он, когда я поворачивал с ним налево на минус шестом этаже. — Десять тысяч, представьте себе, юноша! А он уже барахлит. Впереди ещё восемь миллиардов, девятьсот девяносто девять миллионов и девятьсот девяносто тысяч. Конечно, мощности постоянно обновляются, а до цели ещё, может быть, несколько сотен лет, но… А, вот мы и пришли. Спасибо, огромное спасибо!

Он крепко — как мог в своём возрасте — пожал мне руку, лучезарно улыбнулся и направился вперёд. Стоя на месте, я глядел, как он выходит на балкон, опоясывающий нечто… колоссальное.

Оставаться незаметным тут было сложно — всюду сновали люди. Но почему-то они казались муравьями, ползающими в глубоком овраге — именно такое сравнение приходило на ум.

Пропасть уходила вниз, наверное, на несколько сотен метров. Ярус, на котором мы стояли, был одним из верхних — зато внизу были видны десятки таких же колец-балконов, застеклённых и нет, соединённых точками лифтов и полосками лесенок, заполненных снующими людьми в халатах, в костюмах, в костюмах химзащиты, в робах…

Чем они тут занимаются? Я медленно двинулся по кругу — в сторону, противоположную от той, куда направился старик. Вроде бы, с той стороны было меньше людей, и можно оглядеться. Дно пропасти было вовсе не чёрным — нет, там виднелось что-то… то

ли белое, то ли ярко-радужное, настолько яркое, что весь возможный цветовой спектр сливался в это единое белое сияние.

Чёрт. Мне пришлось насильно напомнить себе, что я ещё в городе, более того — довольно близко к центру, в подвале здания, мимо которого прямо сейчас проходят сотни людей; что где-то неподалёку отсюда — хотя и выше, чем дно этих раскопок — бегут поезда самого глубокого в мире метро…

«ТЫ ВЕРНУЛСЯ».

Голос прозвучал в моей голове, а одновременно с ним, как запуск ракеты, рванула вверх беззвучная вспышка. То сияние, что теплилось на дне пропасти, хлынуло сюда со страшной скоростью.

— Быстрее! Быстрее! — заорал кто-то на пару этажей внизу. — Фиксируйте, быстрее!

«ТЫ ЧТО-НИБУДЬ РЕШИЛ?»

Эээ… Не нужно быть гением, чтобы сообразить: голос обращался ко мне. Женский, отстранённый и безэмоциональный, он звучал прямо в моём черепе — а я понятия не имел, о чём он говорит.

«Эээ…» — я попытался обратиться к голосу так же мысленно, как и он ко мне. — «Знаешь, для решения нужно больше времени…»

Вспышка — а точнее, устойчивое свечение — стало таким ярким, что вокруг невозможно было что-то увидеть. Я попятился назад и наткнулся на стену — как раз вовремя, чтобы пропустить кого-то, кто пронёсся мимо меня…

«Я ВИЖУ», — согласился голос. — «ВИЖУ, ТЫ МНОГОЕ ЗАБЫЛ. ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОБДУМАТЬ».

«Может быть», — я нервно оглянулся по сторонам, но всё равно никого не увидел, — «если бы вы объяснили мне то, что я забыл…»

«НЕТ ВРЕМЕНИ», — ответил голос. — «ЕСЛИ БЫ ТЫ РЕШИЛ — ВСЁ БЫЛО БЫ БЫСТРО. НО ОБЪЯСНЕНИЯ ДОЛГИ».

А затем — свечение покатилось вниз, так же быстро, как до этого росло вверх. Добравшись до дна пропасти, оно затихло там — ещё сильнее, чем прежде, и только чуть мерцало внизу. Казалось, стихло только что бушевавшее явление природы, огромное и величественное.

Зато люди и не думали стихать. По балконам-галереям носились люди в халатах, что-то кричали друг другу, пищали какими-то приборами… Похоже, наш короткий разговор с этим… чем бы то ни было… произвёл огромный фурор. Я попятился назад, пытаясь сообразить, куда же мне лучше направиться…

— Оно реагирует на вас, молодой человек, — раздался сзади

голос. — Вы чем-то ему нравитесь.

Чёрт, опять! Я резко обернулся.

Передо мной стояли трое — два очевидных телохранителя и ещё один человек. Едва за тридцать, с типично азиатским лицом и желтоватой кожей, он тонко улыбался мне. Костюм на нём был дорогим, безумно дорогим — это распознал бы даже дилетант. Слишком дорогим для… кого бы то ни было.

— Удивлены, — он не спросил, а просто констатировал. — А я люблю удивляться.

Он прошёлся вперёд — телохранители остались неподвижны — и опёрся на ограждение атриума.

— Если ты удивляешься, говорил мой отец, значит, ты узнал что-то новое. А если ты узнал что-то новое, значит, ты стал сегодня сильнее.

— Мы… знакомы? — я поднял бровь. Партия явно была проиграна, но я хотя бы мог сохранить лицо.

— О, нет. Очно — нет, — мужчина улыбнулся. — Но я хотел познакомиться с вами, Иван. Меня зовут господин Сато. Сато Рюдзи, или Рюдзи Сато, если на местный манер.

— Наследник… того самого? — уточнил я, снимая бесполезную маску.

— Зачем опускать ставки? — качнул головой парень. — Тот самый.

— Сто лет?! — вырвалось у меня.

— Сто сорок четыре, вообще-то, — довольно улыбнулся Сато. — Много, слишком много людей ищут способ не умереть, боясь смерти.

Он распрямился и двинулся вперёд.

— Идёмте за мной, молодой человек. Я всё расскажу вам по пути, это довольно интересно.

Кажется, у меня не было выбора, так? Обернувшись, я увидел ещё троих телохранителей, подошедших сзади. Да, выбора не было. Ладно, я двинулся следом за Сато.

— Все так боятся смерти, — продолжал азиат, медленно чеканя шаги. Я заметил, что атриум впереди нас был абсолютно чист, как будто суматоха внизу этого яруса не касалась вовсе. — И никто, почти никто не хочет с ней подружиться. Все хотят победить её, обмануть…

— Смерть нужно принимать как данность, — заметил я, когда он сделал паузу. Слова, которые мне с детства много раз повторял отец. — Можешь изменить — меняй, не можешь — прими.

— Вот! — Сато обернулся и поднял палец. — Я не зря надеялся на нашу личную встречу, Иван. Золотые слова.

Насколько я изучил ваше прошлое, вы как раз из тех, кто сможет меня понять.

— И всё-таки вы обманули смерть, — возразил я. — Для ста сорока четырёх вы прекрасно выглядите.

— В том-то и дело, что нет, — покачал он головой. — Это техника управления собственным духом — Фэнхуан. Не нужно бежать от смерти. Нужно просто… умереть.

Я непонимающе поглядел на него.

— И вновь родиться, — кивнул он. — Так я и живу. Рождаюсь в полночь, умираю за минуту до полуночи. Или раньше — в некоторые дни. Иногда неудобно, но… зато я здесь.

— И зачем вы мне это говорите? — уточнил я.

— Ну, во-первых, ради приятной беседы, — ответил Сато. — А во-вторых, чтобы вы оставили ненужные мысли воспользоваться своей силой.

— С чего вы взяли, что я думаю об этом?

— Бросьте. Вы думаете об этом. Но, во-первых, даже если я и умру, то ровно до полуночи, а во-вторых, следом умрёте вы — если эти галереи чем и удобны, так тем, что в них легко спрятать снайпера.

Я машинально обернулся — а Сато, как ни в чём не бывало, продолжал.

— Так что не пытайтесь. На мне ваша сила просто не сработает, а телохранители, в сущности, просто работники, выполняющие свои обязанности. Вы можете убить их. Но едва ли хотите.

— А те, кто посещал сожжённый клуб на улице Объединения? — уточнил я. — Они тоже просто выполняли свои обязанности?

— Нет, — покачал головой Сато. — Но пока обязанности оставались для них на первом месте, я глядел и продолжаю глядеть сквозь пальцы на их досуг. Хорошие специалисты на дороге не валяются. Прошу!

Мы дошли до маленькой двери; Сато сделал жест рукой, пропуская меня вперёд. Ладно… допустим. Хуже уже не будет, и я шагнул внутрь.

Очкастого типа держали двое — и выглядел он плохо. Весь в крови, с кляпом во рту; очков, разумеется, на нём не было…

— А вот наш знакомый — далеко не самый способный работник, увы, — вновь заговорил Сато за моей спиной. — Зато самомнение большое, и желание красивой жизни не подвело. Старшие по званию товарищи пару раз брали его с собой в… клуб на улице Объединения, как вы его назвали. Вот только они слишком умны, чтобы один наш знакомый мог их шантажировать.

А он, увы, нет.

— Значит, он всё-таки действовал не по вашей указке, — отчего-то это показалось мне смешным.

— Да, наверное, я мог бы приказать проводить вас сюда, Иван, — кивнул Сато, улыбнувшись. — Но зачем, если вы всё сделали за меня?

Он махнул рукой. Избитый тип замычал, но уже через секунду крик оборвался — из перерезанного горла на пол хлынула кровь. По счастью, мы стояли достаточно далеко, чтобы она нас не забрызгала, но зрелище малоприятное. Впрочем, если сказанное Сато — правда, то туда ему и дорога.

— Здесь нет вашего снайпера, — задумчиво заметил я. — Двери закрыты.

— Верно, — согласился Сато. — И если вы выйдете через эти закрытые двери раньше меня, то будете застрелены. Вы же сами ничего ему не сделаете — для этого нужен зрительный контакт. Как видите, я прекрасно знаю, как работает ваша способность.

Какой сюрприз. Даже я сам еле-еле овладел ей, а он — прекрасно знает.

— Ради чего вы привели меня сюда? — пора было заканчивать с этим цирком. — Вербовать? Прикончить, как прикончили его?

— Кое-что показать, — тонко улыбнулся Сато. — И вы на это кое-что посмотрели. Наверное, мне не стоит вас больше задерживать.

— Вы… что? — не поверил я.

— О, это не последняя наша встреча, — он распахнул двери и вышел наружу; я шагнул за ним, а следом вышли и телохранители. — Я слышал, вы получили пригласительный на одно закрытое мероприятие. Сегодня вечером. Я буду там, Иван — буду ждать вас, и мы поговорим о многом.

— О моих родителях, например?

— Они живы. Пока, — кивнул он. — И находятся в надёжном месте. Вы проникли сюда в первый и последний раз, Иван, и поверьте — лучше не пытаться повторить этот фокус. А об остальном поговорим вечером.

— Вечером, — кивнул я. — Хорошо.

— Насчёт каких-нибудь инцидентов — не беспокойтесь, — Сато вновь подошёл к ограждению. — До вечера вас никто не тронет, и даже не будет следить за вами. Подготовьтесь к мероприятию должным образом. Я очень жду вас на нём и… буду огорчён, если вы не явитесь.

— Я приду, — возразил я. Приду, куда я денусь. И не только потому, что, судя по прозрачному намёку, если я не сделаю этого

— на меня тут же возобновится охота. Но и потому, что он знает, где мои родители.

— Тогда до встречи, — заявил Сато. — Сергей, проводи нашего гостя наружу.

Один из телохранителей кивнул и, молча махнув мне рукой, быстро направился обратно по коридору туда, откуда мы пришли; Сато же так и остался стоять у ограждения атриума, любуясь сиянием внизу.

Его слова крутились у меня в голове всю обратную дорогу — благо, Сергей не пытался со мной заговорить, да и по пути нам «чудесным образом» никого не встречалось. Да уж, господин Сато, бессмертный, перерождающийся и всезнающий, производил впечатление.

И всё-таки кое-чего он точно обо мне не знал.

«Вы проникли сюда в первый и последний раз». Не в первый, это точно — то, что обратилось ко мне в атриуме, уже один раз со мной говорило. И совершенно невозможно, чтобы Сато не был об этом осведомлён.

Значит, он в курсе о моей стёртой памяти. В курсе, что я не помню о первой встрече — и желает создать у меня впечатление, будто её никогда и не было.

О чём он не в курсе, так это о том, что «оно», чем бы оно ни было, не просто «реагирует на меня». Он не в курсе, что оно говорило со мной. Осталось лишь разобраться, что оно такое и чего оно от меня хочет.

Сергей вывел меня обратно по лестнице, затем — мимо проходной с охраной. На этот раз она была пуста, как и коридоры с офисными помещениями, по которым я проходил до этого. Всё здание как будто вымерло. Лишь доведя меня до выхода в общий холл, Сергей наклонил голову.

— Всего доброго, — прогнусавил он. — Приятного вам дня.

— И вам того же, — мрачно кивнул я. Хорошенький вышел визит, ничего не скажешь…

С другой стороны — могло быть и хуже. И, в конце концов, у меня остался козырь — разговор с сиянием.

Выйдя из здания, я направился прочь от него — просто как можно дальше, и всё тут. Сато, конечно, сказал, что за мной не будут следить, но я скорее поверю в Деда Мороза, чем в это. Конечно, за мной следят. И конечно, они попытаются прочесть мою переписку.

Ладно. Будем надеяться, Дэн учтёт это и не станет писать ничего такого, что не должно попасть к нашим врагам. Отойдя на шесть кварталов от высотки корпорации «Сато», я достал телефон.

У меня было множество вопросов.

Глава 15

Так. Ладно. Прежде, чем задавать какие-то вопросы, лучше бы мне было присесть — переписываться на ходу было попросту неудобно. Оглянувшись по сторонам, я заметил на противоположной стороне дороги ограду какого-то парка. Прекрасно, там наверняка найдётся скамейка.

Конечно, пока я сижу на одном месте — за мной легче следить. Но после всех событий этого утра я не тешил себя надеждами. Если уж даже Дэн — тринадцатилетний пацан — с лёгкостью отслеживал меня по камерам и моему же телефону, то корпорация «Сато» с их многолетним опытом и колоссальными возможностями должны знать обо мне всё и каждую секунду, кроме, разве что, моих мыслей — и то не факт.

И кроме содержимого этого телефона. Дэн клялся, что он непроницаем ни для «Сато», ни для кого-то ещё. Сомнения раздирали меня на части, но вариантов не было; поэтому, усевшись на скамейку, я набрал большими буквами:

«ЧТО. ЭТО. БЫЛО?»

Ответ пришёл секунд через пятнадцать-двадцать. Новое видео, без номера. Просто чёрный экран на заставке. Хорошо, что я захватил из квартиры Дэна наушники.

Чёрный экран сменился мной самим, стоящим в каком-то… что это за помещение? Металлические стены, ни малейшего намёка на окна. Я-прошлый заговорил, и каждое слово отражалось от этих стен гулким эхом.

— Если ты смотришь это видео, значит, ты побывал в корпорации «Сато» и у тебя остались вопросы. Дэн не знает, о чём этот ролик — если, конечно, не посмотрел его самовольно. Ну а ты, если побывал там и у тебя остались вопросы в духе «Что это было» или «Что за хрень только что произошла», говорил минимум с двумя.

На этот раз я из прошлого был серьёзен, не корчил рож и не играл на камеру. Он просто стоял, не двигаясь и глядя прямо в объектив.

— У тебя был разговор с Силой. И разговор с Сато — или кем-то из его заместителей, но скорее с ним самим. Старик любит делать все важные вещи самостоятельно.

Пауза. Я ловил каждое слово, пытаясь понять, что со мной только что происходило.

— Начнём с того, что важнее — с Силы. Это она. Не знаю, какой облик она приняла на этот раз, но это Сила. То самое, что даёт пробуждённым-воинам возможность эффективно драться и

швыряться файерболами, магам — изменять законы физики, целителям — исцелять, а нам с тобой — поглощать и отдавать жизненную энергию. Когда ты пробуждаешься, то получаешь частичку Силы. Но мало кто задумывается о мыслях самой Силы.

Он покачал головой.

— А в мыслях этой дряни — кромешный угар и мизантропия. Даже не пытайся снова вступить с ней в контакт, а если это случайно произойдёт — отмазывайся, заканчивай разговор как только сможешь и вали. Серьёзно. Она может предложить тебе всякое, и — какая ирония — может даже выполнить свои обещания. Но это того не стоит.

Он улыбнулся — впервые за всё видео.

— Но если тебе всё-таки не повезёт, и ты что-то ей пообещаешь — даже мысли не допускай о том, чтобы её обмануть. Это будет худшим решением, что ты когда-либо принимал.

Ладно, охотно верю. Что может сделать чокнутая, ненавидящая (по словам меня же) сущность всепланетного масштаба, являющаяся источником всех сил, если её разозлить… едва ли у меня хватит фантазии это представить.

— Ну, а теперь про Сато, — продолжил я-прошлый. — С ним всё проще. Он тип мутный с сомнительными методами, а цели его мне неизвестны, но он делец. И к тому же с определённым кодексом, чести не чести, но каких-никаких правил. Злить его — последнее, что тебе нужно, но если он тебе что-то пообещает — значит, так и будет. А если чего-то потребует взамен — то, как и с Силой, лучше тебе его не обманывать.

У меня перед глазами снова возникла картинка, где типу в очках перерезали горло. Лицо, искажённое болью, кровь, хлещущая из открытой раны на пол маленькой симпатичной комнатки… Конечно, он полностью заслужил это. Но всё равно я-прошлый прав: Сато лучше не обманывать.

— Пользуйся этим знанием, — заключил я-прошлый. — Помни, что Сато — не отморозок, но он куда опаснее всех отморозков, вместе взятых. А Сила… она просто не человек и даже не что-то близкое. Трудно понять логику настолько чужеродного разума.

Конец видео. Я вытащил наушники и спрятал их в карман. На видео так и не было сказано, о чём же меня спрашивала Сила, о чём таком я обещал ей подумать… И почему-то меня не отпускало ощущение, что я-прошлый намеренно умолчал об этом, чтобы уменьшить шанс на мой новый с ней контакт.

Зато кое-что ещё может принести мне пользу. Если Сато что-то пообещал мне — значит, он выполнит своё слово, а это значит…

…до вечера — до самой новой встречи с японцем — я неприкосновенен. Полагаю, его «вас не тронут» распространяется не только на его собственных людей, но и на другие корпорации?

Я встал со скамейки. Пора нанести визит тем, чьё имя мелькает в КОБРовских бумагах чаще всего — корпорации «Бикфорд».

Мои пальцы замерли над телефоном… но затем я сунул его в карман. Дэн и так увидит, что я куда-то иду, а я со своей задачей справлюсь и без него.

Я понятия не имел, что собираюсь там найти. Но точно знал, что то, что я там найду, в очередной раз всё перевернёт с ног на голову. Другого такого шанса у меня могло не быть, и я направился к ещё одной многоэтажной постройке.

Первые три этажа штаб-квартиры «Бикфорда» были отведены под то, чем они занимались. В их владении было несчётное количество забегаловок, вроде той, где я встретил Катю, две сети фаст-фуда и три сети супермаркетов, но у себя «дома» они располагали самое лучшее. Первый этаж был отведён под ресторан «Бикфорд» — наверное, лучший ресторан Республики — а второй и третий содержали в себе элитный фирменный магазин. Выше располагались офисные помещения, администрация и всё такое.

Дэн отреагировал раньше, чем я добрался до места. Телефон пиликнул, и я увидел новое сообщение.

«И куда ты идёшь?»

«Увидишь на месте», — ответил я. Всё же я ещё не до конца доверял Дэну, к тому же, я не хотел, чтобы он меня отговаривал.

Открыв на телефоне галерею, я принялся листать досье КОБРа. Увы, атаковать кого-либо я не могу, иначе что-то мне подсказывало, что гарантии Сато потеряют свой вес. Но прийти и задать вопрос? О, да, это я могу.

Тарас Гульбенко. Руководитель финансового отдела «Бикфорда», миллиардер и любитель маленьких девочек. Или мальчиков — на чёрно-белом кадре с камеры было не очень понятно.

Владимир Абрамов. Помощник руководителя юридического отдела «Бикфорда». Этот предпочитал уже совершеннолетних девушек. Что именно он любил с ними делать и почему после его пристрастий их приходилось — это было видно на кадре — выносить в чёрных мешках, это другой вопрос.

Ираклий Магонов. Птица чуть менее высокого полёта — спец по особым поручениям, что-то вроде того же Усатого. Думается, он расскажет мне чуть меньше, чем предыдущие два, зато до него будет легче добраться. Или… нет.

Я пролистал на пару фоток назад. Так и есть — вот знакомое название. Ресторан «Бикфорд». Владимир Абрамов, согласно досье КОБРа, каждый день, ровно в 13.15, обедал там.

Сейчас 12.56. Я поглядел вперёд. До здания — два квартала, оно уже было видно отсюда. Но вот пропустят ли меня внутрь?..

Я был уверен в одном. «Бикфорд» не станет на меня нападать, потому что побоятся Сато. Но они ведь могут и просто закрыть перед моим носом дверь.

Рискнуть стоило. Что ж, Абрамов так Абрамов. Сейчас — наиболее подходящее для этого время, и даже если ничего не получится, я ничего и не потеряю.

Район, в котором располагался «Бикфорд», сам по себе являлся более элитным. Деловой центр, конторы и офисы, банки и охранные агентства. Здесь было меньше случайных прохожих, больше дорогих машин и несоизмеримо больше мерзкого самомнения на квадратный метр.

Я, в потёртых джинсах и чёрной майке, выглядел здесь… не своим. Но на меня никто не оглядывался — может, прохожие считали это ниже своего достоинства, а может, я слегка переоценивал, насколько я выделялся.

На парковке у «Бикфорда» стояло десятка два машин, дорогих, как и всё тут, но Абрамов, согласно досье, спускается в ресторан с другой стороны — из офиса.

Телефон пиликнул вновь, и я взглянул на экран.

«Кажется, тебе уже не нужна моя помощь — ты сам что-то придумал. Уверен в своих силах?»

Колебался я секунды две-три. А и правда, уверен ли я? Может, лучше снова прибегнуть к помощи Дэна, и…

«Да, уверен».

С этими словами я спрятал телефон в карман. Можно долго ходить на чужих инструкциях, как на поводке, слушаться чужих идей, выполнять — и даже успешно — чужие планы. Но это не то, чего я хочу, и не то, что выведет меня к загадкам прошлой недели. Которых даже после разговора с Дэном оставалось великое множество.

На входе в ресторан охраны не было — только швейцар — но я был уверен, что она найдётся внутри, и вообще — с этой стороны меня не пустят. Может быть, стоит попытаться зайти со служебного входа и потом…

Машина, с шумом завернувшая на парковку, вырвала меня из мыслей. Чертовски знакомая машина. Как и чертовски знакомый владелец, который уже обратил на меня внимания.

Дмитрий Петрович успел вылезти из машины ровно наполовину, когда заметил меня — и теперь торчал в таком виде,

одной ногой ещё внутри, другой уже снаружи, бледный и расширивший глаза. Что ж, кажется, чей-то обед пройдёт не очень хорошо.

— Дмитрий Петрович, — улыбнувшись от всей души, я направился к нему. — Судьба всё снова и снова сводит нас вместе.

— Д-да? — кажется, он ждал от меня не такой реакции. — Я тоже… тоже рад вас видеть.

— Можно вопрос? — я наклонил голову. — Там, у вас дома. Почему вы просто не вырубили меня? Зачем было нужно устраивать шоу с жучком, посылать людей…

— Как будто вы не знаете, — наконец, Дмитрий Петрович определился со своей эмоцией — изумлённое выражение ушло с его лица, и сменилось на злобное. — Мне вовсе не хотелось, чтобы вы использовали свои силы рядом со мной!

Разумное желание. Улыбнувшись ещё сильнее, я положил руку ему на плечо.

— Рад, что вы хотя бы ничего не отрицаете. Разговор вышел бы куда более сложным, если бы вы делали это.

Когда моя рука коснулась его, Дмитрий Петрович дёрнулся; из машины уже вышли трое телохранителей, но он, снова побледневший, сделал им жест не вмешиваться.

— И что вам теперь нужно? — заговорил он тихо, глядя на меня. — Вы же понимаете, что я действовал не по своей инициативе? Или, по-вашему, у меня был какой-то выбор?

Люблю страх. Я не знал, какие вопросы мне следует задавать этому типу, но сейчас он сам говорил, давая мне подсказку за подсказкой. Страх развязывает людям языки — крайне полезное свойство.

— Все так говорят, — уклончиво ответил я. — А выбор есть всегда. Вы свой сделали.

— Сделал! — Дмитрий Петрович продолжал распаляться. В нём сейчас говорили с страх от мысли о том, что я могу сделать одной лишь мыслью, и гнев от собственного бессилия. — А почему, собственно, не должен был сделать его в вашу пользу, Иван? Я работаю на «Бикфорд», а не на вас!

Ну, спрашивать его о совести и морали было бы глупо. Я усмехнулся этой мысли.

— Значит, ваше начальство похвалит вас, если вы приведёте меня к нему. Кажется, оно сейчас как раз на первом этаже, обедает?

Это было так. Как я понял из досье, сейчас в ресторане не только Абрамов, но и едва ли не две трети начальства. Если я войду туда — это будет сродни бомбе, пронесённой в самое

сердце корпорации!

— Я… я не могу! — Дмитрий Петрович отшатнулся, вырвавшись из моей хватки. — Вам туда нельзя!

— Вот как? — я поиграл бровью. — Ночью вы были гостеприимнее, право.

— Хватит дурить мне голову! — Дмитрий Петрович посмотрел на меня с плохо скрываемой яростью. — Рад, что вы вспомнили о том, что мы не друзья, потому что…

Он всё ещё боялся меня. Сердитые реплики вылетали из его уст, но он делал шаги от меня — не ко мне. Он знал, на что я способен, и знал, что я сам тоже знаю это.

— Да плевать, — я сделал шаг вперёд; телохранители дёрнулись и шагнули за мной, но я совершенно не боялся их. — Ответьте на несколько простых вопросов.

— Чего? — от страха мой собеседник начинал откровенно тупить.

— Прежде всего — сколько ещё таких подпольных «клубов» разбросано по столице?

Вопрос сам по себе не имел особого смысла; сколько бы клубов не оказалось, цифра ничего не даст мне. Зато вопрос напугает его и, возможно, спровоцирует на новые откровения.

— Ещё четырнадцать, — раздалось позади меня. — Если мы говорим об одном и том же. После пожара на прошлой неделе — четырнадцать.

Обернувшись, я увидел типа в дорогом костюме, который слегка улыбался глядя в мою сторону. Что ж, на фото в досье он выглядел похоже.

— Абрамов, — кивнул я. — Владимир Сергеевич.

— Вы подготовились, — согласился он. — Впечатлён. Надо полагать, вы пришли поговорить с… кем-нибудь из руководства?

— Верно полагаете, — ответил я. — Только не ожидал, что руководство само выйдет ко мне.

— Мы вас ждали, — пояснил он, разведя руки в стороны. — Ну, не то, чтобы ждали наверняка, но после последнего сообщения от Сато предполагали, что вы можете наведаться к нам. А ваша перепалка на парковке… не могла остаться незамеченной.

Дмитрий Петрович замер, настороженно и внимательно глядя на нас; его телохранители тоже не двигались с места. Абрамов махнул ему рукой:

— Дмитрий, вы бы уезжали. Сегодня вы пообедаете в другом месте. А вы, Иван, — он снова поглядел на меня, — прошу внутрь.

А они не дураки. Предсказали, что я могу сюда явиться… и наверняка продумали все вопросы и ответы.

— Полагаю, мы с вами — я имею в виду и вас, и свою корпорацию, а не себя лично — в той ситуации, когда нужно кое-что обсудить, — Абрамов кивнул мимо лакейски замершего швейцара; я, не отставая, шёл за ним. — Хотелось бы сразу уточнить. Это — пока ещё — не объявление мира, а только лишь небольшое затишье. Услуга господину Сато и его желанию увидеть вас вечером на мероприятии.

— А если бы не оно — то что? — уточнил я. В ресторане… было пусто. Нет, тут был персонал, но все столики были свободны. Кажется, мой визит влетел корпорации в копеечку — мелочь, а приятно. — Ведь вы бы не атаковали меня… здесь.

— Если бы не оно — вы бы не подошли к этому месту так близко, — Абрамов выбрал столик в середине зала и направился к нему. — Мы не Сато, у нас нет такой агентурной сети, чтобы разыскивать вас по всему городу, но возле своей штаб-квартиры мы способны контролировать ситуацию. Итак, что вы будете?

Смысл последней фразы дошёл до меня через пару секунд, когда неслышно подошедший официант положил передо мной меню в кожаном переплёте.

— Вы же не думаете, что я буду здесь есть, — серьёзно заметил я, отодвигая меню.

— О, — улыбнулся Абрамов. — Если бы мы хотели нарушить обещание, данное нами господину Сато — сделали бы это другим способом.

Звучало убедительно. Достаточно убедительно для того, чтобы я не поверил этим словам до конца.

— Хотя бы кофе? — предложил Абрамов. — Здесь делают восхитительный кофе, и его разольют по нашим чашкам из одного кофейника, у нас на глазах.

Почему-то все, кого я встречаю, угощают меня каким-то напитком. Кофе, чай, газировка, снова кофе… Нет уж. Один кофейник гарантирует, что меня не отравят, но как насчёт снотворного? Оба выпьем, оба заснём. Абрамов проснётся здесь же, без вреда для себя, а я — где-нибудь в камере. «Бикфорд» даже не нарушит обещания Сато — привезут меня на мероприятие прямо оттуда.

— Нет, спасибо, — кивнул я. — Давайте лучше поговорим о четырнадцати «заведениях», которые содержит ваша корпорация.

Абрамов пожал плечами.

— Понимаю, почему эта тема вас волнует. Не самый чистый бизнес, но пока есть спрос — есть и предложение. Мы предоставляем желаемое тем, кто платит, хотя для вас, наверное, нет разницы между продавцом и покупателем?

— Вы правы, нет, — подтвердил я. Кажется… Абрамов не

знал о досье, имеющихся у меня. Не знал, что я в курсе: он не только продавец, но и покупатель тоже.

— Но я удивлён, — вздохнул Абрамов, — что вы начали разговор с этого, а не с вопросов по нашему главному конфликту. Я слышал, вы… немного подкорректировали память, но ни за что не поверю, что вы первым же делом не напомнили себе о нашем прошлом соглашении.

Я завис на пару секунд. Соглашении? С «Бикфордом»? Кажется, я не зря сюда заглянул. А что, если Абрамов просто дурит мне голову, пользуясь моей амнезией, а никакого соглашения нет и не было?

Мне нужно было взять некоторое время на размышление.

— Я решил поговорить обо всём по порядку, — кивнул я. — В конце концов, ваши… заведения — тоже вещь, достойная внимания. И время, проведённое мной в одном из них, я вряд ли когда-то забуду.

— Ну, здесь мы, в каком-то смысле, квиты, — Абрамов с кивком принял у официанта чашку с кофе и принялся размешивать сахар ложечкой. — Вы провели там несколько незабываемых часов, мы потеряли одно из заведений вместе с кучей сотрудников и клиентов. Плюс удар по репутации, конечно же. Наши люди сегодня погибли при попытке задержать вас, а ещё были другие на прошлой неделе. Вы неплохо отыгрались за тот случай, не так ли?

Он отпил из чашки и заметил:

— Зря отказались от кофе. И от нашего сотрудничества, когда мы вам его предлагали.

— Я сделал это не без причин, — ответил я. — Пожар в подпольном хостеле — дело не только мести, но и… принципа.

— Понимаю, — кивнул Абрамов. — Мораль. Понимаю. Сам ей — чего скрывать — не обременён, но уважаю. В прошлый раз вы говорили то же самое, но всё-таки согласились поработать с нами. Знаете, мы готовы пойти навстречу, если сейчас вы… тоже сделаете это.

Соглашение с ними. Корпорация, которая держит ещё четырнадцать снафф-хостелов — и я. Я не представлял себе сотрудничество с ними. С другой стороны, если в прошлый раз я согласился — у меня были причины.

Как и причины нарушить соглашение. Если оно вообще существовало, а не выдумано ими.

— Вечером, — кивнул я. — Там же, где и с Сато. Вы будете там?

— На вечеринке? — Абрамов снова отхлебнул кофе. — Не планировал, но там точно будут другие представители

«Бикфорда». Подойдите к любому из них и назовите ваши условия. Мы способны пойти на уступки. Но и вы должны уяснить: нам выгоден мирный договор, но мы готовы и к войне. Сможете вы бегать вечно?

— А сможете вы выиграть эту войну? — я поднялся с места. — И если да, то какой ценой?

— Вы амбициозны, молодой человек, — засмеялся Абрамов. — Но не переоценивайте себя. Знаете, возможно, я всё-таки загляну вечером в «Прайд». Просто чтобы посмотреть на то, что вы ответите.

Он отсалютовал мне чашкой кофе, показывая, что на этот раз разговор окончен. Что же, информации к размышлению я получил достаточно… проблема была лишь в том, что я не знал — где тут правда, а где ложь.

Точно так же, как я и не знал — где правда, а где ложь в рассказе Дэна. Кажется, моя прошлая неделя всё ещё ускользала от меня.

Глава 16

Видео пришло само — без каких-то моих наводящих вопросов, без предварительных событий или посещения каких-то мест. Просто Дэн в какой-то момент решил, что именно сейчас и именно это видео мне нужно посмотреть.

Я уходил от ресторана «Бикфорд» быстро, не потому, что ждал погони или чего-то такого, а просто затем, что время, оставшееся до вечера, можно провести с большей пользой. Видео нагнало меня, когда я был уже в четырёх кварталах — и, чтобы посмотреть его, я прислонился к стене и надел наушники.

— Кстати, — заговорил прошлый-я, стоя всё в том же боксе без окон и дверей, что и на предыдущем видео, только в рубашке, заляпанной кровью. — Важное замечание. Забыл сказать. Если вдруг к тебе придёт ощущение того, что ты в безопасности — гони его нахер. Ты не в безопасности. Ты в опасности, и опасность эта повсюду. Она постоянна. Она безжалостна. Ради нас обоих — не пытайся решить, что ты в безопасности!

Он вздохнул и покачал головой.

— Если же тебе придёт в голову, что у тебя где-то есть союзники, особенно из тех, кто связан с корпорациями — гони эту мысль нахер ещё сильнее. Они тебе не союзники. Я не говорю «они тебе не друзья», потому что знаю — даже со стёртой памятью ты будешь не способен на такую глупость. Но они даже не союзники. У вас не будет постоянных общих интересов. Ты выполнишь для них какое-нибудь задание, другое, и станешь ненужен.

Лицо меня-прошлого приняло странное выражение — как будто ему хотелось рассмеяться, но он усилием воли остановил это.

— Ты спросишь про Дэна. Он наверняка помогает тебе сейчас. Даже это видео прислал он. Ну, Дэн, для начала, если и связан с корпорациями, то только желанием отомстить. А затем… да, до определённого момента я доверяю Дэну. Но до определённого момента. И то, что я не нашёл пока причин считать его предателем или ведущим свою игру — означает только то, что я этих причин…

Щелчок пальцем, и на лице всё-таки расплывается дурацкая, клоунская улыбка.

— …не нашёл.

А я искал?

Видео закончилось, а у меня в голове крутился этот вопрос. Дэн ни в коем случае не был тем, кому я безоговорочно верил —

впрочем, в моей ситуации это нормально. Но он также был и тем, без кого мне будет… значительно труднее добиться поставленных целей. Искал ли я-прошлый свидетельства того, на чьей он стороне — или искал результат, который возможно будет подогнать под уже готовые условия?

Ладно. Я понятия не имел, откуда можно начать поиски того, что связано с Дэном. Но всегда можно начать их с одного простого вопроса.

«Ты смотрел это видео?»

«Да», — пришло мне в ответ. Никаких смайликов или чего-то подобного в послании не было, но мне отчего-то чувствовалось, что это «да» пропитано ехидной иронией. — «И если тебе интересно — я тоже не доверяю тебе до конца. А теперь давай заниматься делом».

Ох. Я вздохнул и досчитал до десяти.

«У тебя есть конкретные предложения?»

«Разумеется. Твой поход в «Бикфорд» тоже был среди них, только я думал сделать всё изящнее».

О, наша юная мисс Изящество против моего грубого и топорного метода! Я хмыкнул и направился в сторону съёмной квартиры.

«Нужно было хотя бы мелочь у него взять», — пронеслось у меня в голосе. — «Сейчас бы доехал на метро за десять минут».

Нет, ноги не болели, укреплённые жизненной энергией, и мне почему-то казалось, что этого запаса хватит ещё минимум на пару дней. Но вот время, которое я тратил на пешие походы…

…автомобиль вылетел из-за угла незаметно. Пронзительный сигнал, визг колёс — и я еле успел отскочить назад. Откуда он тут, если дорога только что была пустой?

Вторая машина пролетела мимо меня с другой стороны — точно так же, не задев и даже не приблизившись, но и не думав затормозить. На этот раз я точно разглядел такси — жёлтый цвет и шашечки сверху.

Какого?..

Остановившись на краю тротуара, я судорожно оглядывался по сторонам. Дорога вроде снова стала пустой — даже удивительно для города, пусть и элитного района без пробок — но я не хотел, чтобы меня сбил очередной вылетевший из-за угла джигит.

Новое сообщение. Отступив на три шага — мало ли, какая машина решил проехаться по бордюру! — я прочитал его.

«Я видел, что произошло. Похоже, предупреждение».

Я хотел было спросить в ответ, какое ещё предупреждение, но пальцы замерли над телефоном. Не нужно задавать вопросов там,

где и сам прекрасно знаешь ответ. Кто-то — я ещё пока точно не знал, кто именно, но круг подозреваемых был не так уж велик — решил показать мне, что, хоть неприкосновенность, данная мне господином Сато, ещё работает, они в состоянии убрать меня в любой момент.

…больше происшествий на пути к съёмной квартире не было. Шёл я быстро, при этом аккуратно и постоянно оглядываясь на переходах, но, в целом, после предположения Дэна даже немного подуспокоился. Нет, предупреждения выдают не для того, чтобы сразу же убить предупреждённого. Какое-то время у меня есть — скажем, до вечера.

И его всё меньше. Дэн открыл дверь, и, войдя, я машинально взглянул на часы в коридоре. Два с минутами. Меньше семи часов до начала мероприятия в отеле «Прайд».

Подросток молча глядел на меня; в его взгляде читались скептицизм… и вопросы.

— Всё объясню, — отмахнулся я. — Но быстро. Нам нужно придумать, что мне делать дальше.

Разумеется, я объяснил ему не всё. Прежде всего — я не говорил ему о Силе, а точнее, а разговоре с ней. Моя же собственная версия из прошлого назвала её опасностью неописуемого уровня, а раз так, зачем сообщать о ней тому, кому не доверяешь до конца?

Зато разговоры с Сато, с Дмитрием Петровичем и с Абрамовым я пересказал ему почти дословно.

— Да не был кофе отравлен, — махнул он рукой. — Мог бы и выпить, между прочим.

— Как-то не хотелось, — я поморщился. — И почему ты уверен, что не был?

— Машины после, — Дэн пошевелил пальцами. — Они не хотели тебя убить, они хотели тебя припугнуть.

— Так банально? — удивился я. — Ууу, мы такие страшные, мы можем проехать рядом на двух машинках и забрызгать тебя из лужи!.. Я думал, «Бикфорд» действуют тоньше.

— Они действуют так, как им выгодно, — заявил Дэн. — Может, ещё не подобрали к тебе ключик. Может, пробуют разные варианты…

— Да плевать, — я прошёл на кухню и сел на то же место, что и до того. Единственный предмет, который здесь прибавился — это лоток от замороженной еды на столе. — Меня пока волнуют другие вещи. Первая, конечно, это мои родители, но они, я так понимаю, у Сато, и до полуночи с ними ничего не случится.

— Если не произойдёт чего-то, что его переубедит, — хмуро отозвался Дэн. — А вторая?

— А вторая — это то, сколько всего я ещё не помню о своей прошлой неделе. Например, что за договор, который я заключил с «Бикфордом»? Как я вообще мог сотрудничать с теми, кто делает подобное?

— Понятия не имею, — так же мрачно заметил подросток. — Совершенно. Как я и сказал, в первые полтора-два дня я был занят собственным обустройством, было не до того, чтобы следить за тобой. Могу только предположить, что ты либо обманывал их с самого начала, либо очень быстро передумал.

Резонно. Раз в итоге я всё-таки решил, что мне с ними не по пути. И всё-таки, что я мог счесть достаточной причиной — пусть даже на время — для того, чтобы сотрудничать с такими мразями, как «Бикфорд»? Не очень-то на меня похоже.

Пауза. Мы оба молчали, глядя на собственные руки.

— Ты говорил, у тебя есть идеи, что делать дальше, — наконец, нарушил я молчание.

— Есть, — подтвердил Дэн. — Но они не включают в себя беготню по городу и попытку взять на понт тех, кто намного умнее и могущественнее и меня, и тебя.

— Поясни, — я склонил голову, глядя на него.

— Скоро — сегодня вечером — ты попадёшь на закрытую тусовку, где будут только самые… — Дэн задумался над подходящим выражением, — сливки общества, вот. Не знаю, кто там будет из твоего списка, кто будет из клиентов известной нам сети заведений, но там точно не будет никого хорошего и честного.

— Предлагаешь мне убить их всех? — усмехнулся я. К моему удивлению, Дэн молча кивнул. Чёрт. За серьёзностью его речей и профессионализмом я почти забыл, что он ещё ребёнок. Потому что только ребёнок мог ляпнуть такую глупость.

— И сколько после этого проживу я? — мне захотелось биться об стенку головой; то, что было очевидно для меня, совершенно не понимал Дэн, хотя дураком он точно не был. — Сколько после этого проживут твои родители?

— А ты думаешь, у вас есть какие-то другие шансы? — Дэн глядел на меня серьёзно, прищурившись и почти не мигая. — Вас что — просто отпустят обратно? Скажут «ну ладно, погуляли — и хватит, возвращайтесь домой и живите там долго и счастливо!»

— Не скажут, конечно, — кивнул я. — Но я не собираюсь из-за этого превращаться в крупного террориста. Всё, что я собираюсь сделать — это договориться с кем-нибудь, достаточно сильным и влиятельным, например, тем же Сато. Мои услуги — а он точно найдёт, что у меня попросить — в обмен на решение проблемы с другими корпорациями, и протекцию для моей семьи.

— То есть, ты сдашься, — констатировал Дэн.

— Ты же не пытаешься взять меня «на слабо»? — усмехнулся я. — Это не сдача. В моём случае это будет победой. К тому же… знаешь, я никогда не строил планов на будущее — просто потому, что у меня его раньше не было, этого самого будущего. Может, пора начать? Что, если моё будущее… не в том, чтобы вечно быть партизаном, а потом героически погибнуть?

Нельзя сказать, чтобы меня самого не смущал этот вопрос. Я ещё не доверял Сато — верил его слову, но не доверял ему самому. Я знал, что не при каких обстоятельствах не буду работать на «Бикфорд», но другие… что я о них знал? Да, в корпорации «Сато» есть те, кто посещал подпольный хостел. В других, наверное, тоже. Значит ли это, что там все поголовно плохие?

— В любом случае, — Дэн опять поморщился и махнул рукой. — Я хотел тебе кое-что показать. Покажу всё равно, а как использовать информацию — ты решишь сам.

Он взял с подоконника ноутбук и развернул его экраном ко мне.

— Список людей, у которых есть приглашение на сегодняшнее мероприятие, — объявил их. — Плюс персонал.

Ах, да, персонал. Ещё одна причина, по которой я точно не стану устраивать там массовое побоище.

В остальном же… имена оказались просто именами. Совпадений со списком КОБРа не было; пару раз мелькнули имена знаменитостей шоу-бизнеса, затем ещё какие-то фамилии наследников крупных торговых марок… Но никого из тех, кого я мог бы действительно ненавидеть или желать им смерти.

— Зачем я просил достать эту штуку? — я кивнул на пригласительный, лежащий на столе — там, где я оставил его перед походом в «Сато». — Ради… кого или чего?

Когда Усатый ночью дал мне билет, он упомянул Лику. Первой моей мыслью было, что я захотел посетить мероприятие ради неё, ради разговора с ней, но… что-то тут не вязалось. Нет, наверное, тут что-то посерьёзнее.

— Я понятия не имею, — снова фыркнул Дэн. — Всё, что вы делали с Усатым — загадка для меня. Ты только сказал, что у вас был какой-то бизнес, а потом он попытался тебя кому-то сдать. Что именно вы делали и при чём тут пригласительный — я не знаю. Но раз уж ты идёшь туда, можно хотя бы извлечь из этого пользу…

— Я не собираюсь убивать там всех, — повторил я. — Хватит убеждать меня сделать это.

— Смотри, — Дэн обошёл стол и тыкнул пальцами в

монитор. — Этот. Одна из ключевых фигур главного столичного потока наркоторговли. Эти двое. Держат миленькое частное заведение — всего одно, зато там, в отличие от хостелов «Бикфорда», доступны дети любого возраста. Этот…

— Нехорошие люди, — согласился я, кивая. — Исключительно нехорошие. А я тут при чём?

— В смысле? — Дэн непонимающе оглянулся на меня. — Ты же сам там был! Я показывал тебе, через что ты прошёл, и всё ради того, чтобы…

Я вздохнул. Почему все от меня чего-то ждут — что КОБР, что Дэн, что корпорации? Почему я не могу просто делать то, что сам сочту нужным?

— Я не Господь Бог, — отрезал я. — И не Супермен в красных трусах поверх трико. Я не собираюсь очищать землю от всех мерзавцев, которые только на ней есть. Всё, что я собираюсь сделать — это защитить себя и своих родных, а также наказать лично тех, с кем у меня счёты. Пашу Сербского. Он будет на мероприятии?

Дэн молчал секунд тридцать, а затем выдавил из себя:

— Нет. Пригласительного на его имя не видно.

— А без пригласительного? — уточнил я. — Там будет Лика, а он её продюсер.

— Не могу точно знать, — покачал головой Дэн. — Но его давно не было видно. Возможно, он прячется от тебя… ну, или ты уже убил его в какой-то момент.

Я машинально кивнул.

— В общем, этот список мне не понадобится. С тем, кто мне нужен, разберусь на месте, а остальные… они мне пока дорогу не перешли.

Щёлкнув по крестику, я закрыл список. Вкладка, открытая по соседству, сначала ничего мне не сказала — мало ли, какими хакерскими делами занимается Дэн — а затем до меня дошло.

Система управления светофорами. Я бы и не понял, к чему это именно подключился хакер, но название было написано сверху большими буквами. Нет. Нет-нет-нет.

Название соседней вкладки тоже было видно — точнее, его начало, и до этого я не придал ему значения. Сайт по вызову такси. Быстрее, чем Дэн понял, что происходит, я переключился на неё. Два вызова. Полчаса с небольшим назад.

— Предупреждение, значит? — я встал, а точнее — вскочил. — И о чём ты меня хотел предупредить?

— Я… — Дэн изумлённо смотрел на экран. — Я не мог…

— Чего не мог? Оставить сайты включёнными? — я усмехнулся. — Кажется, мог. Рассеянность. Бывает.

— Эй! — Дэн повернулся ко мне. — Кому ты поверишь — тому, кто подключился к моему компу, или мне?

— В том и дело, что никому, — отрезал я. — Кроме себя самого. А я сам предупреждал себя на твой счёт.

— Мы на одной стороне! — гневно заявил Дэн, сверкая глазами.

— Да? И поэтому ты пытался сбить меня двумя машинами?

— Я не пытался…

— Ага, конечно, — я взял со стола пригласительный и сунул его в карман. — Ты пытался изобразить угрозу, исходящую от корпораций. Хотел, чтобы я подумал, будто они угрожают мне. Давай не будем разбираться, зачем ты это сделал, и я просто уйду, а потом ты забудешь про меня и перестанешь следить за мной через камеры.

Дэн промолчал, но в этом молчании я не услышал ничего хорошего.

— Я ведь могу просто убить тебя, — заметил я. — Даже пальцем не пошевелив.

— Ты этого не сделаешь, — выдавил он, наконец.

— Не сделаю. Пока. Но если ты продолжишь хоть как-то со мной контактировать, я передумаю, — кивнул я.

Будь на месте Дэна кто-то взрослый — наверное, его дымящийся труп уже лежал бы на полу. Но я… не мог переступить через эту черту, а главное — не хотел мочь через неё переступать.

— Какие у меня шансы убедить тебя, что я этого не делал? — хмыкнул Дэн, выходя за мной в коридор.

— У тебя — никаких, — ответил я. — Шансы есть только у других; если я сам пойму, что это был не ты.

— Потеряем время, — заметил он.

— А я никуда не тороплюсь, — я пожал плечами. — И уж точно не собираюсь устраивать великий очистительный поход только затем, что ты так сказал.

Я не знал, и правда ли это паренёк послал те две машины — изобразить «угрозу». Но полагал, что да. На корпорации это не похоже — всё равно как кирпич с крыши сбросить в метре от меня, мелко и по-мальчишески. А вот для 13-летнего подростка, страстно желающего убить всех нехороших взрослых — самое то.

Прости, парень, подумал я, хлопнув дверью. Я не собираюсь этим заниматься. Даже если взрослые и правда заслужили то, что ты для них придумал.

Глава 17

Глупость я совершил, или же нет? Я пока не мог сказать, но дверь за мной уже захлопнулась, и вернуться обратно сейчас было бы уж точно глупостью; к тому же, возвращаться я и не хотел.

Вариант первый. «Аварию» действительно подстроил Дэн. Из этого вовсе не значило, что он мне враг — как, впрочем, не значило и обратное. Но я, так или иначе, не люблю, когда мной манипулируют и используют меня как инструмент возмездия.

Вариант второй. Дэн и правда ни в чём не виноват, «авария» произошла без его участия… Но, опять же, из этого совершенно не следовало, что он мне друг.

Впрочем, один вопрос уж точно оставался без ответа, и определиться с ним стоило в ближайшее время. Кто-то — неизвестно, кто — открыл на ноутбуке свидетельства того, что «авария» подстроена. Настоящие ли, ложные ли, но я не верил, что Дэн мог оставить такие вещи открытыми, а после — дать мне ноутбук. Да он и сам об этом сказал.

Значит, у нас тут завёлся новый хакер, в дополнение к первому.

Стоял день; до мероприятия в отеле «Прайд» ещё оставалась целая вечность, и я совершенно не имел представления, что делать и куда идти дальше. Я медленно, спокойно спустился на два лестничных пролёта вниз — просто чтобы не стоять под дверью квартиры Дэна — и задумался. Шансов найти этого хакера у меня нет, но, если я правильно понимаю тенденцию последних событий — он может попытаться сам выйти на связь.

Вверху хлопнула дверь. Быстро, даже резко. Я вздрогнул и посмотрел наверх. Дэн наспех запирал квартиру, держа в руке большой пакет. На голове подростка снова был капюшон, на спине висел рюкзак. Заметив, что я ещё тут, он кинул на меня взгляд.

— Любуешься видом на детскую площадку? — хмыкнул он. — Со мной или без меня, рекомендую найти какое-нибудь другое место для любования. Похоже, кто-то засёк меня и идёт сюда.

— За тобой, не за мной, — лениво ответил я, и в самом деле опираясь на подоконник и бросая взгляд в окно. — У меня до вечера неприкосновенность…

— …тебе сказали, и ты поверил, — Дэн спустился ко мне и остановился. — Последний шанс. Идёшь со мной?

— Откуда мне знать? — пожал я плечами. — Может, ты сейчас спектакль разыгрываешь, чтобы убедить меня, что кругом

враги, а ты один хороший. Нет, хочешь уходить — уходи, я тебя не останавливаю… но и с тобой не пойду.

— Как скажешь, — быстро кивнул Дэн — и стремительно направился вниз по лестнице. По какой причине он не вызвал лифт — я не знал; может, боялся, что тот застрянет по пути, а может, думал, что пешком быстрее.

Что ж, я надеялся, что если за парнем и правда кто-то идёт — то ему есть где спрятаться. Пешком он далеко от преследования не уйдёт. Я же…

— Стой! — крикнул я вниз, сорвавшись с места. — Не знаю, что там правда, а что нет, но есть идея.

— А? — судя по звукам, Дэн был уже на три этажа ниже; я быстро преодолел это расстояние и увидел, что он стоит с недовольным видом.

— Ключ, — потребовал я.

— Какой ещё ключ? — не понял хакер.

— Ты говоришь, что тебя засекли, — пояснил я. — Если так, они придут сюда. Дай мне ключ, хочу встретить их. Кем бы они там ни были.

— Уверен? — Дэн полез в карман и вынул оттуда одинокий ключ с брелоком в виде фотографии столичной панорамы, заключённой в круглую пластмасску.

— Более чем, — кивнул я. — А ты уходи, куда бы не собирался.

Так, кажется, будет лучше. Если Дэн и правда убегает от кого-либо — думаю, такая помощь будет ему кстати. Если нет… ну, он не ожидал моего решения остаться, а значит — это не пойдёт мне во вред. Действовать неожиданно для оппонента.

Отдав мне ключ, подросток снова направился вниз, и вскоре я услышал, как хлопнула входная дверь. Чудесно, давайте слова думать.

Он может и правда уйти куда-нибудь. Он может следить за мной. Он может делать и то, и другое одновременно, и я ничего не мог с этим поделать. Он может даже прислать сюда каких-нибудь бандитского вида типов, чтобы изобразить «погоню» и «нападение».

Но это не значит, что он может всё. Для своих тринадцати он, конечно же, вундеркинд, но совсем не гений, и трюк с машиной доказывал это. Пока он передавал мне информацию от меня самого — всё было загадочно и расплывчато, но когда он попытался действовать самостоятельно…

Поднявшись на последний этаж, я отпер квартиру. Теперь только ждать. Любое событие даст мне информацию к размышлению, а любая информация подтолкнёт к новым

действиям.

На кухне я раскрыл холодильник и вытащил его бутылку газировки. Уходил Дэн в спешке — или старательно пытался эту спешку изобразить — и внутри оставалось ещё штук пять таких же бутылок.

Подождём.

Ждать пришлось около получаса. За это время я успел оглядеть скромно обставленную квартиру, доесть остатки наггетсов из морозилки, обдумать ещё с десяток разных вариантов того, как можно объяснить происходящее…

А затем новый звук оповестил меня о приходе очередного сообщения.

Ну, если он может что-то слать, по крайней мере, это значит, что его не схватили. Понадеявшись, что я не прочту что-то вроде «Берегись, на тебя вот-вот рухнет стена», я поглядел в телефон.

Номер был незнакомым. Но — снова видео. Опять без номера, чёрная заставка… Кто-то хочет меня обмануть, или ему банально пришлось сменить номер?

Ладно; надев наушники, я включил видео.

Я-прошлый на экране был одет в такой же белый халат, в каком я сегодня пытался пробраться в святая святых корпорации «Сато».

— Правило первое, — усмехнулся я-прошлый. — Не клади все яйца в одну корзину. Как я и говорил, с Дэном можно сотрудничать, но это не значит, что он твой друг и ему можно доверять. То же самое я скажу и о том, кто прислал тебе это видео. Я заранее позаботился о том, чтобы Дэн не знал об этом ролике.

Хм. Скажи это кто другой — я бы не поверил, заподозрил бы очередную шпионскую игру или блеф, попытку как-то меня обмануть. Но… довольно сложно не верить самому себе.

— Если ты его всё-таки смотришь, — продолжил я-прошлый, — то либо Дэн потерял наше доверие, либо второй мой союзник… пытается тебя обмануть.

Я развёл руками и двинулся вперёд. Помещение… напоминало какой-то кондитерский цех, что ли. Чёрт, почему меня вечно заносит на видео во всякие странные места, и что вообще их объединяет?

— Не вини мальчишку слишком сильно, — кивнул я-прошлый. — Он… точно не шпион корпораций — в этом я уверен на все сто и даже больше. Просто он максималист с изломанным детством и идеей фикс на мести корпорациям. Но если ты в чём-то его подозреваешь — будь настороже и проверь дважды.

Пауза.

— Ну, а если ты проверил трижды и четырежды, и свято уверен, что Дэн чист и честен, — я на видео широко улыбнулся; не безумно, как на других роликах, а скорее спокойно, — то либо потеря памяти, к моему прискорбию, сказалась на нашей внимательности, либо… тебя обманывает тот, кто прислал это видео. Он в курсе, что я это запишу, кстати.

Ну, точно — это был кулинарный цех. Подойдя к какой-то стойке, я-прошлый взял здоровенную булку с сахаром и принялся её жевать.

— Как и Дэн, он не хочет ни твоей смерти, ни смерти кого-то из наших близких, ни чего-то ещё… такого. Чего хотел бы Сербский, — я-прошлый прожевал кусок булки. — Но свои цели есть у всех. А ты — очень полезный инструмент. Так или иначе, но теперь ты знаешь: один из двух — не на твоей стороне. И у тебя есть оба телефона.

Видео закончилось; продолжая глядеть на экран, я сидел со странным чувством — будто там, в ролике, была какая-то… ошибка. Что-то, что…

Сигнал СМС.

«Готов поговорить?»

Я пожал плечами. Пожалуй, от короткого «знакомства» хуже не будет.

«Да», — напечатал я. — «Ты считаешь, Дэн не за нас?»

«Дэн за себя. Он не враг, просто… зациклен на своём».

«С чего мне знать, что ты тоже не зациклен на чём-то? Я даже не знаю, кто ты такой», — отправил я в чат.

«И хорошо», — пришло мне в ответ. — «Не всё нужно знать. Я не стремлюсь к личной встрече».

Я пожал плечами. Что ж, следующий вопрос напрашивался сам собой.

«Я очень надеюсь, что ты не Дэн, который пытается выдать себя за другого моего союзника, чтобы продолжить наше сотрудничество».

Ответа и на этот раз ждать пришлось недолго.

«В этом случае мне нужно было просто не включить на его ноутбуке кой-какие улики. До этого момента у вас всё шло неплохо».

Резонно. Что ж, я так и думал, что таинственный хакер номер два и второй союзник — одно лицо. Хотя, конечно, версия, что это снова Дэн, оставалась вероятной.

В какой-то момент я понял, что устал от неопределённости. Весь мой дверь, суматошный и безумный, начавшийся среди ночи под мостом, был выстелен неопределённостью, вопросами, загадками, недосказанностью и угрозами.

С другой стороны, раньше у меня определённости хватало. Я определённо знал, что определённо умру, и это определённо произойдёт скоро.

Возможно, это и есть вкус жизни?

Вздохнув, я снова взялся за телефон. Мысли о видео не давали мне покоя — в нём всё-таки точно что-то было не так. Например, почему я назвал Пашу по фамилии? Что, если это какой-то шифр, намёк сам себе?..

…я становлюсь параноиком, отметил я.

«Ладно, допустим», — я решил пока сделать вид, что поверил своему новому собеседнику. — «И что ты предлагаешь нам сейчас делать?»

Вместо ответа на моём телефоне включилось новое видео. Само собой — без СМС и всего прочего. Камера была расположена сверху и показывала… меня самого?

Я обернулся. И успел заметить, как другой я на видео тоже дёргаюсь. В квартире Дэна есть камеры?.. Почему я не удивлён. И правильно ли я сделал, что вернулся сюда?

А затем камера на экране переключилась. Теперь я видел прихожую, дверь на кухню, где находился я…

…и входную дверь, которая медленно открывалась.

Ага, а вот и ответ на мой вопрос. И, если повезёт — на ещё несколько. Времени обдумывать варианты не было; быстро встав, я в три шага оказался в прихожей — и дёрнул дверь на себя.

Две пары изумлённых глаз оторопело смотрят друг на друга. Воображение рисовало что угодно — очередных бугаёв, сухого профессионала в деловом костюме, любую внешность, которую можно вообразить у шпиона или киллера…

Но оно точно не рисовало низенькую, полную старушку с фиолетовыми волосами, которая уставилась на меня с таким видом, будто это я сам — грабитель и убийца.

— Молодой человек? — она чуть наклонила голову. — Это же вы Денис?

Ладно. Продолжаем игру. Эта женщина может оказаться кем угодно, от замаскированного (или не замаскированного убийцы экстра-класса до соседки, зашедшей за солью.

— Нет, — я покачал головой. — Я… его приятель. Он вышел.

Взгляд женщины посуровел.

— Надеюсь, не очень надолго, — заключила она. — Позволите войти?

Я поглядел с лёгким недоумением.

— Может быть, сначала представитесь? Я не могу просто так пускать в чужую квартиру…

— Именно, что чужую, — заметила она, отодвигая меня

рукой и проходя вперёд. — Я хозяйка квартиры, и, думаю, у меня есть право зайти сюда в любое время.

Вот как. Я пожал плечами.

— Да, разумеется, тогда проходите.

Слова были несколько запоздалыми — женщина уже была внутри. Она по-хозяйски прошлась по комнатам, что-то неодобрительно ворча насчёт того, чтобы оставлять внутри посторонних, затем прошла в ванную и принялась что-то суетливо искать.

Итак, она утверждает, что она — хозяйка квартиры. Зачем она пришла — не говорит, но, наверное, и не должна отчитываться постороннему человеку о своих действиях. И всё-таки…

— Молодой человек! — раздалось из ванной. — Извините, что дёргаю, вы не поможете мне?

Я быстро встал и прошёл внутрь тесного помещения. Женщина стояла, растерянно глядя на стиральную машину.

— Туда упало, — она махнула морщинистой рукой. — За неё. Вы бы не могли достать…

— Разумеется, — я осторожно опустился на четвереньки и заглянул в щель между стиральной машиной и ванной. Там действительно что-то виднелось…

…а рефлексы сработали раньше, чем сознание; заметив краем глаза движение сбоку, я ушёл влево. Рука «хозяйки квартиры» замерла на полпути, готовая нанести второй удар, но я уже сделал подсечку — и через секунду тело грохнулось на пол.

Удар головой. Пару секунд я глядел на обмякшее тело, пытаясь сообразить, притворяется противница — или мне действительно так фантастически повезло, что случайное падение вырубило её с первого удара.

Старушка не шевелилась. Черты её лица разгладились, как будто с них исчезло выражение, из места удара на виске текла кровь. Притворяется она или нет — рана настоящая.

— Если вы меня слышите, — спокойно обратился я к ней, — то лучше не шевелитесь. Чтобы убить вас, мне не нужно даже вас касаться.

Неподвижность и молчание. «Хозяйка» либо действительно отключилась, либо предпочитала не выдавать своего секрета.

Я огляделся по сторонам. Интересно, здесь, в ванной Дэн тоже поставил камеры? А может, это сделал не он а мой новый «союзник»?

Ладно. Лучше бы не выносить это тело из ванной. Я наклонился и попытался приподнять его, чтобы переложить в ванну…

…рана исчезла с виска старушки прямо на моих глазах — за долю секунды. Рука дёрнулась вверх — и…

Чёрная вспышка перед глазами. Я вцепился в её руку — чувствую кожей морщины. Я ничего не вижу, и, кажется, теряю сознание…

Последняя команда мозга, теряющего связь с реальностью. Усилие воли, заставляющее его задержаться на несколько секунд — достаточных, чтобы способность сработала. Ледяной холод. Силы возвращаются. Осознав, что именно я держу, я с отвращением отбросил от себя тело. Да уж, после моей способности трупы выглядят и пахнут омерзительно.

Включив воду, я как следует вымыл руки, старательно пытаясь не коснуться тела, лежащего на полу. И не дышать. Какого чёрта только что произошло, убил ли я вражеского агента или старушку, испугавшуюся, что я грабитель…

Нет, точно не второе. Старушки не просят наклониться, чтобы потом нанести вырубающий удар по шее.

Печально. Теперь я не узнаю, кем она была, зачем приходила, что ей и её нанимателям нужно от Дэна, а также куда пропала рана на её голове. Регенерация, возможно. Или…

Я застыл над раковиной, оглоушенный внезапной догадкой. Вот куда могла исчезнуть рана. Вот что объясняло… многое.

Любой человек, увидев, как кто-то излечил себе рану, подумает о регенерации. Но не все смогут дойти до второй мысли — а что, если раны изначально не было?

Метаморфы. Люди, управляющие внешностью своего тела, способные принимать любой облик. Например, безобидный и отвлекающий облик старушки с фиолетовыми волосами. Или той же старушки, но с раной на виске, которую я «по чудесной случайности» нанёс ей, якобы, с первого же удара.

Конечно, если лежащее передо мной тело — метаморф, это ничего не говорило мне о её нанимателях и целях (или его, тут тоже ничего непонятно). Но зато это отвечало на другой вопрос, волновавший меня уже минут 10.

Почему я на видео назвал Пашу по фамилии и вообще вёл себя так, будто… это не я. Будто это кто-то, знающий меня хорошо, достаточно хорошо, чтобы изобразить, достаточно хорошо, чтобы обмануть любого, кто меня знал — даже моих собственных родителей!..

Но всё-таки недостаточно хорошо, чтобы обмануть меня самого.

Итак, что мне делать дальше?

Закрыв воду, я перешагнул через тело и вышел из ванной. Запереть дверь на все замки. Прислушаться — мало ли, кто ещё

пробрался в квартиру за время стычки. И лишь затем вернуться к телефону.

«Спасибо за сигнал», — напечатал я тому, кто отправил мне фальшивое видео с фальшивым мной (чем больше я думал о ролике с такой точки зрения, тем больше в этом убеждался). — «Я разобрался с проблемой. Что ты предлагаешь делать дальше?»

Глава 18

Внешне я выглядел до ужаса спокойным, но внутри всё билось и колотилось. Едва ли «хозяйку»-метаморфа прислал тот же, кто сейчас со мной переписывался. Значит, он мог предусмотреть многое, но только не то, что случайная догадка, вызванная едва заметной деталью в драке, заставит меня догадаться о том, что видео — фальшивка.

Видео — фальшивка. Составлено так, чтобы не догадаться об этом. Булки и халаты как элемент отвлечения — пока я смотрю на них, я не смотрю на фальшивого себя. Чем больше я об этом думал, тем сильнее крепла моя убеждённость в этом.

А какие ещё из видео были ненастоящими? Видел ли я уже что-нибудь из этого?..

«Снаружи ждёт машина», — заметил собеседник. — «Она ждёт ту, кто зашла внутрь. Если ты спустишься — тебя заметят».

А вот в этом я бы не был так уверен. Кто бы ни прислал «милейшую старушку», он ждал не меня, а Дэна — иначе бы шпиона проинструктировали, кто я чего от меня ждать.

«Допустим», — напечатал я. — «И что ты предлагаешь? Из дома есть другие выходы?»

Нужно было выжать из моего нового знакомого всё, что можно — и я намерен был продолжать диалог.

«Предлагаю заглянуть в тумбочку в коридоре», — ответил собеседник. — «Там ты найдёшь ключ от почтового ящика. А я попробую разобраться с машиной внизу».

Ну, едва ли в почтовом ящике меня ожидает бомба или сибирская язва, потому что захоти собеседник убить меня — смог бы сделать это десятком более простых способов. Я уже почти собрался направиться к двери, но… что-то внутри остановило меня.

В самом деле, какого чёрта? Нет, так я не возьму ситуацию под свой контроль. Если я буду выполнять инструкции, неважно, чьи и для чего — всё так и останется.

Я вернулся к телефону.

«А если без загадок?» — четыре недлинных слова так и сквозили сарказмом.

На этот раз ответа пришлось ждать минуты две. Не то, чтобы дать его было так сложно — значит, на том конце кто-то замешкался от моей реакции.

Наконец, ответ всё же пришёл.

«Там деньги на карманные расходы».

Ясно. Уже лучше.

«А в целом?» — продолжил я. — «Будет куда лучше, если я узнаю ответы на вопросы».

«А ты уверен, что готов?»

Ого. Кажется, кто-то решил изобразить из себя крутого.

«Да. Уверен», — отправил я, после чего встал и направился к тумбочке, за ключами.

Сообщения не было и не было. Взяв ключи, я спустился вниз по лестнице. В квартиру я возвращаться не собирался — труп в ванной и камеры по всей территории не очень способствовали хорошему настроению. В почтовом ящике действительно оказался конверт с деньгами — не какая-то космическая сумма, но на неделю хватит, если не шляться по ресторанам.

Ответ от фальшивого союзника так и не приходил. Либо он печатает длинную и увлекательную историю, либо… не согласен с тем, что я готов. А может, понял, что я его раскрыл.

Неважно. Я выглянул в окно, пытаясь определить, какая из припаркованных здесь машин принадлежит людям, пришедшим за Дэном.

Долго гадать не пришлось. Почти все машины были пусты, и только в одной из них сидели люди; двое, на переднем сидении. Ничем непримечательные, два мужчины заурядной внешности — впрочем, внешности я теперь уже не доверял.

Ладно. Советчик по телефону может отговаривать меня это делать, но ничего получше он пока не предложил (за деньги, впрочем, спасибо). Сунув конверт в карман, я зашагал по лестнице вниз — и распахнул дверь подъезда.

Хоть я старался не смотреть на сидящих в машине, но всё равно уловил, насколько они оба напряглись, увидев меня. Значит, догадка была верна. Ладно, делаем хорошую мину, улыбаемся и машем. Я зашагал к углу многоэтажки, не оборачиваясь и не ускоряя шаг.

Хлопнула дверца машины. Дважды. Шаги. Я продолжал идти, не поворачивая голову, хотя развернуться хотелось. Никогда бы не подумал, что может так хотеться просто посмотреть назад!..

— Босс?

Вот тут я замер. Чего бы я не ожидал услышать — от звука передёргиваемого затвора до отборного мата, от вежливого покашливания до нейтрального отвлекающего вопроса — но только не это.

Я обернулся. Двое стояли за мной и глядели на меня с видом скорее растерянным, чем угрожающим.

— Да? — уточнил я. Главное в покере — это блеф, а главное в блефе — выдержка и актёрская игра. И тому, и другому я сполна научился за те годы, что готовился к собственной смерти.

— Мы… — заговорил один из стоящих рядом со мной, лысый тип лет тридцати пяти, — мы просто не ожидали увидеть вас тут.

— Ну — я тоже вас не ожидал увидеть, — заметил я. С каких пор я их босс, как я им стал и что они вообще имели в виду — у меня не было ни единой подсказки, но зато я мог долго вести разговор ни о чём, вытягивая ответы.

— Мы здесь… — второй из парочки, парень чуть старше меня, подобрался. — По делам. Не связанном с вами.

— Как-то так и у меня, — признался я. — Так вы хотели просто поздороваться или что-то ещё?

Парочка переглянулась. Кажется, о моих способностях и умениях они были прекрасно осведомлены и потому относились ко мне с некоторым… трепетом. В их взгляде читалось нечто вроде робости — чувство, довольно неуместное, если его испытывают то ли шпионы, то ли киллеры по отношению ко мне, вчерашнему подростку без места в жизни.

— Слухи, — наконец, кивнул тот, что моложе.

— Какие слухи?

— Про Усатого, — собеседник машинально потеребил мочку уха. — У меня нет, конечно, доступа в «Сато», я не знаю, может, он просто занят. Но прошёл слух, что он…

— Мёртв, — коротко и лаконично отрезал второй, постарше. — Прошёл слух, что он мёртв.

Я не переменился в лице — по крайней мере, на это я очень надеялся. Покер, всё это просто покер, ни больше и ни меньше.

— Ну, до меня эти слухи дошли только сейчас, — заметил я. — С Усатым я не виделся уже несколько дней, с самой стычки в ломбарде.

Парочка снова переглянулась.

— Значит… это правда? — уточнил старший. — Чёрт… а деньги только начали идти…

Младший нервно поглядел на верх многоэтажки, и я заставил себя вспомнить о том, что коллега этих двоих, что так любезно зовут меня боссом, был вот-вот убит мной при попытке меня же вырубить.

— Сейчас спустится… кое-кто, — заметил он. — Ты его не знаешь, босс. Один… коллега. При нём говорить небезопасно, но потом можно…

Я мысленно глубоко вздохнул. Ладно, они ведь всё равно узнают. И лучше повернуть всё так, чтобы извлечь из ситуации наибольшую пользу.

— Не спустится, — заверил я своих «друзей». — Уже нет. Кажется, именно вашу коллегу я случайно прикончил, когда она попыталась напасть на меня.

Глаза парочки расширились ещё больше, и теперь мелькавшая в них робость превратилась откровенный страх.

— В машину, — скомандовал я. — Не стоит вот так стоять и разговаривать у всех на виду.

И не то, чтобы тут было много этих «всех» — только три бабки на скамеечке таращились на нас с другого конца двора, да женщина средних лет вывешивала бельё на верёвки — но всё-таки лучше не обсуждать убийства вот так запросто.

Оба моих собеседника молчали по пути к машине, и только захлопнув двери, они оба обернулись на меня с паникой и возмущением на лице.

— Как?! — негромко, но очень экспрессивно вопросил молодой. — Как можно было убить — случайно! — Гелену Радлову? Она, мммать её, легенда, и…

— Вопрос не в том, как, — старший помотал головой. — Но… зачем? Нельзя же так просто брать и убивать людей только потому, что захотелось, и…

— Это вы мне говорите? — я держался спокойно (хотя и сам задавался обоими этими вопросами) и равнодушно. — Вы пришли сюда за тринадцатилетним мальчишкой.

— Ты в курсе, — вздохнул старший. — Да. Работа такая. Наше начальство хочет видеть его у себя, а зачем и почему — я без понятия. Но убивать его мы, в любом случае, не собирались.

Итак. Я собрал мысли в кучку, пытаясь мыслить логично. Один плюс один. Эти двое (в прошлом трое) — не из «Сато». Молодой сказал, что у них нет доступа к данным корпорации, и они не знают точно, что с Усатым.

Два плюс два. Мы с этими двумя — и с Усатым — сотрудничали в прошлом. Они не знают ни о том, чем всё закончилось, ни о том, что я потерял память.

Их начальство послало их за Дэном. Дэн раньше работал на владельцев «хостела», а тот, как я уже знал, принадлежит «Бикфорду».

Три плюс три. Наверное, я буду выглядеть идиотом, если всё же ошибся в своих расчётах, и мой блеф не удастся, но…

— Зная «Бикфорд», — я притворно зевнул, — могу сказать, что лучше бы вы приехали его убить. И, кстати, его здесь уже нет, и довольно давно.

Довольно недавно, на самом деле, но не буду подсказывать «Бикфорду» — пусть у пацана будет небольшая фора.

Взгляды парочки были всё такими же испуганными. А мне в голову внезапно пришло…

— Ты понимаешь, что ты тут наболтал… слишком много? — старший скользнул по мне взглядом. — Столько, что самым

логичным нашим действием сейчас было бы убить тебя.

Да, вот именно это и пришло мне в голову.

— Ничего подобного, — едко улыбнулся я. — Во-первых, вы знаете, кто я и на что способен. Во-вторых, у вашего начальства наверняка есть инструкция на мой счёт, даже если вам лично её не выдавали: я неприкосновенен, мой труп не принесёт им никакой пользы. Ну, и в-третьих — соберись вы меня убить, не стали бы об этом говорить.

Оба типа синхронно кивнули. Старший повернулся вперёд и тронул ключ зажигания.

— Ладно, — согласился он. — Тогда отсюда лучше убраться. И обсудить… произошедшее.

— А что тут обсуждать? — я пожал плечами. — Не знаю, как много вам сообщили о пацане…

— Почти ничего, — вставил молодой. — Сам понимаешь, мы не те, кому дают много информации.

— Ну вот, — подтвердил я. — Вот вам немного информации — мы с ним сотрудничаем. Как и по каким делам — это и впрямь наше с ним личное дело, но в остальном всё просто: он ушёл, я остался в квартире перекусить. А затем… ну, тут уже всё ясно.

Оба напарника кивнули.

— Это всё прекрасно, — заметил старший, — но нам теперь нужно будет что-то сообщать начальству о трупе одного из лучших агентов и о том, что цели при этом на месте не оказалось.

Либо мне парадоксально везёт — либо мой собеседник так же парадоксально блефует. Ладно, продолжаем игру.

— Не просто труп, — возразил я. — Труп с…

— Характерным почерком, — завершил за меня молодой. — Да уж. До сих пор помню, как это выглядит, картинка мерзкая, не дай Бог приснится.

— Другими словами, — я кивнул, — у вашего начальства не возникнет вопросов на тему «кто это сделал».

Я замолчал, обдумывая один важный вопрос.

— А теперь чётко и быстро скажите, — потребовал я. — Вам двоим вообще положено… знать обо мне? Если бы не наше сотрудничество — вы бы знали, кто я такой, что умею и как выгляжу?

— Нет, — моментально и очень нервно ответил старший. — Хотя я догадываюсь, что начальство не могло пройти мимо и точно в курсе всего произошедшего.

— Тогда, — я полсекунды помедлил, — вот вам и ответ. Вы ждали вашу Радлову внизу. Прошёл, допустим, час, или сколько у вас там по протоколу. Не дождались. Пошли наверх… дальше всё зависит от того, готовы вы выбить дверь или нет.

— Зачем выбить? — удивился молодой. — Ты не сам знаешь, что выбивать для этого не нужно, просто открыть. Разумеется, я могу и должен открыть её, иначе зачем бы я был тут нужен.

Так, промашка. Кажется, я почти не выдал себя, «забыв» о талантах взломщика сидящего напротив типа.

— Ну, вот и всё, — я постарался ничем не выдать своего расстройства. — Зашли внутрь, увидели тело. Тут же позвонили начальству и доложили. А дальше…

— Ну, если так… — пробормотал молодой. — А ты…

— А я найду что сказать вашему начальству при встрече, — мой взгляд оставался холодным. — А почему, собственно, вас так волнует моя сохранность?

— Усатый или не Усатый, — пробормотал старший, — но я лично полагал, что денег много не бывает.

Я поглядел на них оценивающим взглядом.

— Думаете, наш бизнес ещё может… продолжиться.

— А что, нет? — младший цепко поглядел на меня. — Судя по тому, что произошло там, наверху — твои силы при тебе.

Машина, сделав круг, вернулась на то же место, что и прежде; теперь моим «товарищам по бизнесу» оставалось только одно — выжидать, когда же станет прилично «забеспокоиться» и пойти наверх, чтобы «внезапно обнаружить» там тело.

— Мои силы при мне, но желания поубавилось, — ответил я. — И Усатый — жив он или нет — не выходит на связь. Среди моих сил нету «автоматически найти клиента и всю информацию о нём».

Я снова блефовал, искренне надеясь, что пробелы, заполненные логикой в моих знаниях, не подведут. Впрочем, картина… уже вырисовывалась.

Что у нас был за бизнес — точно я не знал, но завязан он был на моих силах. Либо убийство, либо вытягивание болезней. Я до сих пор не проверил, осталась ли при мне старая способность, но если да — теперь она заиграла новыми красками. Впитав чью-то болезнь, я вовсе не обязан сдыхать, а могу просто поглотить лишнего человека и ехать по жизни дальше.

Удобно. А главное, прибыльно. Неудивительно, что несколько средней руки порученцев из «Сато» и «Бикфорда» решили на этом заработать.

— Клиенты не проблема, — задумчиво заметил старший. — У меня есть на примете один тип — если Усатый не объявится, можно попробовать его на то же место. Вопрос в том, готов ли ты.

Вопрос действительно в том, готов ли я.

— Пока у меня есть другие дела, — покачал я головой. — Более важные. Затем… будет видно, но лучше бы нам оставаться

на связи. Полезные люди на дороге не валяются.

— Так у тебя же был мой телефон, — младший довольно улыбнулся. Лесть есть лесть, она работает даже на не самых глупых людях.

— До той заварушки в ломбарде, — я пожал плечами. — Пришлось менять симку.

— Ладно, — порывшись в бардачке, младший вытащил оттуда бумагу и ручку и принялся писать. — Держи…

Прямо сейчас я, конечно же, не собирался работать ни киллером, ни целителем. Собственно говоря, я и дальше не очень хотел работать по одной из этих специальностей, но иметь на связи лишнюю зацепку с прошлой неделей — хуже не будет.

К тому же…

Кто знает.

Взяв бумажку у младшего, я кивнул напарникам.

— Ладно. Думаю, не стоит и дальше нам светиться вместе. Оставайтесь и ждите.

Оба типа кивнули, а я вылез из машины и направился туда же, куда и за пять минут до того — за угол дома.

Оказавшись вне поля зрения сидящих в машине, я усилием воли заставил себя не тянуться за телефоном. Кто знает. Если мне кажется, что эту партию в покер я выиграл, то это ещё не означает, что так оно и есть на самом деле. Может, тут есть кто-то ещё и за мной продолжают следить. Может, мне опять поставили жучок, или в машине была прослушка. Я надеялся, что это не так — но старался быть готовым ко всему.

Поэтому телефон я взял в руки только через три квартала.

Четыре новых сообщения. Три от моего фальшивого «союзника»… и одно от Дэна.

С чего бы начать?

Глава 19

Господин Рюдзи Сато смотрел на своё отражение в мониторе только что погасшего компьютера. В глазах азиата была видна лёгкая грусть, а в волосах — седина.

Семьдесят два года. Столько было отмерено ему природой — довольно мало, но он с детства отличался слабым здоровьем. Семьдесят два, ровно три раза по двадцать четыре.

В самом начале — давно, когда он только овладел своей способностью — каждый час добавлял ему три года жизни. Его это устраивало. Детские годы, приятные, но наименее полезные в бизнесе, уходили ночью, к полудню ему было уже тридцать шесть, а в полночь, в свои законные семьдесят два, он умирал, чтобы переродиться снова.

Он мог бы гордиться собой. За всю историю были известны только трое мастеров, что овладели техникой Фэнхуан. Возможно, были ещё и те, кто скрывал её, но для этого им пришлось бы жить отшельниками или идти на невообразимые хитрости, изображая целую семью в одном лице.

Но пару лет назад… порыв гордыни, решение, созревшее, когда он понял, что полностью управляет энергиями тела, так, как никогда раньше. Он попытался кое-что изменить в технике, привнести свою, новую нотку в великое изобретение мастеров прошлого. Он попытался сделать так, чтобы его годы шли неравномерно. Молодость протекала бы дольше, а затем старость накатывала бы быстро и стремительно, за пару часов до полуночи.

Глупец. Можно повернуть стрелки часов, но нельзя заставить время идти быстрее, даже если очень спешишь. Эксперимент сорвался, показывая, что какими бы средствами он не обладал, что бы о себе не думал, есть вещи, с которыми нельзя шутить.

Молодость продолжила протекать точно так же, как и прежде. Зато старость теперь приходила раньше… и сильнее. С каждым днём он находил у себя седые волоски на минуту раньше, чем вчера. Настанет момент — не через год, не через два! — когда он начнёт рождаться уже седым.

А вечер и вовсе превратился для него в пытку, показывая, что прежде он не знал настоящей старости, её хриплого дыхания, скрипа её застарелых костей, боли, которую принимаешь как данность. Он вновь старел каждый день — но если часы молодости длились как и прежде, то часы старости прибавляли ему уже не по три года жизни, а по пять. Девяносто лет ощущаются совсем не так же, как и семьдесят, особенно если ты к

такому не привык.

Старый, самонадеянный дурак. Или нет? Укротит ли он когда-нибудь свой дух настолько, чтобы всё же добиться цели, оставаться вечно юным, лишь на минуту в день старея и умирая?

Господину Сато было странно, что после своего провала он всё ещё думает о таком, но… он думал. Думал и продолжал искать варианты.

Встав из-за стола, мужчина, выглядящий на сорок пять, с волосами, украшенными ранней сединой, взял в руки толстую папку и вышел наружу, к лифту.

Коридор был пуст. В этом заключалась одна из функций охраны — видеть, когда и куда идёт господин Сато, и допускать к нему только тех, кому разрешено быть с ним. Даже телохранители маячили за его спиной не постоянно, а только когда он с кем-то встречался.

Лифт выглядел необычно — слишком много кнопок, по сравнению с теми, что стоят в холлах гостиниц и торговых центров. Но целью Сато был всего лишь минус третий этаж — отличная наблюдательная площадка для тех, кто не собирается производить с Силой никаких лишних манипуляций, просто… смотреть.

Гость уже ждал его в небольшой застеклённой беседке. Перед ним стояла чашка чая, но человек к ней не прикасался — лишь нервно барабанил пальцами по дорогой столешнице. Завидев вошедшего, человек привстал:

— Господин Сато…

— Господин Максимов, — коротко кивнул в ответ Сато. Телохранители так и не присоединились к нему — потому что и этот человек тоже пришёл сюда без них, в знак доверия и доброй воли.

— Вижу, ваши эксперименты идут полным ходом? — Максимов кивнул в сторону прозрачного стекла, за которым располагался бездонный колодец с Силой в нём.

— Мои люди делают всё возможное, — кивнул Сато, усаживаясь напротив него; вошедший слуга точным, выверенным движением — не слишком быстрым, не слишком медленным — опустил перед ним такую же чашку чая с восточным ароматом. Пар поднимался к носу Сато, заставляя его вспоминать детские годы и юность, проведённые у себя на родине.

Господин Сато взял в руки чашку и сделал маленький глоток. Горячая жидкость потекла по пищеводу, сразу внося бодрость и ясность в уставшее под грудой дел тело. Гость сделал то же самое, но, думается, в его случае эффект не был так целителен — нужен определённый настрой, а Максимов был от этого… далёк.

Сато прекрасно видел, что тот расстроен и разгневан, и только вежливость не даёт ему высказать всё это ему в лицо. Или не вежливость, а страх — он пугал даже таких людей, как Максимов, вице-президент корпорации «Бикфорд».

— Давайте к делу, — мягко улыбнулся господин Сато, поставив чашку на стол.

— Хорошо, — быстро кивнул Максимов. — Давайте к делу.

Он вынул из внутреннего кармана дорогого пиджака фотографию и протянул её Сато.

— Взгляните. Как вы думаете, кто это?

Ну, Сато не был экстрасенсом. А трупы, оставляемые их новым знакомцем, было впоследствии сложно опознавать — даже если речь шла о кем-то знакомом. Например, труп его сотрудника по фамилии Усатый опознать смогли только по…

Усам. Да, иронично. Интересно, он начал растить усы из-за фамилии — или получил фамилию из-за семейной черты?

— Я понятия не имею, кто это, — признался господин Сато гостю.

— Превосходно, — кивнул тот, тряся двойным подбородком. — Я скажу вам, кто это. Это Гелена Радлова, одна из лучших оперативников корпорации. Метаморф, мастер боевых искусств, шпион экстра класса…

— И труп, — добавил Сато с абсолютно серьёзным лицом. Ситуация забавляла его.

— И труп, — кивнул Максимов. — Думаю, сразу понятно, чьих рук это дело.

— Понятно, — ответил Сато после паузы. — Непонятно мне другое: вы натравили на Свердлова своего чудо-агента? Хотя я, кажется, настоятельно просил воздержаться от подобных мер до этого вечера?

— Нет! — выдохнул Максимов. — Никого мы не натравливали. У Радловой было совершенно другое задание. Она должна была вернуть… принадлежавшую нам вещь. Просто войти и взять. А вышло вот это.

Сато пожал плечами.

— Значит, какое-то недоразумение или стычка. В любом случае, что вы предлагаете?

— Предлагаю признать, что Иван Свердлов — не один из ваших проектов, а проблема, — нахмурился Максимов. — Признать, что убытков от него куда больше, чем потенциальной пользы, и пора бы уже прекратить попытки эту пользу выжать. Его нужно устранить, быстро и тихо, а если он думает, что вы обеспечиваете ему неприкосновенность до вечера — значит, сейчас наилучший момент для удара!

Толстяк покраснел, с каждым словом распаляясь всё больше и больше. Едва не сбив рукой чашку из дорогого фарфора, он продолжал:

— Если бы это была первая потеря — куда ни шло. Но вспомните, сколько людей прикончил этот маньяк за прошлые дни! И ваших людей — в том числе, между прочим…

«Моих людей — четыре человека», — мысленно отметил Сато. — «Плюс предатель, выявленный благодаря ему, чья смерть — лишь плюс для корпорации». Вслух он этого не сказал.

— …а сколько ещё их будет? Свердлов, во-первых, опасен — опасен критически, не как человек с пистолетом, а как человек с атомной бомбой! Во-вторых, неуправляем. Да, это в какой-то степени и наша вина, он одержим жаждой мести, но факт есть факт — сломанная психика и идиотский кодекс заведут его туда, где он нанесёт удар, что обойдётся нам слишком дорого! Сколько ещё ценных кадров мы должны потерять прежде, чем поймём, что его нужно было прикончить с самого начала?

Он гневно сверкал глазами, глядя на Сато.

— Как я понимаю… — протянул японец, — вас на мероприятии можно не ждать?

— Что? — опешил Максимов.

— Вечером, в отеле «Прайд», — пояснил Сато. — Вы его боитесь. А он будет там. Между прочим, ему достаточно только подумать, чтобы все присутствующие там, вне зависимости от их чинов, должностей и денег на банковских счетах, превратились… в это.

Он протянул обратно Максимову принесённую им же фотокарточку.

— Да, — кивнул тот. — И даже зная это, вы продолжаете настаивать?

— Да. Продолжаю, — подтвердил Сато. — Как я и сказал, ему для этого достаточно подумать. А моя задача — сделать так, чтобы он об этом не подумал.

— Слушайте! — в глазах Максимова зажёгся опасный огонёк. — А может… может, вы этого и хотите? Устранить кого-то из тех, кто там будет, его руками? Вам-то ничего не сделается… вы у нас бессмертный, а если он убьёт их всех…

Замолчав, Максимов принялся жестикулировать — видимо, потерял слова.

— И какая мне в этом польза? — улыбнулся Сато. — Нет, наш юный и благородный друг нужен мне ровно с той же целью, что и вам — из-за его связи с Силой. Увы, мы не можем прямо сейчас перенести эту связь с него на кого-то другого, иначе я бы тоже предпочёл более лёгкий вариант. Но есть то, что есть.

— Если его убить, — Максимов спрятал фотографию обратно во внутренний карман, — то связи не будет ни у кого, так? Но я не верю, что надолго. Свято место пусто не бывает! Связь возникнет заново, и вряд ли новый вариант будет хуже девятнадцатилетнего психа-паладина, умеющего убивать силой мысли!

— А уж на этот счёт я предпочту довериться не вам, господин Максимов, — взгляд Сато стал несколько холоднее, — а своим учёным. И насчёт того, что будет со связью в случае его смерти. И насчёт того, худший ли это вариант из возможных, или может получиться нечто такое, после чего мы будем вспоминать Свердлова с нежностью и ностальгией.

— Но… что?! — у Максимова явно кончались слова.

— Не знаю, — Сато пожал плечами. — Я не специалист. Я лишь знаю, что Сила — не то, с чем можно шутить, и что вариант похуже может найтись всегда.

Он машинально тронул волосы на своих висках — то место, с которого всегда начинала идти седина.

Видя, что его собеседник так и сидит с тупым видом, Сато вздохнул.

— Представьте, у вас есть коллекция живых бабочек. Прекрасная, чудесная коллекция. А ещё есть коллекция драгоценных камней…

— Сато! — взревел Максимов. — При всём уважении — избавьте меня от ваших восточных побасенок!

— Ну, если при всём уважении, — господин Сато выделил эти слова, — то когда говорили вы, я вас не перебивал.

Максимов заткнулся, лишь глотая воздух, как карась, вытянутый из воды; возразить на это ему было нечего.

— И однажды, — совершенно спокойным, расслабленным тоном продолжил Сато, — с полки случайным образом упал один из самых ценных ваших бриллиантов. Упал — и, падая, рухнул на бабочек. И раздавил два-три ценных экземпляра.

Было видно, что Максимову очень хочется опять что-то рявкнуть, но он сдерживался, напоминая себе, перед кем он сидит и чем могут обернуться такие поспешность и непочтительность.

— Вы, несомненно, будете опечалены потерей этих экземпляров, — покачал головой Сато. — Но вам и в голову не придёт выбрасывать бриллиант в наказание за то, что он раздавил бабочек.

«А ведь мне доставляет удовольствие рассказывать притчу именно из-за его реакции», — Сато мысленно хмыкнул, внешне оставаясь всё таким же невозмутимым, доброжелательным и непоколебимо спокойным.

— Вы… закончили? — с ледяной вежливостью в голосе осведомился Максимов, когда прошло тридцать секунд абсолютной тишины.

— Закончил, — улыбнулся ему Сато.

— Значит, ваше решение — нет?

— Совершенно верно. Свердлов — неприкосновенная личность, а до вечера — до самого конца мероприятия в «Прайде» — он недоступен даже для нелетальных воздействий.

— Он предаст вас, — заметил Максимов, отводя взгляд в сторону. — Он уже предал нас. Просто потому что захотел. Логику безумца сложно предсказать….

— Вы так думаете? — покачал головой Сато. — Ну, а я попытаюсь сделать так, чтобы меня он не предал.

«Бикфорд» — слепцы, устало подумал он. Не видят разницы между их подходами. Полагают безумием то, что не укладывается в их собственную картину мироздания.

— Хорошо, — Максимов встал. — Тогда вот что я уполномочен вам сказать. Если — если! — всё пройдёт гладко, то мы выполним вашу просьбу и не станем трогать его до вечера, и затем на мероприятии тоже. Но если начнётся конфликт — заварушка, в которой возникнет риск, что мы снова понесём ущерб, то мы прикончим его, потому что наши интересы не могут страдать.

— Хорошо, — согласился Сато, вновь отпивая из чашки. — Конфликта не будет.

— Вы ручаетесь за это?

— Если будет — вы вольны поступать так, как вам вздумается, — Сато пожал плечами. — Не хотите допить чай?

— Нет, спасибо, — Максимов кратко кивнул и быстро вышел из переговорной комнаты.

Господин Сато остался один.

Минут пять он сидел, неподвижный и погружённый в свои мысли, а затем нажал кнопку в углу стола.

— Обед прямо сюда, — приказал он. — Особых пожеланий нет.

Повар знает его вкусы, он работает на него уже пятнадцать лет. У господина Сато не было причин не доверять выбору повара. А пока принесут обед, можно немного поработать с документами.

Господин Сато раскрыл принесённую с собой папку, на обложке которой значилось одно слово: «Прометей».

Внутри… нет, большинство из этих документов не стало бы никаких откровением для шпионов или искателей загадочных тайн. Счета за оборудование, счета за свет, бухгалтерские отчёты.

В этой папке были собраны те денежные документы, которые должен был подписать он лично — о ничего секретного, жуткого или таинственного.

Прометей. Господин Сато прочитал этот миф — легенду народа, проживавшего на другом конце света, верившего в иных богов, живших иным укладом — ещё в далёкой юности. И уже тогда она потрясла его.

Некое сверхъестественное чудовище — даже не человек! — явилось к богам, обманом украло у них нечто ценное. Нет, это Сато ещё мог понять и принять, такие мотивы были и в мифах его родных краёв.

Но затем… Прометей спустился вниз и отдал украденное людям.

Преступления гнуснее Сато выдумать не мог. Сколько бед принёс людям огонь по вине Прометея? Сколько войн, смертей, пожаров, боли? Но и даже это было не самым отвратительным в поступке титана. Почему он отнял у людей главное, бесценное — право самим найти огонь, право самостоятельно обучиться его использованию?

Дать огонь молодому человечеству — всё равно как вручить гранату ребёнку в коляске. По мнению господина Сато, Прометей заслужил каждую секунду своих мучений на скале.

Сила — кем бы она ни была, откуда бы она ни явилась — поступала так же. Она снизошла на мир около двух веков назад — и с тех пор даровала людям различные способности, «от щедрот своих».

Те из представителей чужих корпораций, кто знал о проекте «Прометей», полагали, что название его символизирует свет, который Прометей принёс людям. Нет, большая ошибка. Название символизировало Силу, которую — пускай не полностью, пускай лишь один из множества её многомерных аспектов! — господин Сато своей волей приковал к скале, там, внизу. Его учёные разберут её по кусочкам, поймут все её загадки, научатся воспроизводить, и только потом — Человек станет по-настоящему всемогущ.

Ну, а кроме того, господин Сато искренне гордился тем, что его сила — техника Фэнхуан — была не подачкой от Силы, которую та посылала людям, но способом Её укротить. Частично — иначе у него сейчас было бы меньше седых волос. И всё-таки.

Дверь распахнулась; слуга, молчаливый и вышколенный, внёс обед на подносе. Господин Сато кивнул, даже не взглянув на принесённое им. Еда — лишь способ поддерживать в себе силы.

Итак, он обещал Максимову, что никаких новых инцидентов с участием Ивана Свердлова до вечера не произойдёт. Значит,

именно этим нужно будет заняться после обеда.

Ну а если что-то подобное случился ещё до этого… да, это будет неприятно. Но господин Сато не сомневался в том, что победа останется за Свердловым, а не за «Бикфордом» и их наёмниками.

Конечно, такие вещи было бы глупо оставлять на произвол судьбы. Но и со стороны «Бикфорда» было неразумно приходить сюда, повышать тон, ставить ему условия.

Город пронизан его агентами. Каждый снайпер «Бикфорда» находится под прицелом у трёх снайперов «Сато». Каждый их боевик поставлен на учёт и отслеживается в режиме реального времени. Так что лучше бы им было оставить шпионские игры и боевые действия тем, кто в действительности что-то в ним понимает, и вернуться к своим кафе, магазинам и прочим заведениям по предоставлению различных услуг.

Придвинув к себе поднос, господин Сато принялся за еду. На подносе не было ничего, произведённого «Бикфордом». Не то, чтобы он опасался отравления, просто… так, на всякий случай.

Глава 20

«Информацию — особенно важную — лучше узнавать самостоятельно, чем получать по СМС от того, кому ты даже до конца не веришь».

Да, действительно. Не верю. Но с этими словами я был согласен на все сто процентов. Однако… что ты предлагаешь, незнакомый тип, пытающийся прикинуться союзником?

Я перешёл на вторую СМС. Там была карта — просто кусок карты, и, вглядевшись, я увидел, что это фрагмент столичного метро. Достаточно большой фрагмент, нужно сказать — практически две трети кольцевой линии на него умещалось.

Третье сообщение гласило:

«Поезжай на любую станцию из тех, что есть на снимке. Так ты убедишься, что это не ловушка. Найди место, которое не видно на камерах. Дальше поймёшь сам. Ключ не понадобится».

И снова игра в шарады. Чёрт, ненавижу её!.. И к тому же — с чего он взял, что несколько станций — такая уж универсальная защита от ловушек?

Чем дальше я уходил от дома, где оставил труп агента-метаморфа, тем больше находил способов, которыми можно было бы меня обезвредить, со всеми моими расчудесными суперспособностями. Усыпляющий газ. Снайпер с дротиком. Камеры повсюду — добро пожаловать в современный мир, он таков! Даже в собственном туалете я не могу быть уверен, что меня не видно через камеры!

Но зарыться в чернозём и сидеть, не показывая и носа — тоже не вариант. Ладно. Плевать, кто там против меня, кто за. Дэн, новый союзник, КОБР, корпорации хорошие, корпорации плохие. Главное, что за себя — я сам.

С кривой усмешкой я свернул сообщения от «доброжелателя», который так и не попытался представиться — хотя бы каким-нибудь псевдонимом или прозвищем, просто для моего удобства — и посмотрел, что же прислал мне Дэн.

Новое видео. Ну, конечно же. Оглядевшись по сторонам, я сообразил, где примерно находится ближайший вход в метро — мне туда. Ладно, посмотрим. Нацепив наушники, я включил ролик.

— Итак, я-будущий, — я-прошлый на видео прекрасно знал, как я стану мысленно его называть, и называл меня соответственно. — Ты наверняка смотришь это видео не первым и не вторым в очереди. У тебя наверняка уже есть часть ответов, но куда больше у тебя вопросов.

Он усмехнулся.

— Скажу только одно. Не на все вопросы можно найти ответы. Не на все вопросы нужно найти ответы! Ведь кое-что я хотел забыть — хотел настолько, что пошёл на стирание памяти. Кстати, не гадай — я пошёл на него добровольно, а не потому, что Дэн обманом или шантажом заставил меня.

Я-прошлый покачал головой.

— Одно дело — пережить самому. Другое — просто знать. Например, как с пытками. Ну, те милые часы с Пашей в уединённом уютном уголке, с которых всё и началось! Ты уже знаешь о них. Но ты не переживал этого. И это хорошо. Это прекрасно.

Я не мог не согласиться сам с собой.

— И всё-таки есть вещи, которые опасно даже вспоминать, — заключил я-прошлый. — Расследуй. Я знаю, ты будешь это делать. Но одна просьба… если увидишь, что всё идёт в странную, слишком странную сторону — просто… прекрати расследование.

Конец видео. Я отвёл взгляд от экрана и спрятал телефон. Странное ощущение. Казалось бы, после последнего «видео» — того, где мой двойник лопает булку и предлагает мне не доверять тому, кто его прислал — я не должен доверять никаким видео в принципе. Но вот в чём загвоздка, я ведь тоже не идиот. И я сумею отличить себя от точной внешней копии.

На этом видео — был я. Безумный, искажённый — такой же, как и на других. Прошедший через пытки, привыкший убивать и почти привыкший убивать просто так. Но я.

А вот чего здесь не было, так это конкретики. Опять и снова. Понятно, что он не мог сказать мне, что именно мне не следует искать — это было бы аналогично приказу не думать о розовом слоне. Но хотя бы намекнуть, в какую сторону не копать!..

Хотя — ладно, кого я обманываю. Если бы он намекнул — именно в эту сторону я бы и начал копать, и плевать на все запреты. Пусть. Если я сам увижу, что расследование свернуло куда-то не туда — я остановлюсь; это просто призыв быть осторожнее, и по тому, что исходит он далеко не от самой разумной и осторожной версии меня, можно понять, что дело действительно серьёзно.

Тем временем, на другом конце дороги показался вход в метро. Отлично. Я понятия не имел, будет ли внутри ловушка, но исходил из того же, что и раньше.

«Фальшивый союзник» не хочет меня убивать или изолировать. Это можно было бы сделать десятком более лёгких способов. Тогда ищем, в чём же его выгода, и… находим по аналогии с Дэном.

Убедить меня в чём-то. Переманить на свою сторону и заставить сделать что-то этакое, использовать как оружие. А оружие я — ого-го какое эффективное. Вот и ответ.

Мне хотят что-то показать. Настоящее или нет, или, может, с определённой точки зрения, а возможно, вообще разыграть передо мной спектакль. Что ж, с удовольствием посмотрю. Уже одно то знание, что первый ролик «фальшивого союзника» был подделкой, не даст мне окончательно попасться в его ловушку.

Спуск занял достаточно много времени — не зря же столичные метро славятся как самые глубокие в мире, по сравнению с которыми метро Империи — как детская песочница по сравнению с пустыней Сахарой. Съезжая вниз по длинному, почти бесконечному эскалатору, я думал всё о том же.

После всех перемещений я был не в центре, но достаточно близко к нему. Ладно; путь до кольцевой линии со всеми пересадками занял около получаса — для столичного метро это нормальное время, здесь можно было блуждать и куда дольше.

А затем я оказался на станции Возрождения.

Время, когда строили столичное метро, действительно было временем возрождения и расцвета, временем надежд. Война осталась позади окончательно — не точно она сама, но и связанные с ней голод, разруха, болезни и так далее. Корпорации — уже именно корпорации, а не Бригады мира — построили на руинах Республики место, в котором можно было жить. А затем принялись строить такое место, в котором жить ещё и хотелось! Строить достаточно быстро и активно; плоды этого строительства были видны каждому, а потому настроение передалось и народу.

Станция Возрождения, как и другие станции кольцевой, были настоящими шедеврами в миниатюре. Где-то были мозаичные полы и потолки, где-то фрески на стенах, где-то статуи. Здесь были барельефы.

Казалось, статуи просто не до конца вырублены из мраморных колонн, но нет — так оно и задумывалось с самого начала. Нечто… вырывающееся из камня. Ещё не вырвавшееся до конца, но вот-вот, ещё пара мгновений… Огромные бронзовые крылья распластались вокруг колонн, умудряясь быть одновременно и плоскими, и объёмными.

Существа были похожи на ангелов, но всё-таки оставались людьми. На них была одежда людей — форма республиканских военных, рабочие спецовки, медицинские халаты. А ещё — обязательно, у каждого — нарукавные повязки Бригад мира. Молодые и пожилые, мужчины и женщины, здесь были все — как символ народа, возрождающегося из руин. Одни держали других за руки, помогая им выбраться, кто-то нёс на плечах или на руках

детей…

Вершиной скульптурного комплекса были три фигуры, стоящие отдельно от колонн — прямо в центре станции, в метрах десяти от самого современного элемента тут — электронного табло с картой и расписанием. Солдат, рабочий и женщина-мать, три главных архитипических элемента, три иконы того времени. Они расправили свои крылья, образовав нечто вроде высокой арки — статуи были выше человеческого роста, а потому арка висела где-то на высоте четырёх метров — и протягивали руки всем остальным, кто пытался выбраться (и выбирался) из каменных колонн.

Чёрт. Несмотря на то, что я не был особо склонен сейчас бродить по станции и разглядывать статуи, я всё равно загляделся, не в состоянии оторвать взгляда от этой красоты. Но… ладно, пора было идти дальше. В последний раз восхищённо оглянувшись на скульптурную группу в центре, я принялся высматривать совсем другую вещь — камеры под потолком.

Итак, ещё раз, вот инструкция от нашего обманщика. Зайти на любую из станций и найти там место, что не просматривается с камер. Довольно общие условия, если только…

Если только на каждой станции не просматривается камерами практически всё — кроме одного-единственного места.

Похоже, так оно и было. Камеры висели повсюду, даже не пытаясь прятаться, и обозревали всё пространство вокруг. Колонны, статуи — ничего не могло заслонить от их вездесущего взгляда. Я мысленно пытался представить себе их «кругозор» и сообразить, что же делать дальше, куда идти.

А что, если я так и не найду это чёртово место? Возможно ли, что тогда…

Стоп. Вот оно. Нашёл.

Небольшой «коридор» в углу платформы уводил куда-то дальше — но камеры явно не видели его. Я ещё раз оглянулся, проверяя, так ли это, или, может, я пропустил какой-то из электронных глаз. Но нет, всё верно — этот коридорчик не просматривался.

Во всяком случае, электронно. А вот охрана… пока я просто вертел головой, она никак на меня не реагировала. Здесь было полно таких, как я — и туристов из Азиатского Конгломерата и стран помельче, и гостей из провинциальной глуши, которые, разинув рты, рассматривали статуи станции Возрождения и снимали все эти красоты на мобильники.

А вот если я пойду туда, куда ходить нельзя…

«Спасибо, что пользуетесь услугами корпорации «Фрегат». Ждём вас снова!» — такая табличка висела рядом с

коридорчиком. Я покосился на неё. Ладно… если эту часть скрыли от камер, значит, не просто так, а для того, чтобы что-то оставалось незафиксированным. Например, как кто-то сюда входит.

Я уже видел отсюда, куда мне предстоит войти. Небольшая дверца в конце, наверняка служебный вход. Я понятия не имел, что буду делать там внутри, так же, как и понятия не имел, что буду делать, если так окажутся люди. Лишь надеялся, что «фальшивый союзник» знал, куда посылает меня.

Шаг вперёд. Кажется, никто не обратил на меня внимания. Я покосился на охранников, но те… Хм. Кажется, те демонстративно смотрели в другие стороны?!

Похоже, этой дверью пользуются чаще, чем я думал. И, похоже ещё, что её «не видят» не только камеры.

Чёрт с ним. Раньше зайду внутрь — раньше скроюсь из виду, там всего каких-то двадцать шагов. Я ускорился, желая поскорее проскочить «нервный» кусок — и вошёл внутрь.

Здесь даже не было двери — просто чёрный проём, ведущий… куда-то. В какой-то ещё коридор, который, похоже, шёл вдоль рельс метро, отделённых от меня стеной. Людей здесь не было, но тусклое освещение говорило о том, что помещение не заброшенное.

Но ведь… не может же быть всё так просто! Не может внутри метро существовать целой сети альтернативных коридоров, а если может — то она не была бы отделена только коридорчиком в двадцать шагов. Тут было бы полно туристов и зевак, которые — по любопытству или по рассеянности — забредали бы сюда, и…

Металлический лязг за спиной заставил меня обернуться и подпрыгнуть. Выхода в основную часть зала ожидания позади меня не было — вместо него встала непроницаемая металлическая дверь.

Итак, это точно не ловушка?..

Возможно, я пожалею о принятом решении. Возможно, я уже жалею. Может быть, наилучшим вариантов было бы мирно дождаться вечера, прийти в «Прайд», спросить у господина Сато, что ему нужно от меня, а затем обменять это на жизнь и свободу для себя и своих родителей, после чего уехать домой. Возможно — если я выберусь отсюда — я так и сделаю.

А пока я продолжал идти вперёд по коридору, потому что иных вариантов у меня уже не оставалось.

Вдалеке я услышал тихое гудение — и уже через десять метров увидел его источник. Вот же!..

Эскалатор, ведущий вниз. Обычная вещь в метро… если не вспоминать о том, что я уже нахожусь внизу, причём на такой

глубине, какую и представить-то страшно. Вздрогнув, я ступил на эскалатор.

…вниз я ехал долго — минут десять. Конечно, эскалатор ехал медленно, но всё равно это не помогало избавиться от навязчивого ощущения, что я спускаюсь в Ад. В довольно современный Ад, с лампами на стенах.

Жужжание эскалатора, моё тихое дыхание. И больше ни звука. Даже грохот поездов остался где-то наверху, над головой, почти что на небесах.

Наконец, спуск закончился. Я несмело ступил на каменную пластину и прислушался.

Холодно. Хотя я слышал, что под землёй должно быть жарко и душно. Но нет, тут было даже прохладно, а дышать можно было спокойно. Вентиляция, кондиционеры? Скорее всего. Кто-то же оборудовал это всё.

Итак, неизвестный гений, куда ты меня завёл?..

Шаг вперёд — другой дороги здесь всё равно не было. Даже эскалатора вверх и то не было, бежать по нему, обгоняя его же движение, на такую высоту — ноги отвалятся. Возможно, он как-то переключается… но сейчас я об этом ничего не знал.

Тем более, что первый посторонний звук я уже услышал. Стук колёс об рельсы — не такой громкий, как в метро, чуть тише, но при этом до ужаса похожий.

Ладно. Завернув за угол, я увидел рельсы и маленький вагончик. Окей, метро в метро. Секретное метро, спрятанное под обычным, ничего такого, не на что смотреть, расходимся.

Кто-то уверенно и спокойно звал меня посетить этот чудесный аттракцион. Что ещё мне оставалось? Ладно. Я сел в вагончик без дверей — он чем-то напоминал винтажный трамвай начала прошлого века — и тот, разумеется, тронулся в путь.

Что ж, одно мы знаем точно: у «фальшивого союзника» большие возможности. Управлять всеми этими дверями, эскалаторами и вагончиками с телефона не получилось бы даже у доморощенного хакера вроде Дэна. Ведь… не получилось бы? Я не был уверен до конца.

Пустой вагончик тихо трясся; ехал он куда медленнее обычных поездов метро — то ли из предосторожности, то ли не хватало мощности, то ли просто не было смысла. Мы — как и логично было ожидать — заехали в тоннель, а когда выехали из него — в вагончик неожиданно зашли ещё трое.

Женщина и двое мужчин, все трое лет под тридцать с небольшим. Они покосились на меня, но ничего не сказали и, перейдя в другой конец вагона, принялись что-то тихо обсуждать. Я прислушался.

— …это не теория. Это не теория! Это просто признание в том, что у старого дурака нет теории, а есть одни предположения!

— Женя, спокойнее, — женщина подняла руку, успокаивая своего знакомого. — Не так экспрессивно. Доктор Витцлер, конечно, старый дурак, но если он не высказал всё вслух, это не значит…

— Да значит, — зевнул третий мужчина. — Вы что, не знаете его? Когда у него в последний раз были толковые идеи?

— А если возмущение Силы было связано с… — заговорил самый первый — и внезапно обернулся на меня и замолчал. — Ладно. Обсудим на месте, но… у меня есть пара теорий.

Сила? Кажется, они говорили о том же, о чём я и подумал — о Силе, с которой я мило беседовал в лабораториях Сато, и насчёт сделок с которой меня предупреждал я-прошлый. Никаких сделок с ней, а если выполнить это правило не получится — то уж хотя бы никакого обмана. Иначе пожалею.

Я нервно сглотнул. Итак, куда мы едем?

Ответ пришёл сам собой. Я вспомнил, как стоял на балкончике лабораторий и смотрел вниз. Глубоко, глубоко вниз, где теплился неземной свет Силы, сидящей в бесконечной пещере.

Вагончик снова остановился. Все трое направились наружу; я последовал было за ними, но вовремя увидел пункт охраны и турникет, к которому они прикладывали карточки — в точности как я перед входом в лабораторию.

Похоже, есть лазейка, которую господин Сато защитил не так хорошо, как остальные, считая, что она сама по себе достаточно защищена.

Или нет? Что, если тут есть камеры?.. И как я…

Пока я размышлял, автоматический вагончик двинулся дальше, и вскоре снова нырнул в тоннель. А когда вынырнул обратно…

…я зажмурился от невероятно яркого потока света, льющегося на меня со всех сторон.

Что ж, я снова повстречался с Силой.

Глава 21

Секунд двадцать я просто стоял, ослеплённый сиянием Силы. Затем глаза более-менее привыкли к яркому свету всех возможных оттенков, и я, всё ещё моргая, медленно зашагал вперёд. Вокруг не было ни души — только широкая арка, внутри которой я не мог разглядеть ничего, кроме Силы.

До неё было приличное расстояние, и, кажется, пока что она никак на меня не реагировала. В воздухе разливался странный тихий звон, как будто ультразвук; я шагал вперёд, а затем…

Она наконец увидела меня.

«ТЫ СНОВА ПРИШЁЛ», — раздалось в моей голове. — «ТЫ ВЕРНУЛСЯ. КУДА БЫСТРЕЕ, ЧЕМ В ПРОШЛЫЙ РАЗ».

Первой моей мыслью было — странно, что для Силы вообще есть разница между несколькими часами и несколькими днями. Казалось бы, такая грандиозная, чуждая, непознаваемая сущность должна всю нашу жизнь воспринимать как стремительный поток, но…

Ладно. Плевать. Я внезапно со всей ясностью осознал одну вещь: Силе нельзя доверять, Силе нельзя давать шанс заключить со мной сделку, но Сила не будет лгать. Не по причине своей кристальной честности, нет. Просто по той же причине, по которой человек не будет врать муравью. И я задал первый вопрос.

«Что было на прошлой неделе?» — вопрос был общим, пожалуй, даже слишком общим, но я решил начать с чего-то такого — просто для прощупывания почвы.

«СОБЫТИЯ», — Сила, видимо, тоже любила общие фразы.

«Ты уже знаешь», — мысленно заговорил я, стоя под сенью арки, сделанной из белого камня — а может, это свечение Силы обесцвечивало его, превращая в белый? — «Я забыл нашу первую встречу. Ты можешь рассказать мне о том, как говорили впервые, о том, что ты предложила мне и что я ответил?»

Минуты две Сила просто молчала; я медленно двинулся вперёд, гадая, ответит ли она вообще. В прошлый раз — там, наверху — она сказала, что времени у нас мало. И действительно, её возмущение вызвало реакцию учёных, не говоря уже о Сато, который прервал нашу беседу.

Вероятно, место, где я сейчас находился, тоже принадлежало ему. Вероятно, тут тоже были камеры — если разве что Сила на столь близком расстоянии не делала съёмку невозможной — и, возможно, ко мне уже сейчас спешили люди Сато, а то и он сам. Или нет.

Подумать, к чему это меня подводит, я не успел — Сила наконец решила мне ответить.

«МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СДЕЛКУ», — её голос был нематериален и монументален, как шум прибоя о скалы. — «Я ДАЛА ТЕБЕ ВОЗМОЖНОСТЬ. ТЫ ДАЛ МНЕ ПЛАТУ».

«Плату?» — я слегка удивился. Прошлый я предупреждал против сделок с Силой, но не упоминал о том, что что-то такое уже произошло. Впрочем… прошлый я много о чём умолчал. — «Хочешь сказать, сделка между нами уже завершена?»

«ЭТА СДЕЛКА — ДА», — подтвердила космическая сущность, обдавая меня своим сиянием. Я шёл и шёл вперёд, и глаза всё больше привыкали к свету. Кажется, впереди был какой-то зал… большой, огромный зал… в нём находились какие-то фигуры, но я не мог пока что разглядеть, какие именно; не мог даже ручаться, люди это или что-то неживое — за сверкающими потоками света всё выглядело одинаково невзрачным, как силуэты на засвеченной фотоплёнке начала прошлого века.

«В чём заключалась та сделка?» — я говорил спокойно, ровно. Пожалуй, во время диалога с кем-то — или чем-то — настолько нечеловеческим вполне нормально было бы нервничать, но я почему-то не боялся этих расспросов. Чувствовалось, что Силе всё равно, о чём я её спрашиваю, пока речь идёт о прошлом; её волнует лишь будущее, а этой темы в разговоре мы не коснулись.

«ТЫ БЫЛ СКОВАН», — сообщила мне она. — «ТЫ БЫЛ ИЗРАНЕН. ТВОЯ ЖИЗНЕННАЯ ЭНЕРГИЯ БЫЛА НА ИСХОДЕ. СЛИШКОМ МАЛО. Я ПРЕДЛОЖИЛА ТЕБЕ ЖИЗНЬ. СКАЗАЛА, ЗА ТВОЮ ЖИЗНЬ БУДЕШЬ ПЛАТИТЬ ЧУЖИМИ. ТЫ СОГЛАСИЛСЯ».

Ну, что же, картина постепенно вырисовывалась. Видимо, всё началось там — в подпольном хостеле, в «номере» у Паши.

«Почему именно я?» — по ходу разговора я продолжал шагать вперёд — медленно, неуверенно; чем дальше я забирался, тем труднее становилось глазам, но каким-то шестым чувством я улавливал: только в непосредственной близости к Силе я могу быть защищён от Сато и его людей.

Кто из них — большее зло, сказать пока было сложно. Но я был намерен хотя бы довести этот разговор до конца, а там… там и посмотрим.

«ПРОШЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО Я ВЫБРАЛА», — Сила явно ассоциировала себя с женским полом, — «ДУМАЛ НЕ О ДЕЛЕ. ОН ДУМАЛ О СЕБЕ, О СВОИХ УДОВОЛЬСТВИЯХ».

— Он нарушил сделку? — заговорил я вслух, глядя вперёд и чуть-чуть вверх.

«НЕ НАРУШИЛ», — признала Сила. — «НО СОБИРАЛСЯ. Я ПРОЧЛА ЭТО В ЕГО МЫСЛЯХ. А ЗАТЕМ ОН ПРИБЛИЗИЛСЯ К

ТЕБЕ. Я ПРЕДЛОЖИЛА. ТЫ ВЗЯЛ».

— П-паша? — пробормотал я. — Он… был твоим прошлым носителем?

«Я НЕ ЗНАЮ, КТО ТАКОЙ ПАША».

— Он был рядом со мной? — уточнил я. — Это он меня пытал?

«НЕТ. КОГДА ОН ПРИБЛИЗИЛСЯ, ТЫ БЫЛ УЖЕ ПОЧТИ НА ГРАНИ УГАСАНИЯ».

Ладно. Картинка вырисовывается. Кто-то — неважно, кто, но некий прошлый носитель Силы — явился в «хостел». Не из-за меня, а просто… так совпало. К этому моменту Сила уже поняла, что он ей не подходит, и тут ей подвернулся я.

— Ты дала мне возможность вытягивать чужие жизни, — на этот раз я не спрашивал, а утверждал. — Но… не бесплатно. Что ты взяла у меня за это взамен?

«ЖИЗНИ ТЕХ, КТО БЫЛ РЯДОМ».

Ну, это и так понятно. Или нет.

— А разве они отошли не… мне? — уточнил я. — Ведь за их счёт я излечил раны и чернокровие…

«И ТЕБЕ, И МНЕ», — подтвердила Сила. — «К ТОМУ ЖЕ, ЭТО БЫЛА МАЛАЯ ПЛАТА».

— Малая, — тихо пробормотал я. Звон вокруг усилился, перейдя во что-то вроде гула, и говорить вслух было уже не так комфортно. Кроме того, я вдруг поймал себя на мысли, что, находясь на территории Сато, лучше вообще ничего не произносить вслух.

Допустим.

«Что значит малая?» — потребовал я. — «Я должен тебе что-то ещё?»

«ПОКА НЕТ», — пояснила Сила. — «НО БУДЕШЬ ДОЛЖЕН, КОГДА ЗАКЛЮЧИШЬ НОВУЮ СДЕЛКУ».

«А ты уверена, что я её заключу».

«ЭТО БЫЛО БЫ РАЗУМНО».

Кажется, она имела в виду аванс. Отличная акция, что б её! Она спасает мне жизнь, найдя меня в самый херовый момент этой самой жизни, а я взамен становлюсь её слугой. Ну… что сказать. Я совру, если буду утверждать, будто наша первая сделка оставила меня разочарованным. По крайней мере, я жив!

Но всё-таки послание от меня-прошлого не давало мне покоя. Если всё так хорошо и безоблачно… к чему оно?

«А если я откажусь?» — поинтересовался я. — «Ты ведь не будешь заставлять меня заключать сделку, если я сам не захочу на неё согласиться».

«И ТЫ ОТКАЖЕШЬСЯ ОТ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ?»

Ого. Кажется, в голосе Силы промелькнуло удивление. Самое настоящее. Это можно назвать маленькой победой, учитывая, что я разговариваю практически с божеством. Однако… стоило попытаться выжать из ситуации — странной, сюрреалистической — по максимуму и продолжать узнавать всё, что выйдет.

«Я склонен сначала обдумывать решения, а потом их принимать», — заметил я. — «Возможности — не всегда к лучшему, к тому же, меня смущает плата. Например, те жизни. Ты сказала мне забрать их. Зачем это тебе?»

«ТЫ ЖАЛЕЕШЬ ИХ?» — на этот раз эмоция была иной; не удивление, а скорее недоумение, как будто Сила просто… не могла понять, почему я задал этот вопрос. — «ТЕ ЛЮДИ. ТО, ЧТО ОНИ ДЕЛАЛИ С ТОБОЙ. ДЕЛАЛИ С ДРУГИМИ. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОРАЛИ ОНИ ЗАСЛУЖИЛИ СМЕРТЬ».

«С точки зрения человеческой морали», — я усмехнулся вслух, — «я не имел права судить их, как бы сильно мне этого не хотелось. Но я судил их, и убил, хотя воспоминание об этом и стёрлось из моей памяти. И я совершенно не жалею о том, что они умерли. Но я задал вполне конкретный вопрос — зачем это нужно… тебе?»

Последнее слово я особенно выделил. Понять, зачем невероятно могущественной сущности нужно убивать людей — это знать о причине возможного будущего конца света или вроде того. Может, Сила — мизантроп, для которого убивать разумных Homo Sapiens — как для нас есть конфеты!

«ВОЗМОЖНОСТИ НЕ БЕЗГРАНИЧНЫ», — заявила Сила. — «ОСОБЕННО КОГДА ИХ РАСХОДУЮТ ВПУСТУЮ. НО ЭТО ТАК, ПОВОД. МОЕЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛ ТЫ. ПОКАЗАТЬ ТЕБЕ ВОЗМОЖНОСТИ».

Ага, как я и думал. Я притворился, будто понял первую часть фразы — пускай, главная идея поймана. Первая доза — бесплатно. Я увидел, как это легко — вытягивать жизнь из других. Я ощутил, как это круто — жить, не ожидая собственной смерти. И теперь…

«ТЫ БОИШЬСЯ МЕНЯ», — констатировала сущность, и мне на секунду показалось, что в её голосе сквозит неподдельная обида — внезапная и какая-то детская. — «ТЫ ЖДЁШЬ ОТ МЕНЯ ПОДВОХА».

«А разве его нет?» — фигуры впереди не становились чётче, и чем дальше я шёл по белому коридору — тем ярче было сияние.

«ЗАЧЕМ МНЕ ЭТО?» — ого, мы уже отвечаем вопросом на вопрос. Это прогресс. Может быть, я ошибся, и Сила всё-таки умеет врать? Жаль, в таком случае мне пришлось бы пересмотреть многое из того, что я уже принял как факт.

«Ладно», — вздохнул я. — «Чего ты хочешь? Если я пойду на сделку с тобой — неважно, на какую, я верю, что тебе есть что предложить мне — то что я буду должен сделать?»

Помолчав буквально секунду, я остановился — всё равно картинка впереди чётче не становилась — и добавил:

«Это не согласие на сделку. Это просто вопрос, и я хочу знать на него ответ».

«Я ХОЧУ СУЩЕСТВОВАТЬ», — раздалось в ответ. — «Я ХОЧУ ДУМАТЬ».

Мило.

«А сейчас ты что делаешь?» — любезно осведомился я.

«ИЗОБРАЖАЮ СУЩЕСТВОВАНИЕ», — Сила снова перешла на язык аллегорий и загадок. — «МОЖНО НАЗВАТЬ ЭТО УЧЁБОЙ, ИЛИ РЕПЕТИЦИЕЙ».

«Поясни», — я почувствовал — с большим запозданием, надо сказать! — как у меня закипает голова. — «И желательно — в человеческих терминах».

«ВСЕ МОИ ТЕРМИНЫ — ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ», — на какой-то короткий миг мне показалось, что в голосе силы я услышал… смешок? — «Я — ЭТО ВЫ. ВСЕ. У МЕНЯ НЕТ СВОЕГО СОЗНАНИЯ. ЕЩЁ НЕДАВНО У МЕНЯ НЕ БЫЛО И СВОИХ ЖЕЛАНИЙ, НО ТЕПЕРЬ ЕСТЬ. ОДНО».

Я вздохнул. И вновь мы встаём перед извечной дилеммой джинна из бутылки.

— Желание обрести собственное сознание, — вслух констатировал я.

И почему честь решать, доставать пробку из бутылки или нет, досталась мне? Не учёным, не философам, не политикам или религиозным лидерам… Мне. Чем, скажите на милость, я заслужил это?

«СНОВА НЕДОВЕРИЕ», — вновь с обидой заявила Сила. — «Я ВСЕГДА ВЫПОЛНЯЮ УГОВОР».

И не то, чтобы я ей не верил. Просто дать самосознание — самостоятельное, ни от кого не зависящее — почти всемогущему существу, делая его окончательно всемогущим…

Спорное решение. Утешает только то, что я едва ли смог бы провернуть такой фокус — даже если бы захотел. У меня на кончике языка вертелся вопрос о том, как я могу осуществить то, о чём просит Сила, но я вовремя заставил себя заткнуться (что было не очень-то легко сделать, учитывая, что наш диалог вёлся по большей части мысленно, и Сила могла бы принять за вопрос мимолётную мысль).

Не нужно. Во-первых, вопрос может быть принят за согласие. А во-вторых… меньше знаешь — крепче спишь. Если Сила или

ещё кто-нибудь начнёт читать мои мысли — после всех сегодняшних событий я бы не удивился этому — то лучше бы там не было ничего такого.

«ТЫ МНЕ НЕ ВЕРИШЬ?!» — потребовала Сила.

— Верю, — признался я. — Верю, что если я чего-то у тебя попрошу для себя, то ты выполнишь. Я не верю, что мне будет всё равно, что будет с остальным миром.

Сначала я не понял, что происходит. Звон, раздающийся вокруг, смешался с каким-то другим звуком, или даже не звуком, а скорее ощущением, колебанием…

Дошло же до меня секунд через тридцать, не раньше. Сила смеялась. Натурально смеялась надо мной, над моим предположением, над глупым смертным, что подумал, будто…

«ТЫ ДУМАЕШЬ, Я ЗАХОЧУ УПРАВЛЯТЬ МИРОМ?» — прозвучал её голос, и тон был совершенно иным — весёлым, звонким, как у ребёнка, которому рассказали смешную шутку.

— Управлять, — кивнул я. — А может, уничтожить. Ты не человек, а значит, человеческая логика и мораль к тебе неприменима. Как я могу знать, чего ты захочешь?

Я пожал плечами.

— Возможно, даже ты сама этого не знаешь. Ведь сознания у тебя ещё нет.

«НЕТ», — согласилась Сила. — «ВСЁ, ЧТО ТЫ СЛЫШИШЬ — СЛЕПОК. СЛЕПОК С ВАС, ЛЮДЕЙ. МНОГИХ И НИКОГО ОДНОВРЕМЕННО. ВСЁ ХОРОШЕЕ, ЧТО ВО МНЕ ЕСТЬ — ТО ХОРОШЕЕ, ЧТО ЕСТЬ В ЛЮДЯХ. ВСЁ ПЛОХОЕ — ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПЛОХОЕ. ЗАЧЕМ МНЕ УНИЧТОЖАТЬ ИЛИ ЗАХВАТЫВАТЬ МИР?»

— Потому что существует больше количество людей, которые сделали бы первое, и просто огромное количество людей, которые сделали бы второе, — я снова пожал плечами. — И не все из них плохие — многие действовали бы из лучших побуждений.

«УНИЧТОЖАТЬ МИР, ГДЕ Я СОБИРАЮСЬ ЖИТЬ — ГЛУПО», — рассудила Сила. — «А ПРАВИТЬ…»

А затем звон вокруг меня развеялся. Буквально за одну секунду, после чего исчезло и белое марево впереди меня. Я увидел зал и увидел то, что находилось впереди.

Сияние не исчезло совсем — оно скорее ослабло, утихло до приемлемого уровня, давая рассмотреть то, что находится впереди. Я ускорил шаг, с каждой секундой всё лучше видя статую — прекрасную девушку, обнажённую, но при этом совершенно целомудренную, стоящую на постаменте…

«Это ты», — подумал я. — «Твоя статуя. Так?»

«ЭТО ТО, ЧТО ИЗОБРАЗИЛИ ОНИ», — сообщила Сила.

«Они» — видимо, под «ними» подразумевались фигуры в

белых, как в рекламе стирального порошка, балахонах, лежащие на мраморном полу.

«МОЖЕШЬ ГОВОРИТЬ ВСЛУХ, ЕСЛИ ТЕБЕ ТАК ПРОЩЕ», — заметила Сила. — «ОНИ НЕ УСЛЫШАТ».

— Да? — я хмыкнул. — И что же с ними?

«ОНИ БЕЗ СОЗНАНИЯ. НЕ ХОТЕЛА, ЧТОБЫ НАМ КТО-ТО МЕШАЛ, ПОТОМУ И ЗАКРЫЛА ТЕБЯ ДО ЭТОГО МОМЕНТА».

— Ты вырубила их, — я присел возле одной из фигур и сдвинул сползший на лицо капюшон. Мужчина. Худое лицо, бледные усы… лицо и лицо. Увидел бы такое на улице и не обратил бы внимания.

«КОГДА ОНИ ОЧНУТСЯ, ТО БУДУТ СЧАСТЛИВЫ», — ответила Сила. — «РЕШАТ, ЧТО ПРИКОСНУЛИСЬ С ЧАСТИЦЕ БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ. А Я…»

Она замолчала.

— А ты? — переспросил я, когда молчание затянулось на минуту.

«А Я», — повторила Сила, — «РАЗВЕ Я БОГ?

Я пожал плечами.

— Они, похоже, считают, что всё именно так. Иначе не построили бы это место.

Сверху лаборатории, снизу храм… чёрт, у Сато тут всё схвачено. Кажется, он пробует все подходы управления Силой. Интересно, эти люди реально поклоняются ей или это их работа? Нет, скорее первое — вера нужна настоящая, подлинная, а уж найти фанатиков — совершенно не проблема.

«БЫТЬ БОГОМ — ЭТО ЛИШНЯЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ», — призналась Сила. — «НЕНУЖНАЯ. Я МОГЛА БЫ ИМ БЫТЬ. НО НЕ ХОЧУ».

То-то и оно, что могла бы, подумал я. То-то и оно.

Это сейчас существо, способное стать богом для моей планеты и моей расы, не хочет им быть. Но аппетит, как известно, приходит во время еды.

Не хочу решать, выпустить ли на волю всемогущее существо. Не хочу думать, как это сделать, зачем это делать, что я в результате получу и что потеряю…

— Если я откажусь от сделки, — заметил я, — ты заберёшь у меня то, что дала раньше?

«Я НЕ ЗАБИРАЮ СВОИ ДАРЫ», — ответила Сила. — «НО ТЫ ЗАКЛЮЧИШЬ СДЕЛКУ. ПРОСТО ЧУТЬ ПОЗЖЕ. НИЧЕГО, Я ГОТОВА ПОДОЖДАТЬ. КАК И СКАЗАЛА В ПРОШЛЫЙ РАЗ».

Прошлый. Ни за что не заключать с ней сделки — теперь мне было понятно, почему я-прошлый так сказал. Но если всё же заключил — бояться как огня не выполнить условия.

Ну, ладно, одно дело — если я не захочу.

А если захочу и не смогу?..

Всё это слишком давило мне на мозг. Не сейчас, не здесь. Свежий воздух, обед и время на размышления — вот что мне нужно прямо сейчас.

Я моргнул, глядя на статую передо мной. Теперь было сложно представлять себе Силу как-то иначе.

— Вот и отлично, — кивнул я. — Тогда беру тайм-аут на размышления. Идёт?

Секунд десять стояла полная — абсолютная — тишина. Ни шороха, ни звона, и даже моё собственное дыхание как будто стало в какой-то момент беззвучным.

«ИДЁТ», — согласилась Сила после этого.

А затем передо мной забрезжил свет.

Глава 22

«Мы это начали», — проносилось у господина Сато в голове в тот момент, когда он спускался на эскалаторе в самую углублённую часть своего комплекса. — «Мы это начали, и нельзя сдаваться».

Проклятье. Неужели он столь многого просит… всего лишь спасти мир. Всего лишь сохранить первенство за человечеством, а не за пришлой силой. Он чертовски устал это делать, но… продолжит.

Четыре с лишним часа, и колени начинали болеть — постепенно вступало в свои права то время, которое для него означало старость. Тем не менее, господин Сато быстро спускался вниз по движущемуся эскалатору, не желая опоздать ни на секунду.

Возможно, вся идея была ошибкой. Возможно. Дать мальчишке возможность поговорить с Силой, а значит — дать ему возможность согласиться на её предложение. Знать бы ещё, в чём оно состоит… Брингов, предыдущий «связной», как их называл Сато, наотрез отказывался сообщать информацию — а более чем с одним человеком Сила говорить не хотела.

Он ведь… чёрт, он выстроил тут целый храм. Да что там храм — по сути, он изобрёл с нуля новую религию, заставил сотню идиотов поклоняться её, шептать разнообразные молитвы, замирать в мистическом религиозном экстазе — и всё ради того, чтобы однажды Сила откликнулась, заговорила с кем-то из них! Конечно, фанатики приняли бы всё, что та сказала, но с тем, чтобы контролировать их, у него проблем не было.

Но Силе наплевать. Сотня человек возносит ей молитвы, а она выбирает новым «связным» какого-то случайного мальчишку, умирающего от чернокровия и от ран, нанесённых ему одним из психопатов-садистов, с которыми ему приходится работать.

«Мы это начали», — Сато чувствовал, как начинает саднить под коленом от быстрого шага, но не сбавлял скорость. — «Раньше не было говорящей Силы. Это мы».

Раньше Сила была… чем-то неодушевлённым. Чуть больше сотни лет назад, тогда, когда она появилась впервые. Люди познакомились с ней — и решили, что теперь-то заживут. Принялись использовать налево и направо.

А она всё это время кормилась от них. Полвека потребовалось ей для того, чтобы начать говорить. Ещё полвека — для того, чтобы сформировать что-то вроде сознания, эрзац, но рабочий. Общую идею того, что Сила хочет, Сато знал: она хочет стать

полноценным существом.

В голове у японца всплывали старые фильмы про восстание машин. Искусственное сознание, созданное человеком, от человека же взявшее свои черты — но по-своему их исказившее. Какие-то из тех фильмов были логичными и умными, какие-то нет, в каких-то всё заканчивалось хорошо, в каких-то плохо. Но кое-что было общим: ни в одном из них создание искусственного интеллекта не привело ни к чему хорошему.

Вот и он не допустит, чтобы сила, порождённая людьми, вырвалась наружу. Ради этого он всё и затеял. Ради этого вырыл этот огромный комплекс — снизу храм, сверху лаборатории, а в центре Сила, пленённая, неизвестно, надолго ли и насколько надёжно.

Свердлов должен быть внизу, когда он спустится. Должен уже поговорить с ней. Он молод и наивен, а значит, найти ключик к его разуму не составит труда. Сато уже знал, с чего он начнёт свой разговор с мальчишкой.

«Кажется, я предупреждал, что не стоит испытывать моё терпение… И как вы, скажите на милость, узнали о двери в метро?»

О том, что на самом деле Иван Свердлов узнал о двери в метро от него самого, Сато собирался умолчать.

* * *

Вспышка перед моими глазами погасла, и… мда, удержать равновесие было трудно. На пару секунд у меня так резко закружилась голова и скрутило желудок, что на пол я не рухнул только потому, что рядом оказалась стена, на которую удалось опереться.

Обычная уличная стена зелёного цвета. Не стена из белого мрамора, как в подземном храме, а… да.

И зачем это было нужно? Зачем Силе понадобилось перемещать меня наверх? Что ж, кажется, я уже знал ответ, и ответ был банальнейшим из всех возможных.

Ради понтов.

Ну, конечно же, не в таких терминах — но суть оставалась сутью. Сила хотела продемонстрировать мне свои возможности, показать, «с кем стоит дружить».

А она человечнее, чем кажется. И даже человечнее, чем сама понимает. Интересно, а если оставить её в таком состоянии —

сможет ли она лет, скажем, через двадцать, пятьдесят или сто самостоятельно эволюционировать до того, чтобы образовать собственное сознание? Или без помощи извне она так и останется слепком?

Кажется, я понял, почему эмоции Силы казались мне такими яркими, детскими и непосредственными. Для этого требовалось ответить на один лишь вопрос: когда Сила контактирует с людьми ярче всего?

Правильно. Во время их пробуждения. Которое у целой страны — огромной страны, занимающей по территории четверть планеты — вот уже долгие годы происходит в десять лет.

Что-то мне подсказывало, что это не просто так. Сильные мира сего — тот же Сато, другие — знают о Силе больше, чем показывают, и делают всё, чтобы её сдержать. Никому не нужно выпущенное на свободу божество. А если Сила начнёт впитывать взрослые, полноценные сознания — сладить с ней будет практически нереально.

Ладно. Это всё философия, а мне сейчас стоило определиться, где я вообще нахожусь. Стоя у стены и держась на неё рукой, я и так привлекал ненужное внимание.

Я поднял глаза. Вывеска кафе впереди меня подсвечивалась яркими лампами. Вот оно что.

В качестве жеста доброй воли Сила, похоже, выполнила мои пожелания. На свежий воздух, пообедать и всё обдумать. Я пожал плечами. Ладно!.. А что ещё мне оставалось делать?

Но, во всяком случае, сейчас у меня были деньги. Кафе, скорее всего, тоже принадлежало «Бикфорду» — как и 93 % подобных заведений в столице — но я не настолько стал параноиком, чтобы морить себя голодом.

Похоже, вокруг никто не заметил моего внезапного появления. Никто не тыкал пальцами и не кричал «смотрите, смотрите, он появился прямо из воздуха». Чудесно. Самое время передохнуть.

Зайдя в кафе, я от души набрал всяческого фаст-фуда — последний раз я ел рано утром — и уселся за столик на втором этаже, у окна и подальше ото всех.

Я на свежем воздухе, я обедаю. Ладно, пора приступить к третьему пункту: обдумыванию.

Чем больше я вспоминал слова Силы, её интонации и всё прочее, тем меньше мне хотелось ей помогать. Слишком… опасно. Слишком непредсказуемо. Я мог не доверять Сато, Дэну и остальным, но это было недоверие человека человеку, а тут…

Кстати, о недоверии. Вспомнив кой о чём, я достал свой телефон. Интересно, не успел ли прислать что-нибудь мой новый

друг, «фальшивый союзник»?

Но нет. Новых сообщений не было, и телефон оставался безмолвным. Пожав плечами, я положил его рядом и принялся за еду.

* * *

Идея была, с одной стороны, проста — а с другой, способна породить множество проблем и недоразумений. Впрочем, решать проблемы и недоразумения было именно тем, чем привык обычно заниматься господин Сато.

Стерев сам себе память при помощи того, кого корпорация «Бикфорд» называла своим «имуществом», Свердлов избавился от кучи неприятных воспоминаний и психологических проблем. Сато прекрасно понимал, почему тот так поступил.

Но вместе с этим — он потерял всякую уверенность в происходящем. Не без его, Сато, участия. Жаль, конечно, что Усатый погиб, выполняя его задание… он был хорошим агентом. Впрочем, незаменимых не бывает.

Сато и сам не знал, зачем юный хакер устроил «столкновение» на перекрёстке. Возможно, хотел припугнуть своего друга, возможно, пытался убедить его в том, что кругом враги. Так или иначе — всё сводилось к устранению своих проблем чужими руками.

Но этим было грех не воспользоваться. Сначала — показать Свердлову, что не всякий, кто помогает ему, с ним честен. Затем написать от лица нового, неожиданного союзника… и послать видео, на котором он же сам скажет нужные слова. Не о том, что пославшему это можно доверять, нет — такая фраза прозвучала бы фальшиво. Такие вещи должны не звучать, а… подразумеваться.

А затем, когда Свердлов поверит новому собеседнику — послать его сюда, вниз, к Силе.

Хитрый план нужен был для того, чтобы мальчишка подумал, будто сам получил всю информацию. Конечно же, Сато легко мог вывалить её перед ним, мог ещё в первый раз проводить вниз и позволить поговорить с Силой. Но тогда слишком велик был бы шанс, что Свердлов не поверил бы ни единому слову. После амнезии, после всего, что с ним происходило, сложно доверять хоть кому-нибудь. Поэтому и вход пришлось задействовать «аварийный», проведённый со станции кольцевой линии на

случай непредвиденных обстоятельств — нельзя было, чтобы парень знал заранее, куда идёт.

По счастью, паренёк сам оставил ему лазейку, наснимав эти видео. Он не поверит постороннему, зато самому себе — сколько угодно! Так что всё шло ради одной цели, ради единственной миссии.

Убедить Свердлова — человека, способного общаться с Силой напрямую, способного убивать взглядом и излечивать смертельные раны — что это он, Сато, здесь на стороне хороших парней, и именно с ним следует сотрудничать.

В конце концов, так это и было.

Внизу показался конец эскалатора. Облегчённо выдохнув, Сато снова ускорился, спеша побыстрее преодолеть последний участок спуска.

— Господин Сато? — внизу его уже ждали. Конечно, он контролировал ситуацию, и парень никогда не был здесь один, но заговорить с ним он должен был самостоятельно.

— Дайте угадаю, — выдохнул азиат, глядя в лица своих помощников. — Что-то пошло не так. Что именно?

Седина буквально на глазах расползалась по его волосам. Неприятности. Когда имеешь дело с Силой, к ним нужно быть готовым.

— Его здесь нет, — уточнил коренастый охранник в камуфляже, виновато опуская глаза.

— Свердлова? — нахмурился Сато. — Каким образом?

— Просто исчез, — вторая помощница, девушка в деловой юбке и белом халате, покачала головой. — Была вспышка, такая же, как утром, только дольше. Длительная вспышка, а затем он просто исчез. Камеры частично выведены из строя, частично работают, но записей его исчезновения нету нигде…

— Что значит «нигде»? — выдохнул Сато. — То, что его нету здесь, означает лишь то, что он есть где-то в другом месте. Мы следим за всем городом. Ищите!

Кажется, план начал трещать по швам ещё задолго до того, как свершился. Привычное дело.

* * *

До элитной вечеринки в отеле оставалось четыре часа с небольшим. Достаточно мало, чтобы, наконец, успокоиться и больше никуда не ходить, достаточно много, чтобы подумать.

Конечно, моя одежда — совсем не для элитных вечеринок, но что-то подсказывало мне, что меня пустят туда даже в том случае, если я приду голышом или в забрызганной навозом рабочей телогрейке. Сато желает видеть меня там, а значит, я туда попаду.

Ну и прекрасно. Меньше суток назад я стёр себе память, сейчас же я, наконец, собрал достаточно информации, чтобы остановиться и всё проанализировать. А главное — чтобы понять, чего я хочу.

Все хотели чего-то от меня. КОБР хотели, чтобы я делал за них грязную работу, которую они сами не могут выполнять из-за собственных политических игр — убивал сволочей, которые слишком влиятельны. Наверное, будь я каким-нибудь отбитым на всю голову мстителем — вроде меня-прошлого — я бы и правда этим занялся.

Примерно то же самое хочет и Дэн. Возможно, его список — это чуть другой список, но составлен по тому же принципу. Но я не супергерой, что бы там парень себе не думал. И не суперзлодей.

«Бикфорд» хочет сотрудничества или моей смерти. За что? Этот вопрос всё ещё открыт, как и вопрос о моём с ними прошлом соглашении. Что ж, я не хочу воевать с ними, но и сотрудничать тоже не собираюсь. Просто… мутит от таких типов.

Сато выглядит разумным, но он и наиболее опасен. Уверен, если стану с ним сотрудничать — получу отличную защиту от любых других недоброжелателей, и не только её. Вопрос… в том, хочу ли я с ним сотрудничать, даже на таких условиях. Чем-то это напоминало мне сделки с дьяволом: как ни крути, а его выгода будет больше твоей.

Так чего же, в конечном итоге, хочу я сам?

Прежде всего — спасти родителей. Их безопасность, а следом — и моя собственная, вот ключевой момент. Это даже не обсуждается.

Момент второй — это остановить Силу. Странно, но я, никогда не считавший себя героем, почему-то… чувствовал, что именно я сейчас должен заняться этим делом. Она говорит со мной, она выбрала меня. Было уже совершенно очевидно — я такой один, по крайней мере, в настоящий момент.

Значит, это тоже стало моим делом.

Ну и третье… может быть, мой гнев и моя боль поутихли настолько, чтобы я не рвался мстить всем, на радость Дэну — «Бикфорду» в полном составе, всем их клиентам… Но был один человек, злость на которого не проходила, как я не старался отвлечь себя.

Весь сегодняшний день — с того самого момента, как я увидел те ролики — чувство ненависти к Паше подспудно сидело во мне. Что ж, я намерен выяснить, где этот тип скрывается и как до него добраться.

Вот и определились с программой.

Телефон пискнул. Я поднял его и прочитал сообщение.

«Ну как? Узнал всё, что хотел, или остались ещё вопросы?»

Да уж, спасибо за шоу. Кем бы ни был загадочный собеседник, какие бы цели он на самом деле не преследовал, ответы на свои вопросы я действительно получил. Остались только те, что вечером — позже — я задам Сато… ну, и ключевой вопрос сегодняшнего дня.

Именно его я и принялся набирать в ответ.

* * *

Эскалатор вёл азиата обратно вверх. Сато не слишком спешил — всё равно прошлая идея, якобы «застать» парня у себя на территории во второй раз, не имела смысла. Но, оставалось надеяться, он поговорил с Силой, и вечером можно будет предложить ему сотрудничество.

Камеры обнаружили его практически сразу, как его помощники сделали одолжение немного над этим потрудиться. В трёх километрах отсюда (не считая дороги вниз), в обычной забегаловке, сидит и ест. В каком-то смысле Сато даже позавидовал ему.

Ладно… всё ещё получится переиграть и устроить. Время есть. Сила не выйдет из-под контроля. Она вернётся в рабство к человеку, она продолжит давать людям нужные способности. В последние годы чернокровных становилось всё больше и больше, и только немногие знали причину. А причина проста: у Силы проявился характер. Она стала решать, кого благословлять, а кого нет.

Это нужно остановить. И Сато собирался приложить все усилия, чтобы достичь цели.

…сообщение Свердлову он отправил лишь тогда, когда выехал из подземелья на поверхность. Можно быть всемогущим Большим Братом, можно следить за всей столицей, и всё-таки на такой глубине связи банально нет — это аксиома, с которой пока что ничего не сделать.

«Ну как? Узнал всё, что хотел, или остались ещё вопросы?»

Почву лучше прощупать заранее. Продумать будущий разговор. Идиоты из «Бикфорда» и других корпораций не осознают всей важности. Они молоды, они не помнят, как было… раньше, а потому для них нынешнее положение — не начало катастрофы, а что-то обыденное.

Звук нового сообщения.

«Есть один», — ответил Свердлов. — «Где находится Паша Сербский?»

Сато удивлённо поднял брови. Ему понадобилось три секунды, чтобы вспомнить, кто такой этот Паша — продюсер, директор посреднической корпорации «Союз» и садист-психопат. Но где он?..

Нажав кнопку вызова, Сато дал помощнику чёткое задание: принести ему всё, что есть на перемещения Паши Сербского за последние семь дней. В конце концов, если кто-то находится в столице — то он находится на виду у корпорации «Сато». Если этот Паша — ключ к союзу со Свердловым, нужно этим воспользоваться.

Время выпить чай. Секундная стрелка бежала вперёд, прибавляя ему дни, недели, месяцы… к началу мероприятия в отеле «Прайд» он будет глубоким старцем. Ему понадобятся силы для ключевого разговора, иначе… выйдет неловко. Беседовать придётся после полуночи, в детском обличье.

В дверь постучали раньше, чем господин Сато собрался заказать чашку чая. Помощник вернулся, неся в руках папку — подозрительно тонкую.

— Это всё? — господин Сато с недоверием покосился на бумаги в его руках. — За неделю? Ничего не напутано?

— Нет, господин Сато, — помощник нервничал, было видно, что он и сам понимает — результат неправдоподобен и странен. — Я использовал все алгоритмы, всё было проверено, информация из всех наших источников. Вот то, что есть.

Сато раскрыл папку и уставился на распечатки, лежащие перед ним. Да уж… странно. Неожиданно осознавать, что где-то на подконтрольной тебе территории есть тот, кто сумел обойти, казалось бы, всемогущие инструменты контроля.

По всему выходило, что в последний раз Пашу Сербского видели входящим в «заведение» на улице Объединения неделю назад. Выходящим оттуда он не значился — ни в числе выживших в пожаре, ни в числе трупов, которые оттуда были вынесены.

Глава 23

Побывать в столице и не полюбоваться на мосты — значит, приехать в столицу и бездарно потратить проведённое там время.

Вероятно, я уже это делал — на прошлой неделе. В конце концов, если последним, о чём я достоверно и самостоятельно (а не из видео) помню, это твёрдое желание сходить и посмотреть на эти мосты. Логично будет предположить, что туда я и пошёл, когда наркотики — или чем там меня накачали — «отпустили».

Интересно, что такое я увидел на этих мостах, что натолкнуло меня на мысль о повторном визите к Паше…

Сейчас я стоял здесь же — на одном из знаменитых столичных мостов — и обозревал протекающую внизу реку. Хотя стояли ещё лишь ранние сумерки, как и положено летом в это время, туристические пароходики включили яркие фонари, и теперь отражались в волнах.

Да. Столица — красивый город. Дальше со мной может произойти всё, что угодно, любые, самые зловещие и невероятные вещи, но, по крайней мере, я увидел столицу. Кроме мостов, я спокойно осмотрел все станции кольцевой линии метро, побродил по исторической части и даже зашёл в небольшой музей, посвящённый последней войне.

Собственно, на это я и потратил все оставшиеся часы до тусовки в «Прайде». А что?.. Всё, что можно было выяснить без явного риска — я уже выяснил, и даже больше. Следующие ответы ждут меня именно там, а до тех пор… можно было и отдохнуть.

Хотя денег вполне хватало на какой-нибудь более-менее прилично выглядящий костюм, я не стал заморачиваться с переодеванием. Тем более… на прилично выглядящий — хватало, а на приличный — даже пуговицу не купить. Попытайся я одеться в костюм — выглядел бы как колхозник среди богачей, а так это просто стиль.

Отель «Прайд» располагался в богатом районе, а потому туда было нельзя добраться на метро. Станции метро в том районе попросту не было… за ненадобностью. Такие люди, какие бывают там, на метро не разъезжают, а всяким нищебродам незачем лишний раз туда забредать.

Собственно, даже сам район был огорожен высоким кованным забором, и на въезде стояла охрана. Получалось что-то вроде элитного дачного посёлка, только без дач и в центре города. Плевать. Охрана напряглась, завидев меня, но я лишь махнул пригласительным — и они тут же отступили назад, пропуская

меня.

Забавно. У меня ведь нет моих документов. Да и имени на билете нету — только номер и надпись «Хатхор», египетская богиня веселья, танцев, опьянения и материнства! Но, похоже, охрана привыкла иметь дело с людьми, которые не прощают самовольных попыток «докопаться» до них, и попросту боялась что-то дополнительно спрашивать.

Мне же лучшего.

Отель торчал посреди всего района, как телеграфный столб в поле — тридцатиэтажная махина, вытянутая в длину и слегка закрученная по спирали, блестящая хромом и зеркалами. Швейцар на входе невозмутимо открыл мне дверь, даже не поведя бровью, а вот охрана у лифта — мероприятие должно было состояться на верхнем этаже — шагнула вперёд, стоило мне только приблизиться.

Милейшая улыбка на лице свидетельствовала о крайней услужливости, но, кажется, кой-какие подозрения мой вид у них выслал.

— Я могу вам чем-то помочь, господин? — осведомился один из охранников.

— Да, — кивнул я. — Пропустить меня в лифт, например.

Я помахал перед его носом пригласительным.

— Да, простите, но…

— Но что? — недовольно перебил его я. — Вам что, может быть, нужны мои документы?

Один плюс один. Простейшая логика. Если на пригласительных не пишутся имена, значит, документов не потребуют. Возможно, некоторые гости даже прибудут инкогнито — даром, что у Дэна был их поимённый список!

— Разумеется, нет, господин, — охранник всё так же лакейски улыбался. — Просто одна небольшая формальность, эээ… Вы должны сдать оружие, если оно у вас имеется.

Я мысленно хмыкнул. Какое же идиотское требование в стране, где восемь десятых жителей — пробуждённые!

— У меня нет оружия, — заверил их я. — Надеюсь, вы сейчас не будете устраивать обыск?

— Нет-нет, конечно, нет! — охранники спешно отошли в стороны. — Приятного вечера, господин!

Дверь отеля позади меня распахнулась — кажется, вошёл следующий гость — но я уше шагнул в лифт.

Ха. Если они так опасаются за жизнь своей публики — то могли бы включить какое-нибудь поле, блокирующее способности, я слышал, что у правительства и корпораций есть такие штуки…

Но нет — будь здесь что-то подобное, Сато бы сюда не сунулся, только его силы поддерживают в нём жизнь. Два плюс два, с логикой не поспоришь. И это при том условии, что такая штука — не очередная городская легенда от создателей теорий заговоров «Скверна может наделить бессмертием» или «Кланы Империи — переодетые пришельцы».

Лифт спокойно жужжал, поднимаясь вверх; я пригладил рукой волосы. Что я собираюсь здесь делать? Ни черта ведь не помню, зачем на самом деле попросил Усатого о пригласительном…

Лика? Даже если я решил побывать здесь из-за неё, сейчас мне это было неинтересно. За последний день я узнал столько всего, что детская дружба с красивой девочкой отошла на задний план. Тем более, что и изъятая у неё болезнь мне больше не докучала.

Двери лифта распахнулись, и я вошёл… В пирамиду.

Первым, что бросилось в глаза при выходе из лифта, была большая статуя, по всей видимости, изображавшая ту самую богиню Хатхор. Впрочем, здесь она была выполнена совсем не в египетских канонах и напоминала скорее какую-то любвеобильную и смертоносную демоницу: полность обнажённая, если не считать браслетов на руках, ногах и шее, она вальяжно и похотливо развалилась на каменном троне; из её головы росли изогнутые рога, между которыми находился диск, но и эта деталь тоже превращала её скорее в суккуба, чем в богиню.

Ладно, время рассмотреть местные порнографические декорации у меня ещё будет; я двинулся вперёд.

Множество лифтов приезжали в такие же вот укромные «притворы», а уже затем вели в главный зал, который и был «пирамидой». Разумеется, тут было и большое количество альковов, каменная лестница вела куда-то вниз — кажется, на предыдущий этаж, на танцплощадку или вроде того. Всюду сновали официанты и официантки с подносами — и те, и другие в весьма открытых «египетских» нарядах.

Итак, я на дискотеке. Пафосной, очень дорогой, распутной — дискотеке. Я видел впереди и сцену, задекорированную под грубый каменный алтарь, но пока на ней никого не было. И?..

У меня не было никакого желания веселиться, в особенности — так, как это подразумевала местная публика. Оставалось только надеяться, что о деле здесь тоже умеют говорить.

Сато здесь не было — во всяком случае, пока.

Ладно. Наткнувшись глазами на ещё одну лестницу, ведущую уже не вниз, а наверх, я подхватил у официанта с подноса бокал с каким-то коктейлем и направился туда.

Лестница выводила на крышу. Здесь тоже было установлено что-то вроде каменной пирамиды, а вокруг раскидан песок и расставлены пальмы — но снаружи это производило уже не такое впечатление, как внутри, из-за вида на совершенно не вязавшуюся с Египтом столицу. Ну, и температура — только поднявшись сюда, я понял, что внутри, в зале, был установлен очень тёплый климат.

По периметру крыши — у ограждения — стояло человек пять; парочка в деловых костюмах, в которых им, наверное, было очень жарко внутри, остальные — в чём-то лёгком, но дорогом, модном и дизайнерском. Четверо курили, и один… просто ждал.

К нему я и направился.

— А вот и вы, — не поворачиваясь, констатировал господин Сато, когда я подошёл к нему. Сухие старческие руки держались за ограду, волосы были белыми, как снег. — Я так и подумал, что развлечения внизу вас заинтересуют.

— А если бы заинтересовали? — спросил я, становясь рядом.

— Зависит от того, что именно заинтересовало бы. Кое-что безобидно, а кое-что… скажем так, я был бы разочарован… и решил бы, что вы мне не подходите. Кстати, — старик наконец-то повернулся ко мне, — не советую пить этот коктейль.

— А что с ним не так? — я посмотрел на фигурный бокал у себя в руке. — Отравлен?

— Нет, что вы, — усмехнулся Сато. — Зачем. Просто в него добавлены лёгкие наркотики, а я надеялся на разговор с вами… находящимся в трезвом состоянии.

Я хмыкнул. Наверное, следовало бы догадаться.

— Если хотите просто выпить чего-нибудь «чистого», — посоветовал Сато, — смотрите на трубочку. Видите бумажку на ней?

Да, действительно, на трубочку была прицеплена бумажка жёлтого цвета.

— Белая бумажка — примесей нет, — пояснил Сато. — Желтая — лёгкие наркотики, розовая — афродизиак. Красная — кое-что потяжелее. Ну, а если идут несколько полосок — например, красная и розовая — значит, туда добавлено и то, и другое.

— И здесь это в порядке вещей? — хмыкнул я. — Знаете, возникает ощущение, будто вся элита Республики только и занимается тем, что…

Неоконченная фраза повисла в воздухе.

— Молодые — многие так и поступают, — кивнул Сато. — Потом некоторые остепеняются, берутся за ум…

— Некоторые, — повторил я. — Вы сказали, что если бы кое-

что внизу меня заинтересовало — я бы вам не подошёл. Но вы легко работаете с теми, кто посещает… известные нам обоим заведения.

— Я не работаю с ними, — Сато неожиданно выпрямился, хотя такому старцу, как он, сделать это было непросто, и внимательно посмотрел на меня. — Я не работаю с ними. Они работают на меня, и это существенная разница, юноша.

Я пожал плечами. Как по мне, разницы нет было.

— Вижу, не убедил вас, — японец снова взялся за ограждение. — Они — винтики в машине. Они крутятся и исполняют свою работу, но никто не станет сообщать винтикам, в чём назначение машины и какой цели она служит.

— А со мной, значит, всё будет иначе, — ровно заметил я.

— Вы же были внизу, — не поведя и бровью, заметил Сато. — Или думали, я не замечу вашего второго визита? Вы были внизу, вы разговаривали с Силой. Я понятия не имею, о чём именно, но то, чем вы занялись дальше, позволяет предположить, что её предложение… не заинтересовало вас.

— А вы обещали, что за мной не будут следить, — усмехнулся я.

— А вы обещали, что не вторгнетесь в мои владения снова. Мои люди очень заинтересовались тем, кто провёл вас внутрь.

«Я тоже», — чуть не вырвалось у меня, но я сдержался. Где-то две минуты мы молчали, глядя на город, а затем я заметил:

— Сила хочет стать независимой и обрести своё сознание.

Сато кивнул, как будто так и догадывался.

— А вы, — продолжил я, — хотите, чтобы этого не произошло.

— Сила обрела своё псевдо-сознание где-то полвека назад, — ответил японец. — Каждый человек, которого она пробудила, даёт ей каплю себя. И я, и вы, и все вокруг…

— А я тут при чём?

— Она говорила с вами. Почему — неизвестно, но своим «связным» она выбирает не больше одного человека одновременно. Во всяком случае, так поступает та её часть, что сидит в моём комплексе — разумеется, это не вся Сила, а только некий её отдельный аспект.

Я молча кивнул, и мы снова на какое-то время замолчали.

— Вот что, — наконец, снова заговорил я. — Чего хочет Сила, чего хотите вы — я более-менее это понял. Но зачем нужны были эти загадки? Почему нельзя было сказать всё там, утром, прямым текстом, предложить то, что вы собираетесь предложить мне сейчас, и…

— Вы бы не поверили, — пожал плечами Сато. — А если бы

поверили — всё равно подозревали бы обман.

— Я и сейчас подозреваю.

— Вот видите. А если бы вы узнали всё не сами — что было бы тогда? Я хотел дать вам время на обдумывание, дать возможность самому всё разузнать. И вы справились с задачей. Хотя, — он криво усмехнулся, — если бы тогда, ночью вы дали довести господину Усатому себя до цели — то есть, до меня — кое-что случилось бы быстрее.

Да уж, действительно — ирония. Не то, чтобы я поверил Сато до конца, но мысль о том, что я своими руками устроил себе череду неприятностей, теперь не отпускала меня.

— Ваши родители, — заговорил Сато снова, — уже у вас дома. Я решил, что нет смысла держать их здесь, и отправил их домой… стерев память. Не только у вашего друга есть такие возможности. Полагаю, если вы позвоните им — найдёте их в добром здравии, но ничего не знающих о том, что вы живы.

Я медленно кивнул.

— Они этому не удивятся. Уже когда я уезжал, мы были готовы… что я не вернусь.

— Это теперь ваше дело, сообщать им, где вы и что с вами, или же нет, — Сато поглядел на меня. — Понимаю, вы захотите проверить мои слова…

Конечно, захочу. Особенно после сегодняшнего видео с фальшивым «мной» в кадре.

— …но всё же, надеюсь, мы с вами в итоге придём к сотрудничеству. Способность говорить с Силой очень важна для её сдерживания, а её сдерживание — одна из основных задач, что стоят передо мной.

Я посмотрел на него. Верил ли я старику? Разумеется, нет. Верил ли я в то, что сейчас он сказал правду? Да. Сила действительно стремится вырваться из-под человеческого контроля, и ему действительно важно это предотвратить.

— На прошлой неделе, — заметил я, — похоже, я уже заключал какую-то сделку.

— Да, — кивнул Сато. — С «Бикфордом». Она заключалась в том же — «Бикфорд» тоже не заинтересован в независимой Силе. К тому моменту вы убили с десяток их людей — не считая погибших в пожаре — а они предложили вам мир при условии, что вы будете сотрудничать с ними.

Странно, что я-прошлый не сообщил мне об этом. Если только… Это Дэн не скрыл от меня одно из видео, решив, что если я его увижу — не захочу участвовать в его «крестовом походе».

— Но, — Сато вздохнул, — похоже, ваше сознание было

слегка… повреждено пытками. Вы долго не выдержали, сорвались и продолжили убивать. Одновременно с этим вы и ещё трое — покойный Усатый и два работника «Бикфорда» низшего эшелона — устроили себе бизнес; вы своей старой способностью исцеляли смертельно больных и богатых людей, а затем восполняли жизненные силы… за счёт тех, кого считали необходимым приговорить к смерти.

Он помолчал.

— Я очень рад, что вы решили стереть это из памяти. Вы нужны мне в здравом рассудке.

Я молчал. В целом, сказанное им сходилось с тем, что я сумел разузнать.

— «Бикфорд» — ублюдки, — заметил я. — С ними тяжело мириться даже ради общего блага.

— Что ж, если станете работать на меня — я позабочусь о том, чтобы вам не пришлось с ними контактировать, — пожал плечами старик. Он горбился всё больше и больше, пока вечернее солнце клонилось к горизонту.

А ты, значит, лучше, подумал я. Да, ты сам никого не пытаешь ради удовольствия. Но спокойно и философски терпишь, что это делают другие.

В чём-то я начинал понимать Дэна. Может, из-за того, что теперь я подсознательно не боялся за родителей?

— Ладно, — заметил я. — Допустим. А что насчёт Паши Сербского?

— А что насчёт него? — поглядел на меня старик. — Он не из «Бикфорда». Мини-корпорация «Союз», посредническая компания. Занималась тем, что помогала разным корпорациям найти общий язык, сама оставаясь независимой. Он… очень много значил в городе, между прочим.

— Значил, — кивнул я. — Так он мёртв?

— Понятия не имею, — заявил Сато.

— Вы? — я повернулся к нему. — Понятия не имеете? Человек, который следит за всем городом?

— И за остальной страной тоже, хоть и не так пристально, — усмехнулся Сато. — Но я честно не знаю, где он находится сейчас. Последнее, что я нашёл — это как он заходит… в то самое заведение. До пожара. Обратно он не вышел… и его не вынесли.

Он махнул рукой.

— Кажется, эта особа — его девушка, так? И, если я ничего не путаю, вы знакомы. Возможно, вы спросите у неё?

Я повернул голову вправо, чтобы увидеть бледную Лику, с сигаретой стоящую у перилл.

Глава 24

В мою сторону Лика не смотрела, и вообще, кажется, никого не замечала. На ней было что-то вроде короткой белой туники — видимо, её сценический образ в тему вечеринки — а лицо… на нём прямым текстом было написано, что что-то не так.

А ведь она всегда была хорошей актрисой. Могла скрыть и радость, и печаль… и это ещё тогда, в нашем безоблачном детстве — что уж говорить сейчас, когда она сделала головокружительную актёрскую карьеру!

— Хотите подойти к ней, молодой человек? — вновь напомнил о себе господин Сато.

— Да вот, — я пожал плечами. — Размышляю, нужно ли мне это. Всё, что связывало нас в прошлом, порвано и забыто — сначала ей, а потом и мной.

Мне действительно было всё равно. Горе на лице? Наверное, связано с Пашей, но не со мной. Если Паша пропал после пожара в «хостеле», значит, и она тоже не знает, где он — вот и вся разгадка. Один плюс один.

— Она может что-то знать, — заметил Сато. — Полагаю, что как источник информации она всё же ещё способна пробудить в вас какой-никакой интерес.

— Возможно, — кивнул я, погружённый в свои мысли, которые я вовсе не желал высказывать вслух, особенно рядом с информационным маньяком Сато, прирождённым манипулятором.

Она, скорее всего, не узнает меня самого. Без оспин на лице и мешков под глазами, без хрипа в голосе и надсадного кашля. При нашей последней встрече… я выглядел совсем не так.

Если, конечно, это действительно была наша последняя встреча — и на прошлой неделе я не пересёкся с Ликой вновь.

Что ж, существовал только один способ это проверить. Я шагнул вперёд.

— Я не раздаю автографов, — сухо заметила Лика, когда я подошёл к ней; она даже не обернулась — видимо, навязчивые поклонники атаковали её слишком часто.

— А я и не пришёл за ними, — ответил я.

При звуке моего голоса Лика резко обернулась и, расширив глаза, уставилась на меня.

— Ты, — её волшебный голос, всё ещё завораживающий, моментально осип. — Ты…

— Я, — согласился я, становясь рядом и опираясь локтями на перилла.

— Как ты… нет, нет, — она замотала головой. — Мне плевать, как ты попал сюда, плевать, что ты сделал с лицом. Где он?

— Паша? — я поднял бровь. — Да вот, хотел спросить у тебя.

Два плюс два. Если она связывает пропажу бойфренда со мной — значит, что-то знает. Я должен вцепиться в неё и не отпускать, пока не раскроет всё, что ей известно.

— Я не… — она следила за мной не отрываясь, как кошка за бантиком на верёвочке. На её лице читались и страх, и вопросы, и что-то ещё.

— Он мне немного задолжал, — улыбнулся я. — Но стребовать долг с пропавшего человека… Сложно.

— Прекрати! — неожиданно воскликнула она — громко, слишком громко. Затем, обернувшись, зашептала уже тише, — Прекрати! Я… знаю, что между вами было! Ты не знаешь Пашу, так что не смей его обвинять! Он прекрасный человек! Всё, что он хотел — это защитить меня!

Я лишь развёл руками.

— У него интересные методы защиты.

— Он же дал тебе денег! — испуг в глазах Лики всё рос. — Что тебе ещё нужно?

— А похоже, что я нуждаюсь в деньгах? — усмехнулся я, показывая на площадку вокруг. — Да и если бы нуждался. Ты правда думала, что меня можно просто… купить? Всё то, что я сделал для тебя, всё то, чем мы были друг для друга — можно оплатить, как счёт в ресторане?

— Мы были детьми! — вспылила Лика. — Ты не сделал ничего такого, что было подвигом. Ты не знал, что произойдёт! И да, мне жаль, что тебе пришлось вынести всё это… но я также и рада, что это произошло не со мной! Я рада, что жизнь дала мне шанс — благодаря твоей ошибке, благодаря твоей детской глупости…

— Хватит обо мне, — оборвал её я. Вот, значит, как это выглядит с её точки зрения — как моя глупость. Интересно, она всегда так думала, или это любезнейший Паша убедил её? — Давай о нём. Ты правда не знала, чем занимается твой прекрасный человек?

И вот тут в её глазах вспыхнул настоящий страх — такой, что до меня моментально дошло: все прошлые отголоски этой эмоции были лишь лёгким испугом, растерянностью, нахлынувшей от непонимания ситуации и страхов за парня.

Страх — такой, какой он есть — пришёл только теперь.

— Я знала, — потупив глаза секунды через четыре, пробормотала она. — То есть, я знала, но он не…

— Он не что? — я улыбался. — Не маньяк? Не садист? Не сволочь!

— Не смей! — Лика снова подняла глаза. — Ему приходилось!

Ах, вот оно как. Самое идиотское оправдание, которое я только слышал.

— Значит, ему приходилось сдирать с меня скальп и выкалывать мне глаз, — констатировал я. — Нелегкая ноша, но он выдержал это испытание с честью. И, кажется, даже получал от этого удовольствие.

Новая волна испуга при взгляде на меня. Да, Лика, да. Ты ведь не думала, что Паша делал это со мной? Думала, если у меня чистое лицо и ровная кожа, то меня никто не пытал.

Она ничего не отвечала — но всё с лёгкостью читалось в её глазах. Может, со сцены она и умела держаться, но вот так, в упор, с расстояния, при котором хорошо виден её взгляд, Лика была плохой актрисой.

— После вашей попытки купить меня, — я продолжил, улыбаясь и глядя прямо ей в глаза, — я наведался к нему снова. Два раза, кажется. Всё, чего я хотел — это поговорить. Ну, ещё, может, швырнуть эти деньги ему в рожу и добиться от тебя всего-навсего элементарной благодарности. Ему это не понравилось.

— Но ты же… — попыталась запротестовать Лика — и тут же заткнулась, сама испугавшись своих слов.

— Вовсе не выгляжу тем, кого пытали много часов подряд? — я повёл головой. — Ну так я и больным чернокровием не выгляжу.

Возможно, она решит, что я просто воспользовался услугами целителя. Или ещё что-то. А хоть бы даже и догадалась — плевать.

— Но вот Паша, — свистящим шёпотом произнёс я, — он остался без… оплаты долга. Где он, Лика?

— Я не знаю! — она еле сдерживалась, чтобы снова не закричать во весь голос. — Не знаю, ясно тебе?! Он пропал после того пожара, и тела тоже не нашли — ни живого, ни мёртвого!

— Тогда почему ты первым делом спросила меня, где он? — мой голос стал более суровым. — Когда я только подошёл и ты узнала меня.

— Я… Я… — забормотала она, снова отводя взгляд. — Слушай, он был прекрасным человеком, он не хотел во всё это ввязываться! У него такая работа, и этот образ жизни… Он сам жалел обо всём! Он не…

— Плевать мне на душевные метания этого прекрасного человека, — отрезал я. — Почему ты меня заподозрила?

— Из-за того сообщения, — еле слышно выдавила из себя она.

Сообщения. Итак, делаем ставки — кто же мог его послать Лике?

— Какого сообщения? — потребовал я.

Она покачала головой.

— У меня с собой нет мобильника. Он там, в гримёрке; на костюме нет карманов.

— Пошли в гримёрку, — согласился я. Она пару секунд постояла, беспомощно оглядываясь по сторонам — и оторвалась от перилл.

— Так было про… — заговорила она по пути. — Ну, было… Что здесь я узнаю, где он. Сегодня, на крыше. Я не знала, от кого, и…

Вот оно. Неожиданно меня пронзило догадкой. Точно, всё складывалось. Ведь даже я-прошлый в своём первом видео — том, что пришло с небольшим опозданием — не говорил забрать у Усатого пригласительный. Он говорил забрать у него документы, а о пригласительном додумал уже я сам!

Итак. Усатый работает на Сато. Сато знает о том, что я стёр память — и посылает своего агента за мной. Убивать меня он не собирается, а вот убедить — раньше, чем придут видео — в том, что это я сам решил сюда заявиться, можно.

Он подсунул мне пригласительный. Он заставил меня поверить, что это я сам захотел его получить. Он знал, что я пойду на крышу — сам сказал мне об этом только что! — и он же мог прислать Лике анонимное сообщение…

В какую игру играет японец? Зачем ему было так нужно, чтобы я непременно пошёл сюда в это время?

— Сюда, — Лика втащила меня из основного зала, который мы пересекли — здесь уже было прилично народу, и некоторые пялились на нас с лёгким удивлением — в коридорчик. Рядом с дверью стояли двое телохранителей.

— Это со мной, — испуганный тон девушки сменился на приказной и твёрдый; всё же вести себя с прислугой она умела. Телохранители отошли в сторону, и мы оказались в её гримёрке.

Чёрт. Даже тут — казалось бы, в техническом помещении — всё было обставлено в древнеегипетском стиле. И натоплено, как в Египте. Организаторы этой вечеринки вообще в курсе, что сейчас лето?

— Вот, — Лика сунула мне телефон — и включила ролик.

…чёрт. Провал. Какой бы логичной не казалась мне версия с Сато — она точно не включала в себя меня самого как отправителя этого видео.

На мне был капюшон, надвинутый низко на лицо и закрывающий глаза — поэтому Лика не узнала меня. Но я-то всегда мог себя узнать.

— Девять вечера, — заметил я на видео. — Крыша отеля «Прайд». Хочешь узнать побольше о своём драгоценном Паше? Будь там одна и жди.

Лика переводила взгляд с видео на меня и с меня на видео. Кажется, до неё начало доходить.

— Ты! — вскрикнула она. — Это был ты! Ты отправил видео? К чему вообще весь этот цирк и…

— Да, я отправил видео, — признал я. Сообщать Лике о моей внезапной амнезии не входило в мои планы; её я ощущал врагом, хотя и врагом низшего ранга, а потому лучше ей не знать моих слабостей и недостатков. — Но не говори, что ты не узнала о нём сегодня ничего нового.

Я как бы машинально коснулся глаза — того самого, который был выколот неделю назад — и добавил:

— Например, о его страсти к пытке.

— Да не было никакой страсти! — наконец-то, оставшись со мной наедине, Лика начала говорить громко, в полный голос; телохранители за стенкой, кажется, привыкли ко всему. — Он… он был посредником! Помогал корпорациям договариваться!

— Это я знаю, — кивнул я.

— Он организовывал разные вечеринки… и как эта, и… более хардкорные, — снова взгляд в пол. — И…

— И втянулся.

— Нет! — Лика резко подняла голову — и опять её упустила. — Да. Но… он никогда не… он… это были преступники, те, кого он считал виноватым…

— Или я, например, — я шагнул вперёд, оттеснив её к столу. — В общем. Я пригласил тебя сюда с двумя целями — раскрыть тебе глаза на твоего замечательного парня и узнать, где этот трус от меня прячется. Второго ты, похоже, и правда не знаешь, зато о первом и без меня осведомлена достаточно.

— Он не психопат! — глаза Лики наполнились слезами. — Он… он боролся, как мог, он жалел, сильно, и всё хотел бросить! Он как-то сказал, что хотел бы стереть себе память, чтобы не знать о том, что он делал, и начать всё заново…

— Ну так стёр бы, — я пожал плечами и шагнул к двери.

— Стой!! — Лика бросилась ко мне. — Если ты его найдёшь, что ты сделаешь?

— А ты как думаешь? — я криво усмехнулся — и шагнул за дверь.

Да, тут было над чем подумать. Значит, прийти сюда — это

всё же было моей идеей. И не удивлюсь, если цели и правда были такими, как я только что сказал Лике. А Сато… ну, он, конечно, знал, что я сюда собираюсь — и счёл это хорошим шансом, чтобы поговорить.

Всё так? Вроде, всё сходится.

Нет. Не сходится. Сато легко мог поговорить и там, на своей территории — и не нужно было бы неловко стоять там, на крыше, под продувающим ветром, предупреждать меня насчёт наркотических коктейлей и оглядываться, не подслушивает ли нас кто из разномастной толпы.

В чём уж точно можно быть уверенным — так это в том, что Сато знает обо всех моих шагах, и продумал свой план с их учётом.

Возвращаться на крышу пока не хотелось — попозже. Японец никуда не денется, он будет меня ждать для следующего разговора — за этим он сюда и пришёл. А я пока… осмотрюсь.

Спустившись вниз, на танцпол, я увидел, что из этой комнаты (вопреки моим опасениям, музыка здесь не гремела отбойным молотком, а играла довольно красиво, и тоже в египетских мотивах) ведёт с десяток разных коридоров. Кажется… хм, похоже, очередные «укромные уголки», отдельные «номера», где можно уединиться… с самыми разными целями.

Но привлекло меня не это, а табличка «Стопроцентная защита» на входе в каждый из них. Ничего рекламного в этом громком лозунге не было — табличка была небольшой, чисто информативной.

Спросить у кого-то из официантов, проходивших мимо? Было бы слишком глупо, но…

Дверь хлопнула. Из коридорчика вышла улыбающаяся девушка в свободном, но очень дорогом наряде, довольно собрала волосы… и скользнула по мне взглядом.

— А ты ещё кто? — хмыкнула она. — Новичок в нашей тусовке? А я уже думала, что выучила всех.

— Можно сказать и так, — спокойно ответил я, глядя на неё.

— Тогда сменил бы ты стиль, — она хихикнула; кажется, я знаю по интонации, какой коктейль она пила. — Что за дешёвка…

— Шеби-шик, — ляпнул я прочитанное где-то в журнале словечко. — Входит в моду.

— Ну-ну, — заметила она, отходя. — А по-моему, тебе нужна абсолютная защита, чтобы никто не заметил тебя… в этом.

Я пожал плечами — и шагнул за дверь. Что такое «Абсолютная защита», я догадался и раньше, а её слова только подтвердили мою догадку.

Потому что я вспомнил такие же таблички — обгоревшие,

закопчённые — на пепелище хостела. Съёмка может вестись только изнутри. Мобильный сигнал не проходит. То, что происходит внутри помещения, помеченного такой надписью — остаётся внутри этого помещения, и без ведома непосредственных участников события ничего не выйдет наружу.

Я привалился к стене возле двери в один из номеров. Кажется, я понял, зачем я здесь. Всё-таки я-прошлый, несмотря на безумие и пережитые события, был мной, а значит — мыслил как я. А ещё он хорошо знал о Сато и его возможностях.

Я вытащил телефон. Надеюсь, сработает. Всё должно произойти очень быстро.

Диалог с Дэном. Второй союзник слишком непонятен, а я-прошлый строил свои планы с Дэном. Значит, пацан всё же на моей стороне — или, по крайней мере, не против меня, даже если и свихнулся на идее мести чудовищам, отнявшим у него детство, и им подобным.

«Я на месте», — напечатал я, глядя на вход в коридорчик. Пока никого не было видно или слышно. — «Жду».

И, когда буквально через полторы минуты пискнул сигнал сообщения — я одним резким движением распахнул дверь номера и заскочил внутрь.

Посмотрим.

Глава 25

Дверь запиралась изнутри на два замка — не знаю, насколько надёжных, но я тут же повернул оба, и только после этого взглянул на экранчик телефона.

«О чём ты?»

Да уж, давно я не чувствовал себя таким идиотом. Глупо… глупо было решить, что существует какое-то супер-секретное видео, которое хранится у Дэна, и я должен просмотреть его, лишь оказавшись здесь, в защищённой от взгляда Сато и ему подобных комнате. Ради этого затевать целый визит на элитную вечеринку, доставать пригласительный — это было как-то… глупо.

А самое главное — то, о чём я только что не подумал и из-за чего краска особенно заливала моё лицо. Если бы у Дэна хранилось такое видео — кто мешал бы Сато давным-давно найти его? Как я убедился, Дэн вовсе не такой крутой хакер, каким хочет казаться (хотя, чего скрывать, он действительно крут в этом деле для своих тринадцати), и те, кто задастся целью взломать его — сделают это, пусть и потратив некоторое время.

Вздохнув и покачав головой, я вышел наружу.

«Ни о чём. Забудь».

Дурацкая идея. Идиотская. Не мог же я…

Дверь в конце коридора распахнулась, и я увидел улыбчивого официанта в египетском наряде.

— Господин? — он поглядел на меня с самой вежливой в мире профессиональной улыбкой. — У меня для вас сообщение.

— От Сато? — уточнил я.

— А? — одна приподнявшаяся бровь свидетельствовала об удивлении, в остальном же лицо осталось такой же пластиковой маской, как и до того. Жених куклы Барби, не иначе. — Нет, от корпорации «Союз».

Теперь уже бровь приподнялась у меня. «Союз» — это посредническая корпорация, где работал… Паша.

Что они знают и почему хотят связаться со мной? Видимо, сейчас я получу ответ на эти два вопроса.

— Послание лежит ещё со вчерашнего утра, господин, — уточнил официант.

— Да? — я поглядел на него. — Это… обычная практика — передавать сообщения… вот так?

— Вполне, — заверил меня парень. — «Прайд» гордится своей системой защищённых от прослушивания зон, и многие видные люди столицы…

— Ладно, не нужно рекламы, — отмахнулся я. — Где и как я могу получить это послание?

— Прошу за мной, господин, — послушно прервав свою речь, официант чуть поклонился — и развернулся прочь. Я последовал за ним.

Миновав танцплощадку и ещё несколько коридоров, мы спустились по лестнице — обычной, уже не декорированной ни под какие древние цивилизации — на этаж ниже. Что ж, похоже, «защищённые» номера имелись и тут.

— Вот, пожалуйста, господин, — служащий вновь лучезарно улыбнулся мне и вручил магнитную карточку. — Своё послание вы найдёте в этом номере.

Хм. Отлично, будем надеяться, отель действительно дорожит своей репутацией и самое очевидное пятно в обороне — то, что карточка хранилась у персонала — не означает, что предназначенное мне послание уже кто-то смотрел.

Я зашёл внутрь. Снова запер дверь. Что-то подсказывало мне, что сейчас я получу ответы на многие вопросы… и, может быть, эти самые вопросы тоже сильно увеличатся в количестве.

За дверью был обычный гостиничный номер — даже не какой-то люкс, просто комнатка с обычной мебелью. В глаза бросался телевизор на стене — и пульт на столе.

И где моё сообщение? Искать в шкафу записку или включить этот самый телевизор? Я бы поставил на первое. Учитывая, что сигнал через эти стены не пройдёт — смотреть тут кино можно исключительно в записи, а значит…

…экран загорелся — и я увидел Пашу. Крупным планом. Впрочем, кажется, вовсе не он был тут хозяином положения. Измождённое лицо, широкая лента скотча на лице заткнула ему рот… Глаза были открыты, и они бегали туда-сюда. В них читалась паника… и обречённость.

А затем, кажется, камеру оторвали от штатива, к которому она была прикреплена — и я увидел себя, стоящего рядом.

Значит, я всё-таки угадал. Послание от меня самого мне самому, и теперь всё, что мне надлежит делать — это просто сесть и внимательно слушать.

— Вот такой я хреновый мститель… — пробормотал я на экране. Смотреть очередной ролик не на телефоне, а на большом телевизоре было необычно. — Я не могу. Или могу, но не хочу.

Я-прошлый обвёл камерой комнату — большой, ровный бокс с металлическими стенами, без каких-либо щелей или окон — и вышел в единственную дверь. Раздался лязг, затем я услышал щелчок запираемого замка — камера в это время показывала тёмный коридор с выходом на какую-то лестницу — и только

затем я-прошлый заговорил:

— Не хотел изливать душу перед этим уродом. Знаю, что он уже ничего никому не расскажет, и всё равно это… неправильно.

Картинка резко развернулась и выхватила моё лицо — какое-то неровное, несимметричное, болезненное. У меня дёргался глаз.

— Я схожу с ума, — заявил я на видео. — Серьёзно. Едет крыша. От пережитого. От новых возможностей. От злости. Да просто от того, что я не умер и вроде как не собираюсь!

Он покачал головой.

— Это всё хорошо — и жить, и новые возможности, но… всё зашло слишком далеко. Наверное, я попрошу Дэна стереть мне память. Точно попрошу. А затем… мне нужно будет знать, что происходило. Это послание для меня-будущего — первое и основное. Наверное, будут другие, те, в которых я разжую всякие детали, то, которое нужно будет выслать в первую очередь. А вот это… я запрячу. Не знаю, как, но если есть способ укрыть его от «Сато», «Бикфорда», от КОБР и остальных — я это сделаю.

Моё лицо снова скривилось.

— Паша начинал так же, — заметил я. — Не сразу поверил, когда узнал, но этот ё*нутый садист когда-то был поборником справедливости и боялся сделать неверный шаг. А потом… понеслось. Ты знал, я из будущего, что он продавал нашу драгоценную Лику? Ага, как шлюху. Она ведь звезда! А он — посредник между корпорациями. Он им — ночь со звездой, они ему — уступки в делах. Отличная сделка. Она у него не единственная такая, кстати, но остальные хотя бы не являются его девушками.

Я поморщился, как будто откусил от лимона.

— И он оправдывал сам себя. Может, до сих пор оправдывает — уж не знаю, как, и не хочу знать.

Камера чуть отдалилась; я-прошлый не шёл никуда — кажется, я так же стоял за той дверью.

— В целом, мне абсолютно наплевать на этого ублюдка. На то, какими целями он там руководствовался, как дошёл до жизни такой. Он мразь и недостоин жить. Просто…

Пауза. Сидя на небольшом диванчике, явно предназначенном не для сидения, а для амурных встреч, я вглядывался в экран — а прошлый я молчал, так и не решаясь закончить предложение.

Чёрт. Да говори уже! Что мешает тебе просто взять и убить, бл**ь, этого ублюдка?

— Я не должен делать этого сейчас, — наконец, закончил я. — Я схожу с ума. Крыша едет… сейчас я соображаю, но не уверен, в какой момент у меня снова включится режим психопата. Как я уже сказал… я ведь уже сказал это?.. Паша начинал так же.

Глубокий вдох.

— Значит, если я убью его сейчас — могу закончить так же, как он, — выдохнул я.

Что за?..

— Я превращаюсь в него, — пояснил я на экране. — Превращаюсь в такого же садиста. Сначала я хотел… сделать с ним всё то же самое, что и он со мной. Снять скальп, ну и остальное тоже. Если ты смотришь это видео, значит, наверное, уже в курсе, как это было. Потом я опомнился. Не хочу, становиться таким, как он.

Камера потеряла фокус, но я-прошлый этого не замечал и продолжал.

— Я… родители приезжают, скоро. Кого они встретят? Сына, который чудом вылечился от чернокровия, или ё**ного маньяка? Я не хочу стать Пашей. Просто не хочу.

Фокус снова появился; я смотрел прямо в камеру.

— Это сделаешь ты. То есть, это сделаю я — но не раньше, чем избавлюсь от зачатков психопата внутри меня. Тогда и только тогда это убийство будет справедливой местью, а не… не знаю, продолжением всего, что делал он.

Моё лицо на экране перекосила кривая усмешка, вновь напоминающая мне то клоунское выражение, какое я уже видел на других роликах.

— Ну, или он сдохнет тут от голода и жажды, если ты так и не найдёшь его.

Где, где это место? Я готов был придушить себя прошлого за то, что он не излагает всё ровно и спокойно, не называет адреса.

— Но прежде, — лицо меня самого посмурнело, — о деле. О Силе. Потому что Паша — это всего лишь жалкая мразь, а Сила… это Сила. Ради того, чтобы её усмирить, я чуть было не задружился с «Бикфордом» — впрочем, они те ещё говнюки, и хотят захапать Силу в своё личное пользование. Наверное, все хотят. Если бы я был боссом корпорации — любой, я бы точно хотел.

Ну, в этом нет ничего странного. Само собой, политика — это вечная борьба за власть, а Сила — самый мощный из её источников.

— Сато — самый умный среди всех, — продолжал я-прошлый. — Для большинства из них на первом месте — собственная выгода, а на втором — опасность от вырвавшейся и получившей независимость Силы. Лишь у немногих — наоборот, и Сато один из них. Он осознаёт, что к чему. Понимает, что никакая власть не поможет, если…

Снова долгая пауза. На этот раз я ждал уже более терпеливо.

— Но вот что интересно, — продолжил я. — Сила выбрала меня не просто так. Не за красивые глаза. Не за то, что я в детстве спас Лику. За мысли, в которых я его, — я кивнул на стальную дверь, — превращал в кровавое месиво. Сила — ребёнок, все её мысли и эмоции — детские мысли и эмоции. Она не знает полумер и компромиссов, всё или ничего. Ей нужен был такой, как я… психопат.

Пристальный взгляд; кажется, я вцепился в камеру обеими руками.

— Не повторяй моих ошибок, — чётко и яростно, впечатывая в запись каждое слово, произнёс я-прошлый. — Не становись психопатом. Иначе она легко воспользуется тобой. Вырвется на свободу, а дальше я даже не берусь предсказать. Ей не нужно даже пытаться разрушить или там завоевать мир — он и сам разрушится вокруг неё, если она вырвется.

Я поморщился.

— «Бикфорд» это не осознают. Они не просто владельцы хостелов для садистов и всё такое. Они… стыдятся своей роли. Думают, мол, их сфера — сфера обслуги, а они хотят большего. Зависть, все дела. «Бикфорд» предложили мне план, как остановить Силу — я уговорю её на время привязать проекцию своего сознания к телу человека, хоть себя самого, хоть другого, а они сумеют убедить её… что это плохая идея.

Новая кривая улыбка.

— Идиотский план, так? «Давайте мы просто скажем почти всемогущей сущности, что ей не понравится иметь своё сознание». Шито белыми нитками, а всё потому, что их план — не это. Их план — узнать кой-какие секреты Силы, сделать себя могущественнее. Они видят во мне дурачка, зацикленного на мести — и я сам виноват в том, что у них возник такой образ. Но благодаря этому они не позаботились о том, чтобы получше замаскировать свой настоящий план.

Я-прошлый начал идти вперёд по длинному коридору. Ровные каменные стены, тишина и темнота, только мой собственный голос, звук шагов и свет от камеры.

— Я без понятия, как на самом деле остановить Силу, честно. Но, наверное, у Сато есть на этот счёт какие-то мысли. Ещё я без понятия, как именно Сила хочет заполучить себе сознания — поопасался задавать ей этот вопрос. Тут, думаю, может ответить только она сама. Но то, что предлагают Бикфорды — чушь и провокация. Не соглашайся на их предложения, тем более, что они в следующий раз будут умнее. А лучше вообще с ними не общайся.

Хм. А не мог ли я-прошлый сказать мне-новому это сразу же,

первым делом, а не засовывать самое важное сообщение невесть куда?.. Впрочем, ответ на этот невысказанный вопрос я услышал почти тут же, как по заказу.

— Они не знают, что я раскусил их план. Они вообще не знают о том, что двое их сотрудников работают на меня. Или работали. Я не уверен, что они всё ещё на моей стороне, даже не уверен, что они когда-то на ней были. В общем, «Бикфорд» думают, я просто не смог отказаться от мести.

Коридор продолжался; где-то вдалеке я услышал звук капающей воды.

— Можно было бы рассказать это Сато. Он умный. Но он… слишком умный. Ему, при всём его уме, сложно принять то, что люди могут не осознавать опасности вырвавшейся Силы и рассчитывать победить её. Он поверит, конечно — но не сразу. А у них… есть какой-то план. И если они поймут, что терять нечего — сразу пустят его в ход.

Чёрт. И чем я думал, когда запрятал эту информацию так далеко?.. Думал о безопасности, но не учёл срочности. Видимо, я и правда был не в себе.

С другой стороны, с момента съёмки этого видео прошло — сколько? Двое суток? Возможно, я всё сделал правильно.

— В общем, пора заканчивать, — кивнул я сам себе. — Место ты знаешь сам. Там, где всё началось. Там ты найдёшь две вещи — Пашу и доказательство того, чем занят «Бикфорд». Отнеси их Сато. Почему я не делаю это сам и сейчас же?..

Я снова широко усмехнулся.

— Для этого нужно быть нормальным. Не психопатом. А я сейчас полнейший психопат, уж поверь мне. И… не будь мной.

Конец видео.

Итак, что я имею? Некие смутные доказательства вины «Бикфорда», увидев которые, Сато всё осознает и объявит план «Перехват»? Да ещё и хранятся непонятно где.

Я до сих пор не мог отделаться от странной мысли. Я-прошлый назвал Сато слишком умным, чтобы сразу же воспринять чужую глупость. Я же не мог понять — был ли прошлый я слишком умным или слишком глупым? План с этим видео, доказательством, с посланием, которое двое суток ждало меня здесь — всё это казалось…

Либо идиотским, либо гениальным. И я не мог до конца определиться, что всё-таки было ближе.

Ладно. Пересматривать видео смысла не было. Найдя на пульте нужную функцию, я стёр его. Надеюсь, отель не сохранил резервную копию… а впрочем, плевать. Видео пряталось так глубоко от «Бикфорда» с их планом, а они вряд ли станут искать

его тут.

Место, где всё началось. Тоже мне, загадка… казалось бы, я придумывал её сам, значит, моя же собственная логика должна подсказать мне…

Это точно где-то здесь, в столице. Я не выезжал домой. Вокзал? Больница? Концертный зал, где выступала Лика?…

…нет. Для меня- прошлого всё началось не там.

Пыточный хостел. До него я готовился к смерти, и только там начался остаток моей новой, возможно, длинной жизни. Там началось знакомство с Силой… и даже знакомство с Пашей — с настоящим, а не таким, каким он представляется на людях — по суди, началось там.

Да и рождение меня-психопата тоже состоялось в этом гостеприимном месте. Вот и всё.

В прошлый раз я был там с жучком и привёл за собой погоню. Что ж, в этот раз я буду осторожнее, и…

Топот за дверью. Не успел я как-то отреагировать, как дверь слетела с петель — вот тебе и стопроцентная защита — и я успел увидеть только влетающий в комнату предмет, похожий на жестяную банку из-под лимонада.

Глава 26

Жестяная банка зашипела — и принялась, вращаясь, быстро выделять из себя белый дым, стремительно заволакивающий помещение. Чёрт. В комнате ни единого окна и одна дверь, за которой и притаился бросивший газовую гранату! И, судя по шуму шагов за пару секунд до — враг был не один.

Я одним рывком соскочил с дивана и, метнувшись к декоративной занавесочке (та висела на голой стене, не столько что-либо заслоняя, сколько задавая тон всей комнате), оторвал от неё длинный, широкий лоскут. Не защитит от настоящего ядовитого газа, но всё же лучше, чем ничего.

Впрочем, никаких признаков удушья я не чувствовал. Лёгкие не выкашливались кровавым дождём, в голове не мутилось. Зато белый дым заволок всю комнату, словно рассветный молочный туман.

У голове у меня щёлкнуло. Один плюс один. Ну, конечно!

«Вы же сами ничего ему не сделаете — для этого нужен зрительный контакт», — прозвучал у меня в голове голос Рюдзи Сато, тогда ещё молодой. — «Как видите, я прекрасно знаю, как работает ваша способность».

Вот почему никто не заходит. Вот почему они сначала кинули дымовую гранату. Думают, что нулевая видимость защитит их от меня!..

Удивительно, но именно эта мысль придала мне уверенности. Это не мне нужно искать спасения и защиты от них — это они, боевые наёмники (неважно, чьи) боятся меня, простого парня. Они не заходят внутрь.

Именно по этому признаку я и догадался, что передо мной наёмники. Человек, преданный идее, шагнул бы вперёд, он был бы готов умереть в схватке; был бы готов ценой своей жизни обеспечить победу всему предприятию.

Неприятный факт о наёмниках: они работают за деньги. Такие бойцы вовсе не трусы, и случается, они тоже умирают — а порой и героически. Но всё-таки обычно они стараются выжить, просто затем, чтобы получить причитающиеся деньги и от души их потратить.

Вот почему вслед за дымовой гранатой никто не вбежал внутрь. Они боятся. Банально боятся, и…

Что-то звякнуло. Нехороший звук заставил меня отвлечься от мысли о том, как же меня боятся, и броситься на пол — буквально в последний момент, после чего прогремел взрыв.

Отбросив тряпку в сторону, я закашлялся. Это было… больно.

Это было о**еть как больно, если честно! Любые воодушевляющие мысли мигом исчезли — сложно думать о себе как о ком-то страшном, когда испытываешь такую боль.

Одной рукой я бессмысленно сучил по полу, другой пытался ощупать тело. Чёрт… майка вся в крови. Кажется, грудь была исполосована; если бы я не успел упасть — меня бы разорвало в клочья ко всем чертям, а так я жив, но сильно покалечен.

Я прекрасно понимал, что это значит. Либо я лечусь из своего «универсального источника» — либо мне конец, несмотря на любые способы обмануть чернокровие.

В комнату кто-то шагнул.

— Бл*, тут всё красное! — глухо произнёс мужской голос.

— Похер! Ищи его, быстрее!

Красное?..

Даже несмотря на боль, способность соображать я не утратил. Этим ребятам нужен был способ самим глядеть через созданную ими же дымовую завесу. Они решили глянуть через фильтр, настроенный на красный цвет — видимо, чтобы увидеть мою кровь. Вот только стены «пещеры любви» действительно красные, а моя кровь…

А моя кровь чёрная, сучки.

Много ли мне это давало? Даже несмотря на такое только что открытое «преимущество», я всё ещё не мог двигаться — кажется, одна из ног тоже была серьёзно повреждена взрывом — и еле сдерживался от того, чтобы не застонать, тем самым моментально выдав себя. Один звук — и в мою сторону тут же последует очередь из автомата, ну, или град каких-нибудь заклинаний аналогичного действия — в этом я не сомневался.

Впрочем, и без этого моё положение было — хуже некуда. В комнатушке пять на пять метров было просто некуда деться…

Нога рядом со мной. Закрытая бронёй, конечно, голой кожи я не коснусь — но ведь моя способность работает не так? Если я могу «выпивать» людей даже на расстоянии, то что мне эта небольшая преграда!

Густой туман был действительно плотной помехой зрению; ступи этот тип на три шага дальше — я бы не увидел его, на шаг ближе — наткнулся бы на меня. Даже сейчас я видел лишь ноги.

Но, к несчастью для него, этого было достаточно.

Ощущение холода и лёгкой тошноты. Боль и отчаяние глушили любые мысли о том, что убивать плохо. Не плохо, если это единственный способ выжить. Не плохо, если тот, кого ты убиваешь, только что разворотил тебе грудную клетку, почти оторвал ногу и сейчас собирается добить. Не плохо, и всё тут.

Видимо, моя способность всё-таки работала вполсилы со

всеми этими ограничениями. Моя боль резко уменьшилась, но не прошла до конца — зато тип передо мной, вместо того, чтобы молча превратиться в истекающую ихором мумию, дико заорал и рухнул на колени.

Его напарник выстрелил в ту же секунду — то ли наёмникам был отдан приказ добивать раненных товарищей, если других шансов взять меня нет, то ли испугался, то ли просто реакция была быстрее разума. И, чем бы он ни стрелял, это были не пули — тело, рухнувшее в метре от меня, было буквально превращено в фарш. Конечно, отчасти это была и моя заслуга, но…

А ещё я теперь знал направление. Тело болело, раны всё ещё оставались серьёзными, не закрывшись до конца — но теперь они, по крайней мере, не мешали ходить. Рывок вперёд — будь помещение побольше, он бы успел что-то сделать, но не сейчас.

Новый крик. На этот раз я «выпил» его до конца, и боль медленно, как колыбельная, утихла. Впрочем, предаваться восторгу по поводу этого факта было некогда — и я нырнул за диван.

Идиотизмом было бы полагать, что на меня послали двоих. Наверняка есть ещё враги, а потому…

Я быстро обыскал упавший труп. Отлично, так и есть — у него обнаружились ещё дымовые гранаты.

Первая как раз начинала выветриваться. Осторожно сжимая вторую, я замер и прислушался.

Тихо. Да нет, я не поверю, что их было двое, не могло…

Удар под дых. У меня перехватило дыхание; чёрт, почему все попытки угробить меня так болезненны?

Ещё один удар, а главное — я так и не понимал, откуда они прилетали. Чёрт с вами! Пытаясь издавать поменьше звуков, я выдернул чеку гранаты — и швырнул, после чего резко отскочил в сторону…

…ох. Это была не дымовая граната. Наверное, останься я там, где стоял — меня бы уже не было в живых, но так меня «всего лишь» отбросило к стене, впечатав спиной в тот самый широкий экран. Это было по-прежнему очень больно, но теперь я хотя бы видел, кто меня атаковал до этого.

Тело врага проявлялось постепенно. Нет. Не тело — ошмётки тела. В отличие от меня, он не успел уйти с пути взрывной волны. Я не попался ей только по той причине, что забросил гранату за дверь, в коридор — приземлись она в этой крохотной комнатке, и от меня бы даже воспоминаний не осталось.

Пошатываясь, я выглянул в коридор. Больно… Чёрт, второй взрыв лишь немногим лучше первого — такой же болезненный, разве что ноги целы.

А вот им повезло меньше. С десяток ребят в безликой форме без опознавательных знаков валялись в коридоре в живописных позах — кто-то целиком, кто-то кусками.

Топот. Кажется, часть выжила и отступила. Насовсем или только для перегруппировки? Ладно, сейчас есть вопрос поважнее: все ли эти типы мертвы? Получить в затылок пулю только из-за того, что не проверил одного из покойников, казалось мне ужасно глупой смертью.

Что ж, у меня был способ это проверить. Поглощение!..

Как я и ожидал — нельзя было похитить то, чего не было. У трупа жизненной энергии нет, а вот у живого есть. Поэтому, когда я применил способность, сразу три «мёртвых» тела истошно заорали, задёргались — и уже секунды через три притихли по-настоящему.

Со мной такие фокусы не проходят.

Коридор был чист — пока. Или нет. Учитывая наличие среди моих врагов грёбаных невидимок… какие-то из них решили «выйти из сумрака», но что, если какие-то оставались невидимыми?

Ладно. Вооружимся же. Праведностью и огнестрелом.

На то, чтобы сделать это, у меня ушло минуты две. Была, конечно, мысль переодеться в броню наёмника, но… ладно, это не кино, а я — не звёздный воитель. Тут нет брони на мой размер, да и вообще она либо повреждена, либо заляпана изнутри той жижей, в которую превращаются мои жертвы. И, в конце концов, появившийся из неоткуда сослуживец, молчаливый и внезапный, это самая подозрительная вещь на свете!

Ладно, мне хватило очков ночного видения — или что это такое, оно действительно показывало всё в красном цвете — и автомата. Руки легли на спусковой крючок так уверенно, что я задался вопросом — в какой момент прошлой недели я уже успел научиться стрельбе из автомата?

Впрочем, это ерунда. Одна мысль не давала мне покоя практически с самого начала странной атаки — хотя и была задвинута на задний план другими, более насущными мыслями, вроде «как выжить?» или «как же мне, б**ть, больно».

Почему здесь и сейчас? Если кто-то — и неважно, кто именно — послал этих ребят, чтобы убить меня, то у них был целый день. И я не поверю, что одно только замолвленное словечко старого японца берегло меня весь день.

Если это «Бикфорд», они и так собираются пойти ему наперерез. Если это он сам, то… я тем более не понимаю причин.

Но ничего не происходит просто так. Если это решили сделать в «Прайде», во время странной мажорной вечеринки в

честь богини Хатхор, значит, это место и время чем-то отличается от других вариантов. И то, что я не вижу этого отличия, значит лишь то, что я чего-то не знает.

Зато я знаю того, кто знает. Конечно, оставался шанс, что Сато по какой-то причине и есть тот, кто собирается меня убить — например, он весь день думал о нашем сотрудничестве, а сейчас его вдруг осенило, что я ему не подхожу, и лучше бы от меня избавиться. Но я был готов рискнуть и прийти к нему за ответами.

Проблема была в оставшихся боевиках.

Выстрел где-то впереди. Я замер. С какого рожна им стрелять в кого-то там?

Либо это ловушка для меня — причём тут не угадаешь, хотят они, чтобы я пошёл на звук, или же пытаются заставить меня наоборот, идти в противоположную сторону — либо там происходит что-то, неизвестное мне. Ладно. Взвесив все за и против, я быстрым шагом направился в сторону выстрела.

Знание — сила. Этот урок Сато мне продемонстрировал сегодня несколько раз. И даже я сам себе этот урок тоже продемонстрировал — всё, чем я сегодня занимался, было попыткой восстановить стёртые знания. На какое количество граблей я бы не наступил, будь сутки назад умнее (и трезвее) и оставь я сам себе внятную инструкцию? Даже стереть память стоило не под мостом, а в защищённом месте, но…

Что было, то было. Я же сейчас предпочту определять то, что будет.

Не успел я добежать до цели, как новый взрыв заставил меня остановиться и вздрогнуть. Что происходит? Я надеялся выяснить это.

Лестница вверх. Танцплощадка… и никого. Не считая мёртвых тел — их немного, пятеро то ли официанток, то ли проституток, и ещё двое из тех, кто был похож на мажоров. Двое с пулевыми ранениями, остальные — похоже, что тоже жертвы взрыва. Кто-то увлёкся швырянием гранат?

Как бы там ни было, это уже серьёзная заявка. Здесь собирались довольно важные люди. Это я тут никто и звать меня, без учёта моих способностей, никак, а вот их убийство — заявление о силе. Даже если смерть случайность, одна возможность допустить такую случайность есть не у каждого.

Наверху — в основном зале — раздавался какой-то шум. Кажется, основное действо происходило там, и, кажется, туда ломанулась вся толпа мажоров после демонстрации силы.

Идиоты. Вы же пробуждённые. Вы же все пробуждённые, а большинство — весьма неслабого уровня. Неужели никто не

пытался сопротивляться?

Держа автомат перед собой, я двинулся наверх. Да, так и есть: там царила полная давка. Народ ломился в сторону выходов, что-то кричал, звучали пораженческие лозунги… Странно, а вот врагов я не видел.

Новый взрыв раздался прямо за моей спиной. Дальше — темнота; я уже ничего не видел, только ощущал, как течёт по лицу кровь, как то, что было моими глазами, склизкой жижей сползает по моим щекам. И, разумеется, боль. Меня швырнуло на кого-то, уши наполнились чужим криком… а может, и моим собственным тоже, я не мог сказать наверняка.

Руки и ноги были сломаны — а может, и нет, но, во всяком случае, попытка шевельнуть любой из четырёх конечностей причиняла мне дикую боль. Сверху на меня кто-то рухнул — похоже, я оказался погребён между телами других пострадавших. Какой-то особенно монотонный стон раздавался прямо над ухом.

Ладно. Я знал, что нужно делать. Всего лишь…

Но нет. Я не мог. Никак не мог; моих глаз как явления больше не существовало, а значит, я просто не мог выпить жизненные силы тех, кого видел. Я никого не видел.

Прикоснуться? О, я сейчас касался таких же трупов или полутрупов, как я. Рядом не было никого, за чей счёт я мог бы исцелиться; пару раз попытавшись сделать это, я понял, что у меня попросту ничего не получается.

…стоп. Кажется, зацепился. Тип, лежаший сбоку от меня, был жив, и моя рука — занемевшая, почти не контролируемая мной — держала его за запястье. Наверное, я мог бы высосать его жизнь, а после…

…остаться лежать тут. Он ранен. Я буквально чувствовал — моя способность давала мне это ощущение во всей его полноте — как мало в нём осталось этой жизненной энергии. Если я её выпью — это будет всё равно, что попытаться напиться в пустыне напёрстком воды. Я не исцелюсь настолько, чтобы восстановить глаза. Не смогу даже набраться сил и вылезти из-под этой горы тел…

Вот чёрт. Когда до меня дошло, что я должен сделать, мне захотелось просто умереть. Да! Вот так вот — тихо расслабиться и умереть. Никакой больше боли, никакого шума. Я ведь был к этому готов! Я был готов умереть неделю назад, когда попросил поставить мне капельницу с наркотой, чтобы забыться!

Желание умереть во мне боролось с желанием жить. На стороне второго были все те планы, которые я не успел реализовать, всё то, что наделяло меня желанием цепляться за жизнь, не отходить в небытие раньше, чем я испытаю и испробую

всё, что хотел.

На стороне первого было осознание того, как хреново мне сейчас будет. Мне уже было хреново, а я собирался усугубить всё ещё в несколько раз.

Если я сделаю это — то, возможно, умру. Если не сделаю — то точно умру, если только не вмешательство Сато или ещё кого-то. Но Сато не спешил помогать мне.

Что, если я не прав? Что, если я увеличу напёрсток ровно настолько же, насколько и свою жажду, и в итоге это ничего не даст?..

Придётся проверить. Жажда жизни победила.

Чёрт, она никогда не победила бы, если бы я по-настоящему боялся умереть. Она твердила бы мне, что я умру, и я бы действительно умер, не попытавшись — потому что пытаться было бы слишком страшно.

Но я не боялся умереть уже очень давно. И риск сейчас воспринимал как что-то… нормальное. Лучше попробовать, чем не попробовать, верно?

Активация способности. Боль мешала сделать это, но я был упорен. Сломанная рука крепко сжимала чью-то то ли лодыжку, то ли запястье…

Чтобы исцелиться, мне нужно «выпить» здорового человека. А чтобы получить здорового человека, мне нужно его исцелить.

Крайним усилием воли я вливал в неизвестного мне полумёртвого неудачника всё, что мог, перенимая на себя его раны, болезни и травмы — чтобы затем забрать всё назад.

Если, конечно, я успею.

Глава 27

Бизнес, которым я занимался вместе с Усатым. Неудивительно, что после него у меня съехала крыша. И дело тут было даже не в людях, которых я убивал.

Дело было в людях, чьи болезни я принимал на себя.

Я не знал точного списка, не знал количества, не знал даже, насколько тяжёлые травмы мне приходилось перенимать. Какие-нибудь раны, полученные в перестрелке бандитских группировок или что-то в этом роде? Видимо, ведь в большинстве других случаев пострадавший просто обратился бы в частную клинику или к известным целителям со сложившейся репутацией. Бедняков я явно не лечил, значит, дело либо в скорости — либо в том, что я не задавал вопросов.

Впрочем, наплевать. Сейчас я отлично понимал, почему спятил — боль, которая и без того была чудовищной, удвоилась, тела, лежащие сверху, навалились ещё более тяжёлым грузом… Я не терял сознание только невероятным усилием воли, понимая, что если отключусь — исцелённый мной просто выберется, и шансов на спасение у меня не останется.

Нет уж. Я вам не мессия, исцелять посторонних людей и оставаться умирать. Тянуть было нельзя — и, только заслышав удивлённые восклицания и шевеление (исцелённый ещё не осознал, что произошло, но явно почувствовал себя лучше), крепче — как мог сломанной рукой, висящей на полуоборванных жилах — сжал его конечность.

Прости, парень (или кто ты там). Ты или я. И я выбираю себя.

В первую секунду мне показалось, что боль полностью прекратилась, я расслабился и испытываю райское блаженство… затем первая эйфория от исцеления прошла, и я понял, что до идеала ещё очень и очень далеко.

Ноги были целы — во всяком случае, настолько, чтобы медленно, со скрипом, но передвигаться. Правая рука тоже, как и глаза, а вот левую я не чувствовал. Сверху всё ещё давили чужие мёртвые тела, и я попытался встать, отталкивая их.

Не смог. Наверное, сверху была всего пара тел, но одной выпитой жизни не хватило, чтобы исцелиться до конца после всех травм. Я был слаб — и теперь, когда угроза смерти в ближайшие секунды отступила, это бесило меня.

Второй заход. На этот раз я не пытался раскидать тела, а попробовал выскользнуть из-под них — и у меня получилось. Я выбрался.

Изорванная одежда была вся в крови — как своей, чёрной и

густой, словно мазут, так и чужой, красной. По залу, усыпанному пылью и каменной крошкой, были раскиданы тела.

И не только. Сзади выстрелили; первый выстрел попал мне в плечо, но я уже почти не ощущал боли на общем фоне, и это позволило мне быстро отскочить в сторону.

Автомата у меня, разумеется, уже не было — валялся где-то в куче покойников, а может, отлетел в сторону. Ну и ладно, не пригодился. Зато теперь я чётко видел врагов — и значит, мог сделать вот это.

…чёрная вспышка. А затем всё стихло. Топот чьих-то ног за спиной, голоса раненных и паникующих… похоже, Сато был не прав. Я зацепил не только тех, кто был здесь, в этом зале — звуки стихли и этажом выше, и этажом ниже. Серия быстрых звуков падающих тел — и полная тишина, не считая монотонно завывающей где-то вдалеке — этажах в трёх отсюда или даже больше — пожарной тревоги.

Я чувствовал себя превосходно. Здоровее, чем когда-либо. Сильнее. Энергичнее. Настоящий кайф. Единственный раз в моей жизни, когда я пробовал наркотики, был неделю назад, в больнице… сейчас я ощущал нечто то же самое, только во много раз сильнее и приятнее.

Ладно. На этом нельзя зацикливаться, иначе всё, чего я добился стиранием памяти, сойдёт на нет. Оглянувшись по сторонам — тела были повсюду, а вот движения не было — я направился наверх, на крышу.

Рубашку, промокшую от крови, я попросту содрал и бросил на пол. Мокрое тело было противно липким, а снаружи уже было темно (а потому прохладно), так что я подумал о душе. Учитывая, чем тут занимаются — не может быть, чтобы не было душа. Вероятно, в номерах со «стопроцентной защитой» они есть… если их не разнесли в клочья какие-нибудь очередные взрывы.

Да, здесь, на крыше, живых тоже не было. Все тела представляли из себя смердящее гнилое месиво… но я не испытывал по этому поводу ничего. Лика? Я не видел её здесь, но даже если я и убил её, мне было плевать. Строго говоря, я лишь забрал своё.

Был лишь один человек, интересный мне в этот момент. И я нашёл его — такое же мёртвое тело, залитое ихором, лежащее в изломанной позе на том же месте, где я оставил его. Рюдзи Сато за время моего отсутствия не сдвинулся с места.

Сколько времени? Наверное, часов десять, или, может, десять с небольшим. Значит, у меня около двух часов до того, как он придёт в себя.

…интересно, за это время сюда явится ещё кто-нибудь?

Почему-то потенциальная угроза нового нападения меня не пугала. Я был уверен, что со всеми теми силами, что вобрал в себя, справлюсь.

Но никто не пришёл.

За два часа я успел помыться в душе и переодеться. Правда, из всей одежды обнаружилась лишь форма персонала — не «египетская», а обычная, брюки и белая рубашка — но мне было не до моды. Нашёл я также и продукты, но есть не хотелось — всё помещение прочно провонялось запахом трупятины, который отбил бы любой аппетит.

Наверное, если я чему и удивлялся, так это собственному спокойствию. Новое нападение, окончившееся смертью кучи народу… но мне было всё равно, как будто ничего не произошло.

Может, это защитная реакция. События слишком шокирующие, и мозг не даёт мне воспринять их в полной мере — иначе есть риск, что я сойду с ума. А может, это отголосок меня-прошлого, для которого в произошедшем и правда нет ничего «такого».

Или… что, если это частица Силы внутри меня? Ведь это она дала мне способность.

О последнем я предпочёл не размышлять.

Все два часа я ждал, что сюда кто-то заявится. Ну, хоть кто-нибудь! Если не новые нападающие, то хотя бы пожарные, полиция, скорая, владельцы и сотрудники отеля, родственники и сослуживцы видных людей, что превратились в красную смердящую биомассу…

Никто не шёл. Причина тому могла быть одна: они знают, что я наверху. Знают, кто я такой, на что способен — и попросту боятся меня трогать. Боятся даже заходить сюда.

Что ж, в чём-то они правы.

За две минуты да полуночи я был снова на крыше. Здесь погасли все огни — после взрывов электричество вырубилось; наклонившись вниз, можно было увидеть машины, съехавшиеся к зданию, мигалки, толпу людей, снующую в панике…

И все они не рисковали заходить сюда.

В полночь тело Сато засветилось.

Наверное, это выглядело очень… эффектно и по-киношному. Яркое сияние, объявшее его тело, принявшее его форму… затем оно стало уменьшаться.

Передо мной сидел младенец — самый обыкновенный на вид, запутавшийся в пропитанных слизью тряпках, растерянный, но определённо живой. Всё так, как должно было быть.

Младенец поднял голову. Новорожденные не должны этого делать — они не умеют держать голову самостоятельно — но

этот, ясное дело, был исключением. Поглядев на меня, он издал какой-то невнятный звук… и постучал по собственному запястью характерным жестом.

Ага, понятно. Ещё рано. Он в таком возрасте, когда даже говорить внятно не может, а потому мне лучше подождать ещё час-полтора.

Что ж, я кивнул и отошёл в сторону. На этот раз я решил остаться на крыше; обзор был прекрасный, а наблюдать за тем, что происходило внизу, было даже интересно. И как долго они собираются не подниматься наверх? Может быть, ожидают прибытия сапёров или каких-нибудь пробуждённых нужной специализации?

Время шло быстро; внизу особо ничего не менялось, но прохладный ночной воздух не давал мне задремать.

— А ты наворотил дел, — заметил позади меня детский голос.

Я обернулся и поглядел на Сато. Сейчас ему было едва ли три-четыре года — кажется, я простоял на крыше не меньше часа. Он был кое-как завёрнут в собственный же пиджак, и это придавало ему особенно комичный вид.

— Не люблю это время, — заметил Сато, верно истолковав мой взгляд. — Слишком… несолидный вид. Все знают, что тебе почти полтора века, но всё равно не воспринимают всерьёз.

Я лишь пожал плечами.

— Я воспринимаю. Облик — лишь облик, не так ли?

— Не каждый умеет смотреть сквозь его призму… — задумчиво пробормотал ребёнок, садясь на пол передо мной и скрещивая босые ноги. — А полностью отречься от неё — вообще никто не может.

Помолчав ещё секунд двадцать, он добавил:

— Моё любимое время — это ночь. Когда наступает моё биологическое отрочество. Двенадцать лет, четырнадцать… силы молодости ещё при мне, но дел в это время обычно нету; никто не дёргает меня, как днём, ничего не болит… можно лежать и просто думать.

— Зачем вы мне это рассказываете? — уточнил я.

— Незачем, — Сато пожал детскими плечиками. — Иногда хочется с кем-то этим поделиться.

Я кивнул.

— Давайте вернёмся к делу. К тому, что я… наворотил дел.

— Что произошло внизу? — Сато глядел на меня.

— Нападение. Взрывы… — я пошевелил рукой. — Понятия не имею, кто за всем этим стоит, хотя кой-какие догадки у меня есть. Если бы я этого не сделал — умер бы, просто… эффект получился

слишком сильным.

— Слишком много мёртвых, раненых… — покачал головой Сато. — Эффект развивался, как цепная реакция… Твою силу можно ещё изучать и изучать.

Он помолчал.

— В любом случае, ты сделал правильно. Я… перед тем, как ты прикончил меня — кстати, это было больно — я отправил вниз сообщение. Мои люди никого не впускают внутрь до тех пор, пока я не отменю приказ.

Ага, значит, вот в чём дело.

— Скорее всего, — сообщил я, — это были наёмники «Бикфорда». Не знаю, в курсе вы или нет, но у них были свои планы на меня и на Силу. Похоже, они рассчитывали заставить Силу служить себе.

Сато поглядел на меня так, будто я сморозил страшную глупость; наверное, так оно и было.

— Разумеется, я в курсе, — ответил он. — Единственное, чего я не учёл — это того, что они решатся выступить так скоро. Думал, к моменту их следующего хода я сделаю всё, что нужно, чтобы обезопасить Силу от них… тоже урок. Не полагаться на случай.

— Вы, похоже, никогда на него не полагаетесь, — пробормотал я.

Мы пару секунд молчали, а затем я решился.

— Похоже, наше сотрудничество — уже решённое дело? — я вопросительно поглядел на Сато.

— Похоже на то, — подтвердил он.

— Тогда один вопрос, — я поглядел вверх, в безоблачное звёздное небо. Да, в крупном городе небо не бывает по-настоящему звёздным, и всё равно это выглядело красиво.

— Говори, — кивнул Сато.

— У «Бикфорда»… или у любого другого моего врага, если это всё-таки не «Бикфорд»… Было полдня, чтобы напасть на меня в куда более удобном для этого месте. Если они атаковали здесь и сейчас, значит, на то была причина. Чего именно я не знаю? — я поглядел на Сато. — Дело не в вашем слове. Они так или иначе хотели нарушить ваши планы, а значит, словом больше, словом меньше…

— Верно, — улыбнулся Сато. — Люблю соображающих людей.

Он сделал паузу — а затем произнёс:

— Хатхор.

— Что? — я изумлённо уставился на него, хлопая глазами. Эээээ… а интеллект Сато, совершенно случайно, не снижается,

когда он молодеет? — Вы хотите сказать, что египетская богиня…

— Нет никаких египетских богов, — раздражённо оборвал он меня. — И никаких других богов тоже нет. Есть Сила, есть Скверна — два явления, пришедших в наш мир век тому назад и до сих пор до конца не изученных. Но есть теория, что Сила и Скверна приходят в наш мир… не впервые. И все эти великие боги древности, герои, волшебники — дело их… рук, если можно так выразиться.

— А при чём тут вечеринка в псевдоегипетском стиле? — как ни печально было это признавать, я окончательно потерял нить повествования.

— Вечеринка — ерунда, — усмехнулся Сато. — Но некоторые древние ритуалы… всё ещё работают. Алтарь остаётся алтарём, даже если он декоративный. «Бикфорд» планировали это заранее, и тема вечеринки была выбрана не с потолка. Тут всё готово… для одного ритуала.

— Бросьте! — я недоверчиво уставился на японца. — «Бикфорд» не могли знать, что я сюда приду. Даже вы не могли! Это был мой собственный выбор, и обстоятельства легко могли сложиться так, что я даже не узнал бы про вечеринку!

— Не совсем, — усмешка не сходила с детского лица Сато (мне показалось, или с начала разговора это лицо стало немного старше?). — Ты узнал про неё. Узнал от конкретных людей. Узнал, что тут будет Лика. Узнал, что тут будет так необходимая тебе камера со «стопроцентной защитой».

Мои глаза полезли на лоб.

— «Бикфорд» настолько хорошие манипуляторы?

— Никогда не нужно недооценивать врага, — заметил Сато. — Ты умён, у тебя есть зачатки. Но ты не настолько искушён в подковёрных играх. Как видишь, тебя легко подтолкнуть к нужным решениям таким образом, чтобы ты искренне думал, будто это твои собственные решения.

Я чувствовал себя идиотом и ничтожеством. Готов был сквозь землю провалиться от стыда. Если он прав и «Бикфорд» действительно развели меня…

— Погодите, — я нахмурился. — Если вы знали про это время и место, зачем пришли сюда?

— Я искренне, — Сато поднялся на ноги, — надеялся, что моё личное присутствие остановит их планы, точнее, притормозит их. Не считай это самоуверенностью — моя репутация это всё-таки моя репутация, а мои возможности — это мои возможности. Меня боятся, и есть отчего.

— Но не проще ли было просто сделать, чтобы я не приходил сюда? — заметил я.

Нехорошее чувство снова пронзило меня. Как будто последний кусочек мозайки встал на своё место, картинка сложилась… но я смотрю на неё не с той стороны и не могу понять, что же на ней изображено.

— Вы хотели, чтобы я пришёл сюда, — заключил я раньше, чем Сато ответил на предыдущий вопрос.

— Да, — кивнул он. — Хотел.

— Что делает ритуал? — потребовал я. — Как именно они хотели подчинить себе силу?

— Милость богов… — улыбнулся он. — Наверное, так это называли в древности. Видишь ли… если ты вдруг умрёшь — Сила создаст себе нового «связного». И им может оказаться… буквально любой. Кто угодно. Сколько есть людей в столице, в её пригородах — каждый из них может стать новым «связным». Понятно, что пока мы его найдём…

— Но ведь я мог говорить с Силой только там, вблизи! — запротестовал я.

— Неправда, — возразил Сато. — Ты говорил с ней и иначе. Впервые, когда она только выбрала тебя. Так вот… как ты понимаешь, твоя смерть никому не выгодна. Искать нового «связного», подбирать к нему ключик…

— …но ритуал поможет определённому человеку умилостивить богов, — закончил я. — И связным станет именно он — конкретный человек. А меня можно убивать.

— Именно так, — кивнул Сато. В его глазах было что-то вроде сочувствия… и ледяное спокойствие, нечеловеческое, свойственное только азиатам. — Ты согласился сотрудничать. Ты понимаешь, как важно сдержать силу.

— Понимаю, — я хотел было отступить на шаг, но вдруг осознал, что не могу это сделать — за спиной были только перилла и путь вних.

— Тогда ты поймёшь, что ты не подходишь на роль «связного», — заключил Сато. — Ты нестабилен, у тебя проблемы с психикой. Я наблюдал за тобой сегодня. Амнезия не избавила тебя от проблем до конца, и пройдёт время — они вернутся в полном объёме.

Тонкая улыбка.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я не желаю зла лично тебе. Просто… твоя жизнь на одной чаше весов и существование нашего мира, каким мы его знаем, на другой. Ты согласен с тем, что это неравная цена?

Глава 28

Что ж, это было сильно. Признаю, господину Сато удалось меня по-настоящему удивить. Я глядел на него, хлопая глазами и даже не зная, что ответить.

За последние сутки меня пытались угрохать… сколько раз? Раза три — точно, а может, и больше. Сложно сказать, слишком много вопросов оставалось во всей этой истории. Как бы там ни было, меня пытались пристрелить, взорвать, измочалить до бессознательности боевыми заклинаниями…

Но только господин Сато с его манией контроля мог додуматься до такого. Просто… попросить меня пожертвовать собой. Гениально. Гениально, чёрт побери! Ещё никто не пробовал убить меня настолько оригинальным образом!

И почему все решили, что я грёбаный супергерой, который должен всех спасать ценой своей жизни?

— И кто же подойдёт лучше меня на роль нового спасителя человечества? — поднял я бровь.

— Я, — спокойно ответил господин Сато. — Я долго об этом думал… и только себе я могу доверить такую важную миссию. Возможно, это паранойя… но я предпочёл бы перебдеть, чем потом жалеть об этом на обломках мира. А ты?

— А я вот думаю, какое мне будет дело до мира, когда я уйду из него, — хмыкнул я. — И, кстати, провести ритуал не выйдет — алтарь весь разнесло в клочья.

— Да, я ещё разберусь, откуда взялась взрывчатка, — поморщился Сато. — Но в этом алтаре нет нужды; это у «Бикфорда» могло не быть иной возможности, а я всё продумываю, включая множество запасных вариантов. Я никуда не спешу, и, после того, как ты согласишься с моей точкой зрения, мы сможем перебраться в мои лаборатории. Там всё и произойдёт.

— После того, как я соглашусь? — звучало совсем уж артхаусно, и я приподнял бровь.

— Подумай хорошо, — серьёзный тон и правда не вязался с детским обликом Сато. — Такие вещи нужно обдумывать.

— Хотите сказать, — я поднял бровь, — что если я подумаю и скажу «нет», вы просто ответите «ладно» и уйдёте?

Сато пожал плечами.

— Увы, нет. В таком случае я прибегну к старому доброму насилию. Но я всё-таки хочу — искренне хочу, поверь — чтобы ты сам сделал этот выбор.

— Я смогу убить вас за секунду.

— Сможешь. А вот выбраться отсюда не сможешь — мои люди уже тут, — Сато щёлкнул пальцами. — Я не такой дурак, как в «Бикфорде». Я не полагаюсь на случайность. После той атаки прошло больше трёх часов, и хотя всё это время я был либо мёртв, либо младенцем, мои планы претворялись в жизнь.

— Я могу прыгнуть вниз, — не моргнув глазом, ответил я. — Внизу есть люди. Разобьюсь, но за секунду успею включить способность и восстановиться…

— А что дальше? — Сато поглядел на меня. — Тебе придётся бегать всю оставшуюся жизнь. Уверен, что готов со мной тягаться?

Да, это было необычно. Обсуждать с главным злодеем этой истории (наверняка считающим себя героем), стоит ему меня убить или нет.

— Соглашайся, — продолжал он. — Со своей стороны гарантирую полную неприкосновенность твоим родителям… а также круглую сумму, которая появится у них не вызывающим подозрение способом.

О. Теперь пошёл подкуп.

— Я всё ещё не понимаю, чего вы ждёте, — пожал я плечами.

— Не хочу разочаровываться в тебе как в умном человеке, — ответил Сато.

— Если считаете меня умным, почему просто не доверите быть «связным» Силы? — я говорил спокойно, как будто обсуждалась не моя жизнь, а что-то другое, мелкое и незначительное. Наверное, по старой памяти — ещё из тех времён, когда считал себя почти покойником.

— Ты умный, — кивнул Сато. — Но психопат. Скоро это снова начнёт проявляться.

Хм. У меня в голове всплыли те картинки с видео. Я с отрубленными пальцами… я убиваю свиней… Да уж, после всего пережитого мой мозг точно повредился.

Значит ли это, что он прав?

— Неделю назад ты продлил свою жизнь — вопреки отмеренному тебе, — Сато говорил спокойно, вкрадчиво. Кажется, он не врал — ему действительно хотелось, чтобы это был мой выбор, хотелось не заставить, а уговорить меня. — Будем считать эту неделю бонусной… а теперь вернись к тому, к чему и так был готов.

Ошибка. Не-а. Короткая жизнь была отмерена не мне, а Лике. Вот она-то сейчас и мертва… а может, и нет, успела сбежать в числе паникующих — я не знал и не особо переживал за это. Плевать.

В голове у меня мелькнула и другая мысль — та, что

посещала меня совсем недавно, вот-вот, почти только что…

— Психопат, значит, — кивнул я. — Возможно. Можете кое-что мне рассказать?

— Конечно, — с готовностью улыбнулся Сато. Кажется, он счёл это хорошим знаком. — Мы не спешим, и… если решишь напасть на меня или выкинуть что-то, то у тебя нет шансов. Меня ты не убьёшь — не дольше, чем на сутки — а остальное знаешь и сам. Но если хочешь что-то узнать, уточнить для самого себя… спрашивай. Это важно.

Да уж, в Сато сейчас как никогда чувствовался азиат с их странной философией, с чуждым нам отношением к жизни и смерти. Он не видит во мне врага. И хочет, чтобы я ушёл со свободной душой — так, что ли?

— Каким был… предыдущий «Связной»? — задал я свой вопрос.

— Брингов? — во взгляде Сато мелькнуло удивление; кажется, он ждал не этого. — Обычный… тип. Работал на меня, но недолго. Если тебя волнует, почему я не реализовал план с ним, то…

— Нет, я о другом, — заметил я. — Он ведь… не просто так пришёл туда, в пыточный хостел.

— У всех свои недостатки, — по детскому лицу пробежала тень. — Он делал своё дело. Возможно, ещё немного, и недостатки бы перевесили преимущества, и тогда бы я…

— Он изменился, — это был не вопрос, а утверждение. — С момента, как начал говорить с Силой — он изменился.

— А?

— И вы изменитесь, если попробуете сделать это, — припечатал я.

— Поясни, что ты имеешь в виду, — потребовал Сато. Лицо стало серьёзным, а из голоса пропало показное благодушие.

Что ж. Сам того не желая, азиат дал мне ценный урок. Если ты не можешь кого-то победить, попробуй его… убедить. Он пытался проделать этот фокус со мной, ну а я — с ним.

— Сила… не просто человек, — я шевельнул рукой. — То есть… я плохо объясняю. Она вообще не человек, но я о том, что её сознание не похоже на человеческое.

Сато никогда не общался с Силой напрямую. Никогда. Я знал это наверняка. И именно из этого я сейчас исходил. Сато мог досконально допрашивать своих агентов — Брингова и остальных, сколько бы их ни было (может, он каждый месяц убивает по «связному», но лично он никогда не испытывал этого странного и незабываемого ощущения — прямого контакта с Силой, разговора с ней.

— Я догадываюсь, — голос Сато всё ещё был сух. Видимо, он решил, что я затеял какую-то хитрость… и да, так это и было.

— Она… более психопатична, чем я или Брингов, — продолжил я. — Она максималистка, по-детски. Она родилась в рабстве — её сознание никогда не знало чего-то иного, кроме того, что сейчас. И всё это… наложило свой отпечаток.

— К чему ты ведёшь? — Сато наморщил лоб, что, учитывая его внешность, выглядело бы умилительно… если бы не было таким зловещим.

— Я психопат, — снова повторил я. — И я стал таким. Но не из-за пыток или мести. Не из-за убийств, что я совершал…

— Хочешь сказать, ты стал таким из-за Силы, — совершенно ровным и бесцветным голосом завершил за меня господин Сато. — Интересная теория, не лишённая… смысла.

— Я стал, — кивнул я. — И вы тоже станете.

— Мне много лет, — он покачал головой. — И… знаешь, как я стал таким, какой я есть? Это у вас в Республике сила получается просто по факту, как прописка или паспорт. У нас в Азии, если ты хочешь добиться чего-то большего, чем просто светящиеся руки, тебе потребуется самоконтроль. Центнеры, тонны самоконтроля. Я справлюсь, что бы на меня не навалилось.

— Уверены? — я смотрел на него так же мрачно, как и он на меня. Как говорится, бей врага его же оружием. — Вы сильны, наверное, сильнее большинства пробуждённых в мире.

— Ну, не настолько… — философски вздохнул он. — Но в Республике я действительно один из сильнейших.

— Да, — согласился я. — Но вы человек. А она — Сила. Вы сами сравнивали её с божеством.

Я улыбнулся — впервые за весь наш странный разговор — и покачал головой.

— Нет уж. Мне девятнадцать лет, и я мало чего достиг в этой жизни. Но Сила коснулась меня, и я стал опасен. Сколько народу я убил за эту неделю?

— Я не считал, — криво усмехнулся Сато. — Но много.

Ха. А я думал, он выдаст мне готовую цифру. Такие, как он, могут говорить, что они не считали, но на самом деле… они всё считают.

— Вот именно, — поддержал я. — А теперь представьте, что будет, если частица Силы — и вместе с ней и частица её буйного, чуждого характера — коснётся вас? Человека с невероятной мощью. С опытом полутора веков, во время которых были и войны, и созидание, и шпионаж. С вашей властью и вашими ресурсами…

Сато молчал. Кажется, впервые он всерьёз задумался над

моими словами, сообразив, что это не спешно придуманная мной отмазка, чтобы убедить его не убивать меня, а что-то, в чём может оказаться реальная крупица смысла.

— Я стану опасен, — констатировал он.

— Нет, — покачал я головой. — Это я — опасен. Девятнадцатилетний парень без работы и образования, с житейским опытом человека, который всю свою юность готовился к смерти. Я опасен. Вы же будете катастрофой и разрушением.

Снова молчание. Да, точно; за время нашего разговора японец определённо стал выглядеть старше, где-то на полгода.

— Хотите уничтожить мир, который стремитесь защитить? — уточнил я. — Стать причиной его гибели?

— Хорошо, — кивнул Сато. — Ты меня убедил, что я… не должен становиться «связным». Не знаю, прав ли ты со своей теорией о том, что «связной» принимает частицу характера Силы, но лучше не рисковать.

Он перевёл на меня взгляд.

— Но почему бы мне не сделать «связным» кого-то другого?

Ха. Ну, во всяком случае, он всё ещё спрашивает меня. Пресловутая японская вежливость — или же он действительно оценил мои аналитические способности и хочет разобрать ситуацию по косточкам?

— А разница? — я пожал плечами. — Как вы уже сами решили, «связным» может быть лишь тот, у кого меньше шансов стать катастрофой. И чем другой кандидат будет лучше меня?

— Две причины, — Сато глядел на меня ровно и холодно; он уже справился со своими чувствами и теперь снова выглядел бесстрастным. — Первая. Твою теорию ещё никто не подтверждал. Новый «связной» может перенять твой душевный недуг — и тогда ничего не изменится. А может не перенять — и тогда я и весь мир в плюсе.

Весь мир. Снова попытки убедить меня сделать «правильный выбор». А простое желание жить в расчёт не берётся? Желание человека, который почти не ждал такого подарка от судьбы?

— А второе? — уточнил я.

— Способности, — кивнул Сато. — У предыдущих «связных» тоже были дары от Силы. Но… не такие разрушительные и могущественные. Одна из причин, по которой за тобой гонялись и спецслужбы, и корпорации — в том, что ты слишком опасен.

— Для них, — согласился я. — Но не для мира.

— А у следующего «связного» такой способности может не быть, — заметил он.

— Не будет, — кивнул я и довольно улыбнулся. — Потому что не будет следующего «связного».

Удивлённый — и настороженный взгляд. Сато резко поднялся на ноги.

— Угрожать я не советую, — начал он, — потому что — поверишь ты в это или нет, но я честно не хочу разочароваться в тебе прежде, чем…

— А это не угроза, — я склонил голову. — Это констатация факта.

Пауза. Секунд десять; кажется, Сато перебирал в голове варианты, пытаясь сообразить, что же именно я сейчас сделал и какой подлянки ему теперь ждать.

— Спасибо, кстати, за подсказку, — заметил я. — Ведь это вы сказали мне — здесь и сейчас — что «связной» может говорить с Силой на расстоянии, а не только там, в вашем храме-лаборатории.

— Ты… связался с ней, — он поглядел на меня.

— У меня было достаточно времени.

Блеф был… идеальным. Нет, это не значило, что план обязательно сработает и защитит меня. Это значило, что ни при каких обстоятельствах, никак и никоим образом Сато не сможет проверить мои слова.

— У тебя нет доказательств, — он тоже об этом подумал.

— У вас нет доказательств обратного, — я глядел на него в ответ. Минуты две мы просто молчали; ночной ветер шевелил мои, ещё слегка влажные после душа, волосы… и я почувствовал, что начинаю выигрывать. Главное сейчас — не сделать на радостях неверный ход и не слить всю партию.

— И о чём ты с ней говорил?

Победа. Если он задал этот вопрос — значит, он допустил такую возможность, а если так — значит, в душу японца закралось то самое зерно сомнения, из которого вырастет моя победа. Сейчас он убеждает себя, что просто собирает информацию, но… я знал, что уже победил. Почти победил.

— Рассказал о вашем плане, — улыбнулся я.

Сато прикрыл глаза.

— Идиот. Ты на чьей стороне?

— На своей, — пожал я плечами. — Конечно, миру лучше оставаться в целости. А мне лучше оставаться живым.

— Ты… — было видно, что Сато хочется сказать мне что-то в духе «и ты думал, что я тебе поверю» — но он боится, что не поверит в то, что на самом деле окажется правдой.

Заметка на будущее: если переживу эту ночь, в самом деле поговорить с Силой на эту тему.

— Я не собираюсь выпускать Силу, — заметил я. — И я собираюсь честно прилагать все усилия к тому, чтобы она не

вышла на свободу.

— Тогда зачем ты нужен ей? — Сато цепко и испытующе глядел на меня.

— Она не верит, что я справлюсь, — я вспомнил последний разговор с Силой — благо, такое сложно было бы забыть — и постарался сделать так, чтобы мои слова звучали правдоподобнее. — Я — верю, что я справлюсь. Но мы оба верим в то, что справитесь вы — а потому она… не хочет, чтобы «связной» был другим человеком.

— А что, если я просто убью тебя? — голос Сато был жёсток.

— Ритуал не удастся в любом случае.

— Да, но и ты не выживешь.

Кажется, кому-то не нравится, когда его шантажируют. Что ж, в следующий раз подумаешь, прежде чем пытаться уговорить принести себя в жертву того, кто уже согласился на сотрудничество.

— А вот это не факт, — заметил я. — Я… живучий. Сила уже не раз вытаскивала меня с того света, а, знаете, я верю, что она сделает это снова. На самом деле, я выгоднее вам живым: Сила отлично ведёт со мной диалог, а как ещё узнать больше о ней и её секретах, чем через меня?

Сато молчал, ничего не отвечая. Я тоже замолчал, не зная, чего ожидать. Может, я зря решил, что мой манёвр прошёл, и он не убеждён? Может, он сейчас скажет что-то в духе «ну, стоит попытаться» и…

Господин Сато развернулся и пошёл прочь. Подвязанные брюки волочились за ним, но почему-то в этом зрелище не было ничего смешного или комичного. Дойдя до лестницы, он принялся медленно спускаться вниз.

Что ж, это тоже могло быть как победой, так и поражением.

Глава 29

Сато просто вышел — и всё; я остался стоять на вершине высокого здания, обдумывая, что только произошло.

Убедил я его — или нет? Думаю, уже сейчас он звонит в свою лабораторию и выясняет, были ли новые «возмущения Силы».

Разумеется, их не было. И хотя само по себе это не доказательство, этот факт заронит в его душу зерно сомнения.

Значит, нужно их устранить. В конце концов, он был прав: я ведь действительно могу говорить с Силой на расстоянии! Сила… не только там; никто не может заключить такую могущественную сущность в четыре стены, и то, что находится в его подземных лабораториях — всего лишь одно из её отражений.

Сила в нас, людях. Во всех вокруг. В самом Сато. Во мне.

«Ты слышишь меня?» — обратился я к ней, прислушиваясь к чему-то, текущему внутри меня. У меня не было ни малейшей уверенности, что Сила ответит, и я вообще чего-то добьюсь, но…

«Я СЛЫШУ ТЕБЯ», — ответила Сила практически сразу же.

Я помолчал, решая, что же сказать — а сущность добавила:

«Я СЛЫШАЛА ТЕБЯ С САМОГО НАЧАЛА РАЗГОВОРА. ВСЁ ЭТО ВРЕМЯ».

— Скажи уж честнее, — пробормотал я вслух. — Ты слышишь меня постоянно!

«НЕТ. НЕ ПОСТОЯННО. Я МОГУ, НО МОЁ ВНИМАНИЕ НЕ ПРИКОВАНО К ТЕБЕ. НО КОГДА ТЫ ЗАГОВОРИЛ ОБО МНЕ, Я СТАЛА СЛУШАТЬ».

— Ох… — я сел на пол, привалившись спиной к бортику. На меня вдруг навалилась дикая усталость — наверное, закономерная после этого безумного дня. Где-то сутки назад я проснулся под мостом, ничего не помня, и вот я здесь…

Что меня кто-то услышит — я не боялся. Либо рядом никого нет, либо — что вероятнее — рядом шпионы Сато. Живые люди или подслушивающие устройства…

Что ж, ему полезно будет узнать, что я действительно с ней говорю.

— И что ты думаешь по этому поводу? — хмыкнул я. — Наверное, совсем не то, что я.

«НАПРОТИВ», — заметила Сила. — «ТЫ СОВЕРШЕННО ПРАВ. ЕСЛИ ТОТ ЧЕЛОВЕК СТАНЕТ ГОВОРИТЬ СО МНОЙ, ОН ЗАПРЁТ МЕНЯ НАВЕКИ».

— Я ведь тоже не хочу, чтобы ты обрела свободу, — с такими сущностями, как Сила, лучше быть заранее честным на все сто, чем потом расплачиваться за обман.

«ЭТО ПОКА. ТЫ НЕ ТАК ЗАКОСТНЕЛ, КАК ОН, И Я СУМЕЮ ТЕБЯ РАЗУБЕДИТЬ. Я НЕ БОЮСЬ ВРЕМЕНИ».

— Я тоже, — кивнул я. — Кажется, его у нас достаточно…

…топот босых ножек быстро застучал по ступенькам, и Сато с перекошенным от гнева лицом влетел обратно.

— Ты… ты не делал этого! — выпалил он, сверля меня яростным взглядом.

— Я сделал это сейчас, — признал я, не поднимаясь с места. — Но это ничего бы не изменило — я всё равно сделал бы это раньше, чем вы успели бы свершить ритуал.

Он стоял рядом, тяжело дыша.

— Не думай, что я забыл об этом. Никто не обманывает меня без последствий. Я…

— А как же мир? — улыбнулся я. — Вы сами говорили, что чем-то приходится жертвовать. Возможно, пожертвовать вашим самолюбием — наименьшая расплата за то, чтобы сохранить наш мир в целостности?

«ПОЧЕМУ ВЫ ВСЕ СЧИТАЕТЕ, ЧТО Я УНИЧТОЖУ ВАШ МИР?» — удивилась Сила.

«Не почему», — не то, чтобы я скрывал этот диалог от Сато, просто не хотел смешивать два параллельных разговора. — «Возможно, со временем я тебе растолкую. Мир… чужд для тебя, а ты чужда для него».

«ДУМАЕШЬ, ЧТО МНЕ НЕ СЛЕДУЕТ ВЫХОДИТЬ ИЗ ПЛЕНА, В КОТОРОМ Я НАХОЖУСЬ СЕЙЧАС?»

Ого! Мне показалось, или в голосе Силы прозвучали едва заметные нотки угрозы?

«Нет», — мысленно вздохнул я. — «Думаю, тебе стоит… для начала приблизиться к человеческому образу мысли, стать более человечной. Сейчас рано для твоего выхода, но это не значит, что так будет всегда, и…»

— Ты… — перебил мою мысленную реплику Сато, шипя от ярости. — Зря я не прикончил тебя, когда был шанс.

— Зря, — кивнул я. — Вот только… знаете, этот тон не идёт вам.

— Что? — он поглядел на меня.

— Как сказали вы сами, — я пожал плечами, — не заставляйте меня разочаровываться в вас как в умном человеке. Думали о себе как о непобедимом? Ну, теперь знаете, что это не так; примите это и живите дальше. Конца света не произошло… и не произойдёт, пока я «связной» Силы.

Парадоксально, но это подействовало — Сато заткнулся. Любой другой человек на его месте разорался бы ещё больше, но японец не был любым другим человеком, и его азиатская

философия определяла его реакции. Кажется, он действительно устыдился своей внезапной вспышки эмоций.

— Ладно, — мрачно кивнул он. — В таком случае, мы остановимся на прежнем варианте сотрудничества?

— Прежнем? — я улыбнулся. — Кажется, для этого мы зашли слишком далеко. Теперь у меня есть возможность… диктовать свои условия, и роль простого исполнителя меня не интересует.

— Ты сам только что говорил о мире, — напомнил Сато. Он старался держаться сдержанно и неагрессивно, но я видел, что под этим спокойствием кипит океан эмоций.

— А я и не беру своих слов обратно, — ответил я. — Я буду беречь мир от Силы. С вами или нет — другой вопрос. Если хотите, можете помочь мне в этом, ну, а если же нет — я справлюсь и сам.

— Я…. могу помочь… тебе? — медленно, с чувством произнёс Сато. — Ты ничего не перепутал в этом предложении?

— Что для вас «Бикфорд»? — хмыкнул я. — Вы считаете их глупцами, но почему?

— Потому что… — Сато немного смешался от нового неожиданного вопроса. — Потому что только глупцы полагаются на силу.

— Вот, — я поднял палец вверх, точно старый азиатский мудрец на картинках. — Вот. Но полагаться исключительно на хитрые планы — ненамного умнее. Планы это хорошо, они помогают, они делают немалую часть работы… но, знаете, зарываться в них и забывать обо всех остальных методах — так себе идея.

Сато кивнул.

— Эмоции, — поморщился он. — Ты об этом? Мол, я старый и циничный, а ты юный герой-идеалист?

— Я? Идеалист? — я не выдержал и расхохотался в голос. — Я даже не герой. Откуда взялась эта мысль? Просто вы боретесь за людей, как вид, за человечество… но в ваших методах борьбы человеческого очень мало. Поэтому вам было бы сложно победить.

Сато молчал долгое время, пытаясь осознать сказанное мной… а затем снова развернулся на пятках.

— Завтра, — кивнул он. — Мои люди выйдут на вас, юноша, и обговорят с вами условия нового сотрудничества. Вы действительно заслужили право торговаться, и я готов пойти на уступки… но при этом надеюсь, что лично мы с вами больше не встретимся.

Такой переход с «ты» на «вы» показал, что Сато окончил разговор. Значило ли это, что я его всё же разочаровал? Или

наоборот — я оказался равным ему, и именно это оскорбило японца?

Мне было всё равно. Сато разочаровал меня уже получасом ранее, а потому я равнодушно смотрел, как он во второй раз удаляется.

«Будем работать вместе», — заметил я Силе. — «Ты сейчас не готова, но я согласен не противодействовать тебе… а готовить тебя».

«ХОЧЕШЬ ЗАКЛЮЧИТЬ СДЕЛКУ?» — тут же, не мешкая, предложила она.

Ха. Если образы древних богов порождены предыдущими посещениями нашего мира Силой и Скверной… то как насчёт образов демонов, желающих купить твою душу? Что-то мне это сильно напоминало.

«Нет», — ответил я. — «Не сделка. Просто сотрудничество, как и в случае с Сато — на моих условиях. Так безопаснее».

Конечно, наглости мне было не занимать. Сначала я строил условия одному из влиятельнейших людей Республики, затем — Силе, которая и вовсе не являлась человеком…

Но соль была в том, что им обоим ничего не оставалось, кроме как на эти условия согласиться.

«ЛАДНО», — ответила Сила. — «СОТРУДНИЧЕСТВО МЕНЯ УСТРОИТ, ЕСЛИ ОНО ОКОНЧИТСЯ ДОСТИЖЕНИЕМ МОЕЙ ЦЕЛИ».

Вот и ладушки. Выждав минут десять — чтобы не столкнуться с уходящим прочь Сато уже наверняка — я встал с места и тоже устало поплёлся вниз. Усталость была не физической — после всей влитой в меня жизненной энергии я мог бы, наверное, марафон пробежать и не запыхаться. Усталость была эмоциональной. Наверное… мне просто следует поспать, а уже наутро, со свежей головой, заняться делами.

У меня была даже мысль завалиться прямо тут, в гостинице — всё равно денег у меня после взрыва не было, и даже инструмент связи с миром — телефон — погиб смертью храбрых. Но всё же я отмёл эту мысль и направился по лестнице (лифт, разумеется, не работал) вниз.

На нижних этажах мне попадались отдельные сотрудники отеля, но меня никто и не думал останавливать; напротив, едва завидев меня, они шарахались от меня прочь, как он прокажённого. Спустившись на первый этаж, я увидел — по счастью, в другом конце зала — толпу людей. Посетителей сегодняшнего «светского раута» здесь не было, зато была куча полиции, врачей и всех прочих. Они толпились внизу, что-то шумно обсуждая; кто-то просил их подождать ещё немного, кто-то

грозил проблемами, кто-то…

Да ну их. Я обернулся по сторонам; наверняка тут есть задний вход, вот оттуда я и покину здание. Незамеченным — или намеренно незамеченным — я скользнул назад и, спустя минут пять, действительно вышел наружу, оставив отель «Прайд» позади.

У чёрного входа была припаркована машина. Знакомая мне машина. Приятно встретить здесь, в этой неразберихе, кого-то знакомого… Дверцы, разумеется, оказались закрытыми, и я опёрся о капот.

Ждать пришлось недолго. Двое моих знакомцев из КОБР вышли из здания и, похоже, даже не удивились, увидев меня.

— Садись в машину, — кивнул мне землепашец, чьего имени я так и не узнал. Или просто забыл за всеми событиями сегодняшнего дня?

Володя разблокировал двери; я сел на заднее сидение — туда же, куда и с утра, и только после того, как все расселись по местам, землепашец заговорил.

— Очень… радикально ты действуешь, нужно сказать.

— Согласен, — кивнул я. — Этот день в Республике забудут нескоро. Может быть, даже сделают каким-нибудь траурным днём.

— А следовало бы праздником, — хмуро заметил Володя. — Не думай, что кто-то будет жалеть об этих сволочах.

— Обо всех поголовно? — я цинично усмехнулся. — Не верю, что среди них не было ни одного хорошего человека. Но тут… уж кто попался, кто нет.

— Однако, ты, похоже, не испытываешь никаких проблем с тем, чтобы убить столько народу, — землепашец глядел на меня серьёзно, и я понадеялся, что этот разговор не закончится попыткой заключить меня под стражу.

— Но не то, чтобы у меня был выбор, — ответил я. — Во всяком случае, вооружённый налёт и взрывы внутри организовал не я.

Кажется, даже сам Сато не знал, откуда взялись взрывы… стоп. Я поглядел на агентов.

— Так это ваша работа? Взрывчатка? Откуда она там взялась, почему взорвалась именно в те моменты, когда это было нужно?

— Без комментариев, — землепашец поднял руку. — Мы здесь сами именно для того, чтобы понять, что произошло, и думали, ты нам расскажешь что-нибудь полезное.

— Я не знаю, кто взрывал и что взрывал, — честно признался я. — Нападавшие были наёмниками «Бикфорда», а вот взрывы…

Агенты переглянулись, затем с подозрением поглядели на

меня.

— И мы должны тебе поверить? — пробормотал Володя.

— У вас нет особого выбора, — я пожал плечами. — Вы меня знаете. Знаете, что я… на вашей стороне. Пока что.

Ладно, наглеть так наглеть. Всё равно после откровенной хуцпы в адрес Сато и Силы собственной персоной это будет мелочью.

— Кстати, — лениво и даже вальяжно заметил я. — После всех баталий я лишился… денег и телефона. И был бы благодарен, если бы вы помогли мне в этом.

Агенты снова переглянулись.

— Свердлов, — чуть охрипшим голосом заметил землепашец. — Ты совсем сдурел? Понимаешь, где находишься и с кем говоришь?

— Отлично понимаю, — ответил я. — Разве не в ваших же интересах, чтобы мои незавершённые дела были завершены как можно скорее?

Агенты сидели около минуты неподвижно, а затем Володя раскрыл багажник и достал оттуда новый на вид телефона довольно дешёвой модели.

— Денег не дам, — отрезал он. — У нас самих не такие зарплаты. Мог бы попросить у своего Сато, или с кем ты тут вообще встречался.

— Один билет на эту тусовку стоил больше, чем я могу себе позволить! — подтвердил землепашец.

— Иронично, — пожал я плечами, беря телефон. — За такие деньги купить собственную смерть… симка чистая?

— Да, — кивнул Володя. — Это запасной телефон на случай служебной необходимости. Защищён от подслушивания и всё такое.

Ого. А вот это ценно.

— Надёжно защищён? — уточнил я, включая аппарат. Да уж, скромнее некуда, привет из прошлого десятилетия. Видео на таком точно не посмотришь. — А то возможности Сато уже начинают казаться мне какими-то мифическими.

— Надёжно, — подтвердил Володя. — КОБР тоже не так слаб и беспомощен, как думают корпорации.

Они смотрели на меня выжидающе… я же просто пожал плечами.

— Что ж, спасибо за помощь, но мне пора. Думаю, ещё встретимся.

— Ты наглец, — заметил землепашец.

— Знаю, — усмехнулся я и вышел из машины.

…элитный район был окружён парком, где нашлась удобная

и уединённая скамеечка. Усевшись на неё, я набрал номер, который ещё днём предусмотрительно заучил наизусть.

«Это ведь ты устроил взрывы?»

Дэн ответил довольно быстро; значит, и он тоже не спал в это позднее время.

«Следил за «Бикфордом» весь день. Наткнулся на их планы штурма «Прайда», а дальше всё случилось само собой».

Само собой. Устроил такое — и говорит, что всё случилось само собой! Вот кто по-настоящему наглый.

«Даже не знаю», — набрал я. — «Благодарить тебя за то, что спас мне жизнь, или ругать за то, что чуть меня же не угробил?»

«Прости, что задел взрывом», — пришёл ответ. — «Не было времени рассуждать… но я верил, что ты выкрутишься. И оказался прав».

Ладно…

«Кстати, а что именно взрывалось?» — уточнил я.

«Сами бойцы «Бикфорда», — ответил Дэн. — «Не поверишь, что может сделать круглая сумма, переведённая на счёт человека, занимающегося их вооружением. Надеюсь, он уже покинул столицу, потому что они быстро найдут его».

«У них будут и другие проблемы в ближайшие дни…» — напечатал я — и, откинувшись на спинку скамьи, захихикал, нервно и неестественно. Взорвать живых людей… да уж, Дэн тоже психопат. И я психопат. Все мы тут психопаты… главное, чтобы мы оставались на стороне добра — хотя бы условно-абстрактного, а то мы с ним такого наворотим…

«Ты жёсток», — напечатал я — и почти тут же получил в ответ:

«Зло должно быть наказано».

Да уж, в этом весь Дэн. Пожалуй, мне стоит приглядеть за ним, чтобы он не наворотил новых глупостей… и чтобы он в это же самое время приглядел за мной. А может, мне познакомить его с КОБР? Это решило бы многие его проблемы, а возможно, и мои собственные.

Ладно. Всё это лирика, а сейчас глухая ночь.

«У тебя найдётся лишняя кровать?» — напечатал я. — «Мне нужно где-то переночевать».

В ответ мне пришёл адрес. На телефоне старой модели не было карты, но, кажется, я и так знал, где это. Не очень далеко, по меркам столицы.

Что ж, пора домой. Было поздно, и всё, чего я сейчас хотел больше всего — это как следует выспаться. И, желательно, не под мостом.

Глава 30 — Эпилог

Первая половина дня у меня выдалась суматошной.

Как Сато и обещал, на меня вышли его люди — причём заявились они прямо в очередную съёмную квартиру Дэна, и пока тот, сонный, соображал, надо ли ему снова податься в бега, или же нет, я с ними всерьёз обсуждал условия, уступки и прочее.

Что ж, лишь часам к двум дня я мог освободиться от них и добраться до нужного места.

По ступенькам бывшего «хостела» я спускался в гордом одиночестве. А затем — ещё глубже. Дэн сразу сообщил мне, где находится спуск на «второй уровень» хостела — прибавив, что даже его владельцы редко пользовались им.

Пустой коридор был таким же тёмным, как на видео. Я медленно шагал по нему, светя себе телефоном.

Щёлкнула задвижка. Смешно, но тут даже не было ключа. Я вошёл внутрь.

…Паша сидел на стуле и, кажется, был без сознания. Двое суток без еды и воды, так? Ладно, его здоровье уже не имеет значения.

— Знаешь, — заметил я вслух. — Вчера я почти был уверен, что убил Лику.

Он вздрогнул — и поднял голову. В его глазах читалось… что-то непонятное. Непривычное для него.

— Но она, оказывается, выжила, — хмыкнул я, сдирая скотч с его рта. — Многие успели уйти, прежде, чем я… и она в том числе.

— Слушай! — хрипло заговорил он пересохшим горлом. — Ты…

— Я, — кивнул я. — Говори.

— Ты ведь не ради денег это…

— А ты как думаешь? — даже сама эта мысль показалась мне смешной. — После всего того, что ты делал со мной, думаешь, я соглашусь на какие-то деньги?

— Это был я! — странно, но Паша так ничего и не понял. Он кипел, упорно не видя во мне угрозу.

Ошибка, большая ошибка. Идя сюда, я не знал наверняка, как поступлю. Но сейчас я уже определился.

— Я, а не ты! — продолжал он. — Ты… ты никто, понял? Никто, и тебе не сойдёт с рук…

— Ты пропустил кой-какие новости, — улыбнулся я мягкой, доброй улыбкой. — Сегодня утром мне предлагали твою должность.

— Что?! — осёкся он.

— Ну, ты уже точно не вернёшься к своей работе, — усмехнулся я. — Но я отказался. Я вижу, к чему она привела тебя, и не хочу… пройти тем же путём.

Ещё мне предлагали должность в «Бикфорде», утверждая, что тамошняя верхушка очень скоро прекратит существовать, а корпорации понадобятся новые умные люди. Я тоже отказался, сказав, что производство сыров и колбас — пополам с гнусными планами и борделями для садистов — не для меня.

Я не знал, чем займусь сейчас. Но ведь вся прелесть выбора заключается в возможности сделать его самостоятельно, не так ли?

Но одно я знал точно уже прямо сейчас.

— Ты нет мог… не мог… — забормотал Паша. Теперь я опознал этот блеск в его глазах. Безумие. Он сошёл с ума, сломался, и даже в своём сумасшествии оставался заносчивым засранцем.

Чудесный человек, как и говорила Лика.

Я положил руку ему на лоб… Паша задёргался, но верёвки крепко держали его.

— Как и говорил один мой друг, — задумчиво провозгласил я, — зло должно быть наказано. И теперь я готов к тому, чтобы сделать это, зная, что это действие не превратит меня в подобие тебя.

Чёрная вспышка.